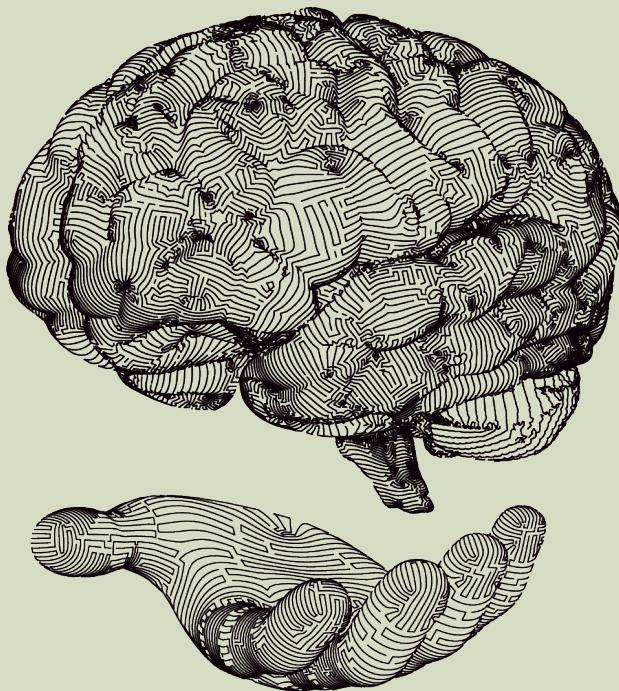

«Патриотизм как историко-психологическое явление»

Материалы
LVIII Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 16 декабря 2025 г.

Санкт-Петербург
2025

«Патриотизм как историко- психологическое явление»

Материалы
LVIII Международной научной конференции
Санкт-Петербург, 16 декабря 2025 г.

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.3(0)
И 73

**Под редакцией
доктора исторических наук, профессора
Сергея Николаевича Полторака**

Патриотизм как историко-психологическое явление: Материалы LVIII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16 декабря 2025 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Полторак, 2025. 232 с.

В сборник материалов LVIII Международной научной конференции Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева вошли доклады и сообщения ученых из России, Франции, Азербайджана, США. В публикациях рассмотрены историко-психологические основы формирования патриотизма. В работе конференции приняли участие историки, культурологи, политологи, экономисты, психологи, философы и другие специалисты. Материалы конференции представляют интерес для широкого круга читателей – любителей истории.

ISBN 978-5-6052939-1-0

©Авторы статей, 2025
©ООО «Полторак», 2025

«Квасной патриотизм» в Отечественной войне 1812 года как историко-психологический феномен

«Leavened patriotism» in the Patriotic War of 1812 as a historical and psychological phenomenon

Аннотация. В статье анализируется такое понятие как «квасной патриотизм» в качестве историко-психологического феномена, приводятся конкретные примеры его проявления во время Отечественной войны 1812 года. Показано, что так называемый «квасной патриотизм» представлял собой противоречивую гамму эмоций и чувств, которые внешне выражались в чрезмерно экзальтированном поведении, но в корне отличались от патриотизма истинного.

Ключевые слова: История России, история войн, Отечественная война 1812 года, ментальность, историческая психология, история эмоций.

Abstract. The article analyzes such a concept as “leavened patriotism” as a historical and psychological phenomenon, and provides specific examples of its manifestation during the Patriotic War of 1812. It is shown that the so-called “leavened patriotism” represented a contradictory range of emotions and feelings, which outwardly expressed themselves in excessively exalted behavior; but were fundamentally different from true patriotism.

Keywords: History of Russia, history of wars, the Patriotic War of 1812 mentality, historical psychology, history of emotions.

Одним из важных факторов, обеспечивающих победу над неприятелем во время войн и военных конфликтов, является патриотизм населения той или иной страны. Многотомная «Военная энциклопедия» трактует понятие патриотизма как «любовь к родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов...» Будучи одной из наиболее значимых ценностей общества, он интегрирует в своём содержании социальные, политические, духовно-нравственные, культурные, исторические и др. компоненты. Проявляясь в первую очередь как эмоционально-возвышенное отношение к Отечеству, как одно из высших чувств человека, патриотизм выступает в качестве важной составляющей духовного богатства личности, характеризует высокий уровень её социализации. Истинный патриотизм всегда есть единство духовности, гражданственности и социальной активности человека, является действенной побудительной силой и реализуется в деятельности личности на благо Отечества» [1, с. 291]. Патриотические чувства сплачивают различные группы социума воедино, мобилизуют на достижение общественно значимых целей. Особо-

бо важным является то, что практическим выражением патриотизма выступает морально-психологическая готовность людей к отражению потенциальной или реальной внешней агрессии.

Всё это наглядно продемонстрировали события Отечественной войны 1812 года. Вторжение наполеоновской армии на русскую землю вызвало небывалый патриотический порыв практически во всех слоях российского общества. Многие представители дворянства, жителей городов стремились поступить на военную службу, чтобы отразить нашествие интервентов. Такой настрой хорошо демонстрируют слова юного поручика 9-й роты лейб-гвардии Семёновского полка А. В. Чичерина. В своём дневнике он записал: «Любовь к отечеству должна заставить меня всё позабыть: пусть свершаются предательства, пусть армия потерпит поражение, пусть погибнет империя, но отечество моё остаётся, и долг зовёт меня служить ему <...> Я не устранишь никаких опасностей, я брошусь вперёд под ядра, ибо буду биться за своё отечество, ибо хочу исполнить свою присягу и буду счастлив умереть, защищая свою Родину, веру и правое дело...» [2, с. 512, 513]. Гражданские лица тоже по мере возможности старались поучаствовать в противостоянии с врагом, снабжая действующую армию и народное ополчение оружием, амуницией, продовольствием и т. д.

Но тогда же возникло такое явление, которое получило название «квасной патриотизм». Впервые данное выражение, перефразировав слова французского экономиста, философа и государственного деятеля А. Р. Ж. Тюрго «du patriotism d'antichambre» [дословно – «лакейский патриотизм» - В. А.], употребил князь Пётр Андреевич Вяземский в своих «Письма из Парижа», которые были напечатаны в журнале «Московский телеграф» за 1827 г. Позднее означенную статью Вяземский включил в собрание своих сочинений. «Многие, - писал князь, - признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё... Я полагал, что любовь к отечеству должна быть слепа в пощерствованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть» [3, с. 244]. «Квасной патриотизм» (синонимом является также «ура-патриотизм») выражается посредством чрезмерно экзальтированной и демонстративно показной приверженности к различным мелочам традиционного национального быта, нарочитым отвержением всего иностранного. «У многих любовь к отечеству, - высказался об этом Вяземский, - заключается в ненависти ко всему иноземному» [4, с. 72].

Писатель, публицист, издатель журнала «Русский вестник» Сергей Николаевич Глинка вспоминал много лет спустя о том, как 2 сен-

тября 1812 г., «жёг и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплётах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против зараз французского воспитания, простиительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России» [5, с. 208]. Он же, как рассказывали, будто бы разъезжал по улицам Москвы и, стоя на дрожках, призывал: «Бросьте французские вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможет вам» [4, с. 215].

В благородных кругах русского общества признаком хорошего патриотического тона стало покупать только русские товары и только в русских лавках. А вот товарам, привезённым из Европы и иностранным купцам, объявлен был бойкот. Распоряжением генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина в первопрестольной столице запретили торговцам галантейными товарами употреблять французский язык на вывесках лавок. «Тогда уже, - свидетельствовал очевидец, - и Кузнецкий Мост совершенно обрусл, исчезли затейливые вывески Викторины Пепп, Антуанетты Лапотор, Madame Шальме, Обер и соблазнительные магазины *à la “Corbeille au temple de bongout”* и ресторан “*Goyeux*”, вместо них появились Карп Майков, Доброхотов, Абрам Григорьев, Иван Пузырёв и другие торговцы» [6, с. 108].

Игнорированию подверглись французские театральные труппы, зрители перестали ходить на даваемые ими спектакли. В Петербурге французский театр «...до того времени наилуче посещаемый знатным обществом, закрыли совсем, дабы не вызывать ропота рядовых обитателей, для которых французское слово сделалось ненавистным» [7, с. 132]. Зато произведения отечественных литераторов, в которых воспевались героические подвиги предков россиян, пользовались колоссальным успехом. Бурю восторгов и рукоплесканий вызвала постановка трагедии В. А. Озерова «Дмитрий Донской». В такой обстановке популярная до того оперная певица Филлис Андрие решила отправиться на гастроли в Москву. Однако тут ей устроили обструкцию. В момент выступления Филлис Андрие в Большом театре группа московских театралов, которую возглавлял богатый купец П. М. Гусятников, «вооружилась для защиты родного очага» от иностранных нашествий. Гусятников приехал в театр, уселся в первом ряду, но едва француженка начала выводить музыкальные рулады, ревнитель русского встал, всенародно заткнул уши и подчёркнуто зрелищно, не спеша, двинулся к выходу, «кидая направо и налево взгляды презрения и негодования на недостойных французолюбцев...» [4, с. 112]. Его манёвр повторили остальные единомышленники. В резуль-

тате антифранцузской выходки концерт был сорван.

Что касается русских артистов, то свой патриотизм они попробовали реализовать иным образом. Граф Ф. В. Ростопчин поведал об анекдотичном случае. Согласно его рассказу: «одна дама явилась ко мне с предложением составить эскадрон амазонок; актёры русской труппы хотели собственными силами защищать столицу и пришли к генералу Апраксину, отдавая в его распоряжение силу своих мышц и своё доброе намерение. Однако он отказался от этого почётного поста и не пожелал обессмертить себя с 20 театральными героями в римских костюмах» [8, с. 83].

«Квасной патриотизм» выразился в языковой области, приобретая порой комичные формы. Осенью 1812 г. поэт К. Н. Батюшков сообщал из Нижнего Новгорода: ««Все жалуются и бранят французов по-французски, а патриотизм заключается в словах: *point de paix!*» [До победного конца! – В.А] [9, ст. 224]. Впоследствии такое поведение дало А. С. Пушкину повод высказаться с сарказмом: «Все закалились говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине, и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни» [10, ст. 153].

Данное утверждение не было пустой фразой. Дело в том, что в ряде губерний почти половина дворян, которые первоначально записались в офицеры ополчения, не явилась к своим полкам. Причём это касалось не только обер- и штаб-офицеров, но даже зачисленных на более высокие должности. Например, кавалерийский полковник князь Б. А. Святополк-Четвертинский, имевший опыт наполеоновских войн и рекомендованный самим императором Александром I знатному аристократу М. А. Дмитриеву-Мамонову в качестве командира набираемого графом конного ополченческого полка, примерно через месяц самоустранился от полковой жизни и уехал в Пензу, славясь на необходимость встречи с эвакуировавшейся в саратовское имение женой.

Нельзя не согласиться с Н. М. Карамзиным в том, что настоящий патриот «спешит присвоить отечеству благородительное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости» [11, с. 287]. Следовательно, так называемый «квасной патриотизм» противоположен подлинному патриотизму, являющемуся в сражениях и в тылу ради Отечества. Вместе с тем, «квасной патриотизм» 1812 г. представляет собой специфический историко-психологический феномен, распространённым среди консервативных и националистически настроенных кругов русского общества, посредством чего демонстрировались антифранцузские настроения.

Литература и источники

1. Военная энциклопедия. В 8 т. / Председатель Главной редакционной комиссии С. Б. Иванов. Т. 6: Огарков – «Прогресс». М.: Воениздат, 2002. 639 с.
2. Чичерин А.В. Печальное предупреждение // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М.: Современник, 1988. С. 508-527.
3. Вяземский А. А. Письма из Парижа // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. Литературные критические и биографические очерки. 1810-1827. СПб.: изд. гр. С. Д. Шереметева, типография М. М. Стасюлевича, 1878. С. 219-259.
4. Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Записные книжки. М.: Захаров, 2017. С. 5-282.
5. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера // России двинулись сыны. С. 190-230.
6. Любецкий С. М. Москва в 1812 году. Занятие Москвы французами. Тогдашний вид Москвы. Пребывание французов в Москве. Пожар Москвы. Выступление французов из Москвы. Бегство Наполеона I. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2013. 340 с. (Москва и москвичи: из века в век).
7. Воспоминания А. П. Бутенёва о 1812 году, изданные его сыном // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. 2-е изд. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2011. С. 99-138.
8. Тысяча восемьсот двенадцатый год в «Записках» графа Ф. В. Ростопчина // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. С. 13- 98.
9. Выдержки из старых бумаг Остafьевского архива. Письма 1812 года // Русский архив. 1866. № 2. Ст. 217-254.
10. Пушкин А. С. Рославлёв // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. Т. 8. Кн. 1. М.: Воскресение, 1995. С. 147-158.
11. Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М.-Л.: Художественная литература, 1964. С. 280-287.

3. З. Бахтуридзе
Z. Z. Bakhturidze

Поколенческие различия в понимании патриотизма в современной России: историко-психологический анализ

Generational Differences in Understanding Patriotism in Modern Russia: A Historical and Psychological Analysis

Аннотация. В статье проводится историко-психологический анализ феномена патриотизма в современной России, фокусируясь на системном раз-

личии его трактовок среди ключевых поколенческих когорт. Анализируются «поколение позднего СССР и перестройки», «переходное (постсоветское) поколение» и «поколение «путинской стабильности».

Ключевые слова: патриотизм, поколенческие различия, историческая социализация, идентичность, поколенческие когорты.

Abstract. This article provides a historical and psychological analysis of the phenomenon of patriotism in contemporary Russia, focusing on the systemic differences in its interpretations among key generational cohorts. The “late Soviet and Perestroika generation,” the “transitional (post-Soviet) generation,” and the “Putin stability generation” are analyzed.

Keywords: patriotism, generational differences, historical socialization, identity, generational cohorts.

Патриотизм в России является многогранным социально-психологическим феноменом, отражающим динамику национального самосознания и ценностных ориентаций различных возрастных групп. Однако его содержание не является универсальным и статичным. В современной России, пережившей за последние три десятилетия радикальную трансформацию политического, экономического и ценностного порядка, понимание патриотизма отличается значительной вариативностью, которая коррелирует с поколенческой принадлежностью. Существенные различия в восприятии и переживании патриотизма у представителей разных поколений обусловлены историко-культурными предпосылками и условиями социализации. Представляется необходимым провести историко-психологический анализ поколенческих различий в понимании патриотизма, рассматривая его продукт коллективного исторического опыта. Методологической основой анализа стала теория поколений К. Мангейма [1], который рассматривает поколение не просто как демографическую когорту, но как общность, сформированную переживанием значимых исторических событий в период становления личности. Этот опыт формирует «поколенческий код» – систему базовых установок и моделей интерпретации реальности [1].

Для понимания различий в восприятии патриотизма необходимо выделить ключевые исторические вехи, определившие сознание трех анализируемых генераций.

Формирование личностей представителей «Поколения позднего СССР и перестройки» (родившиеся приблизительно в 1960-х – 1970-х годах) пришлось на период «застоя», Афганскую войну, гласность и последующий распад СССР. Они пережили крах той государственно-идеологической системы, патриотизму которой их учили. Для них характерен амбивалентный или «критический» патриотизм. С одной стороны – ностальгия по советской сверхдержаве, великим достижениям (космос, победа в ВОВ) и социальной гарантированности. С другой

гой – травма от крушения идеалов и последующего экономического коллапса 1990-х. Их патриотизм часто направлен на «страну в прошлом» и сопряжен с критикой современной власти за отступление от «идеала». Это патриотизм-ностальгия, патриотизм-тревога.

У представителей «Переходного (постсоветского) поколения» (родившиеся в конце 1970-х – 1980-х гг.) юность пришлась на кризис 1990-х: деидеологизацию, экономическую либерализацию, рост социального неравенства, чеченские конфликты. Это поколение «первооткрывателей» нового уклада, не имевшее четких ориентиров. Демонстрируют прагматичный и «культурный» патриотизм. Их связь с Родиной менее идеологизирована и более основана на личных достижениях, профессиональной реализации в новых условиях, а также на привязанности к культурному коду и языку. Они часто дистанцируются от государственной риторики, воспринимая патриотизм как личное чувство, а не как долг перед государством. Для них характерен запрос на гражданственность, а не на лояльность.

Если говорить об исторической социализации «Поколения «путинской стабильности» (родившиеся с середины 1990-х по 2010-е годы, их становление происходило в период восстановления вертикали власти, экономической стабилизации, роста национального самосознания после «постсоветского хаоса». Ключевыми маркерами стали крымские события 2014 года, конфронтация с Западом и активная государственная патриотическая политика. Это поколение в массе своей является носителем государственно-имперского патриотизма. Для них Россия – это возрождающаяся великая держава, противостоящая внешнему давлению. Патриотизм здесь тесно смыкается с лояльностью действующей власти, которая воспринимается как гарант стабильности и суверенитета. Это более монолитное, менее рефлексивное и часто милитаризированное понимание, где долг гражданина – защищать и укреплять государство.

Проведенный анализ позволяет выявить системные противоречия по источнику легитимности – для старших поколений легитимность патриотизма коренится в историческом прошлом (СССР), для младшего – в актуальном политическом проекте. По отношению к государству – у «переходного» поколения преобладает инструментальное отношение («государство для человека»), у «путинского» – холистическое («человек для государства»). По содержанию – противостояние между «критическим» патриотизмом (любовь к Родине через желание ее изменить) и «официальным» (любовь к Родине через ее безусловное принятие и защиту).

Так, наибольший уровень патриотической идентичности наблю-

дается у старших поколений, для которых патриотизм традиционно ассоциируется с защитой Родины, уважением к государству и историческому прошлому [2, с. 24], их опыт сформировал консервативную, коллективистскую и созидающую модель патриотизма. Для них патриотизм тесно связан с идеей национальной безопасности и устойчивости государства как основы личной и общественной стабильности. Молодое поколение, воспитанное в условиях постсоветской трансформации и становления цифровой эпохи, демонстрирует тип патриотизма, ориентированный на индивидуальные свободы, социальное развитие и личностную самореализацию. Патриотизм для молодежи представлен скорее как практическая деятельность, направленная на улучшение жизни страны через волонтерство, проекты и карьерные достижения. Вместе с тем, согласно данным социологических опросов 2025 года, уровень патриотизма среди молодежи существенно вырос, достигая 99% в группе 18–24 лет, что свидетельствует о трансформации его формы, а не исчезновении [3]. Историко-психологический анализ показывает, что причины таких различий кроются в периодах социализации поколений, которые влияют на формирование разных систем ценностей и смыслов. Старшее поколение воспринимает патриотизм через призму коллективной памяти и исторической ответственности, тогда как молодежь в большей степени ориентируется на актуальные социальные и политические реалии, настроена на перемены, на улучшение будущего страны [4, с. 58].

В условиях современной международной напряженности и внутренней политической консолидации патриотизм приобретает новые смыслы, объединяющие поколения, но выражаются в разных практиках и психосоциальных формах. Эти различия являются источником межпоколенческого непонимания и конфликтов в публичном и приватном пространстве, где одни и те же действия могут расцениваться одной когортой как проявление патриотизма, а другой – как предательство. Однако, вместе с тем, по результатам исследований 2023, 2024 гг. большинство граждан воспринимают образ России основываясь на чувстве гордости, «привязанности к Родине и ее культурно-исторической самобытности» [4, с. 61]. Это позволяет надеяться на то, что патриотизм выступит как консолидирующий фактор, преодолевающий поколенческие различия в стремлении к благоприятному устойчивому развитию родной страны.

Опирая типологией культур Маргарет Мид [5], можно отметить, что на сегодняшний день в России наблюдается префигуративный тип культуры, характеризуемый настолько интенсивными инновационными трансформациями, что старшее поколение просто не успевает усва-

ивать новые нормы, а младшему поколению приходится приспособливаться жить в условиях неизвестных переменных, непрогнозируемого будущего, неуправляемых прежним образом процессов. Они не могут воспользоваться ценностными ориентирами старших поколений, в том числе и потому, что старые обычаи и представления разрушаются, врываются влияния извне, что, несомненно, отражается и на понимании патриотизма, а точнее – на попытках его осмысления.

Историко-психологический анализ демонстрирует, что современный российский патриотизм является гетерогенным и внутренне противоречивым феноменом. Глубинные различия в его понимании между поколениями обусловлены исторической памятью, социально-психологическими факторами и изменением общественных условий. Старшее поколение ориентировано на традиционные ценности защиты и созидания, тогда как молодое поколение развивает более прагматичный и деятельностный подход к патриотизму. «Поколение позднего СССР» несет в себе травму распада, «переходное» – опыт выживания и адаптации в условиях идеологического вакуума, а «поколение стабильности» – опыт реконструкции «сильной России» в условиях конфронтации с внешним миром.

Наличие этих конкурирующих патриотических нарративов создает сложную палитру идентичности в России, где единый официальный дискурс накладывается на глубокие поколенческие расколы. Следует особо подчеркнуть, что дальнейшие исследования конфликта поколений – этого универсального сюжета, не теряющего актуальности должны быть направлены на изучение гибридных форм патриотизма и анализ того, как цифровая среда трансформирует устоявшиеся поколенческие коды.

Литература и источники

1. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции: пер. с англ. / ИНИОН РАН. М., 2000 164 с.
2. Парма Р.В. Патриотизм поколений в современном российском обществе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. №13(4). С. 20–29.
3. Муратова А. Патриотизм как тренд: почему молодежь становится патриотичнее // Газета.Ru, 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2025/08/20/21563654.shtml?ysclid=mhhum03xid986093560> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Карпова М. К. Патриотические настроения современной молодежи: вызовы времени // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12, № 4. С. 53–65.
5. Мид М. Культура и мир детства М.: Наука, 1988. 429 с.

Н. В. кызы Мамедова
N. V. Mamatdova

**Голландская живопись при шахском дворе, как
часть дипломатических контактов между Сефевидами и
Нидерландами**

*Dutch painting at the Shah's court, as part of diplomatic contacts
between the Safavids and the Netherlands*

Аннотация. В статье рассматривается прибытие голландских живописцев ко двору Сефевидского шах Аббаса I, а также прослеживается путь каким образом европейские живописцы вошли в круг придворных мастеров и как их произведения были высоко оценены Шахом. Особое внимание уделено тому, как вкусы и запросы шахского двора повлияли на технику голландских живописцев, равно как знакомство с европейской живописью отразилось на сефевидском искусстве той эпохи. Наряду с этим показано, что прибытие живописцев из Нидерландов в государство Сефевидов сопровождалось дипломатическими миссиями и торговыми взаимоотношениями между указанными государствами, в результате чего искусство становилось частью более глубоких взаимосвязей между двумя государствами Востока и Запада.

Ключевые слова: Государство Сефевидов, Голландия, Шах Аббас I, живопись, Ян Ван Хасселт, Йост Лампен, Филипп ван Анхель.

Abstract. The article examines the arrival of Dutch painters at the court of the Safavi Shah Abbas I, and also traces the path by which European painters entered the circle of court masters and how their works were highly valued by the Shah. Particular attention is paid to how the tastes and demands of the Shah's court influenced the technique of Dutch painters, just as familiarity with European painting reflected on Safavid art of that era. Along with this, it is shown that the arrival of painters from the Netherlands to the Safavid state was accompanied by diplomatic missions and trade relations between these states, as a result of which art became part of deeper relationships between the two states of the East and the West.

Keywords: Safavid Empire, Holland, Shah Abbas I, painting, Jan van Hasselt, Joost Lampen, Philip van Angel.

Политические, экономические и культурные связи, между Сефевидским государством и Голландией, имели длительную и яркую историю. Если сделать небольшой исторический экскурс и дать историческую справку касательно первых сведений голландцев о государстве Сефевидов, то следует отметить, что вплоть до середины XVI века, голландцы были мало осведомлены об этом средневековом мусульманском государстве. И первые попытки были сделаны первоначально, профессором Лейденского университета, Франциском Рафеленгиусом (1539-1597 гг.) Далее, чуть позднее, французский гуманист, профессор Джозеф Скалигер (1540-1609 гг.), попытался провести сравнительный

анализ и дать сведения в основном лингвистического характера, относительно мировых языков, деля их на 11 групп. Проведя между ними параллель и различия, Джозеф Скалигер, рассуждая о голландском языке, отметил применение некоторых голландских слов на территории Сефевидского государства [7]. В историческом труде французского историка Фредерика Жакена, охватывающий период правления Шах Аббаса Великого (1587/1588-1629 гг.) до правления Шах Султана Хусейна (1694-1722 гг.), автор рассматривает мотивы, побуждающие голландских путешественников, ботаников, купцов, художников, либо просто авантюристов посетить и описать эту малоизвестную и в тоже время такую экзотическую для них восточную страну. Основная цель этих посещений, конечно же, носила экономический характер, но при этом автор не отрицает и другие вопросы, связанные с содействием распространения на этих землях христианства, конкуренцию и вытеснение с восточного рынка, Англии и Франции и т.д. Большинство голландцев проникают на территорию Сефевидского государства в качестве миссионеров. Также, Сефевидское государство, славившееся красотой своих шелков, являлось остановкой по пути в Индию, особенно в поисках специй и пряностей. К этому добавляется мифы о богатстве таких портов, как Ормуз и Маскат, которые также завладевали умами европейцев, стремящимися создать на территории Сефевидского государства свои торговые фактории. Голландская Ост-Индская компания продолжала набирать силу, тем более, что голландцы расширяли здесь свою деятельность, с целью вытеснения из Персии (Сефевидского государства - Н.М.) португальцев и англичан [10, р. 64]. Первым среди голландских путешественников, посетивших государство Сефевидов, был Ян Гюйген Ван Линшотен (1563-1611 гг.), чей отчет о путешествии в 1589 году оказал колоссальное влияние на всю Европу. В налаживании торгово - дипломатических отношений с Голландией, большую роль сыграло посольство шах Аббаса I, возглавляемое Зейн - ад Дин Беком в 1607 году в Нидерланды и положившее начало экспорта шелка сюда из государства Сефевидов [12, р.83]. На протяжении XVII века, голландцы доминировали над основной частью экспорта шелка через Персидский залив. Будучи знакомыми с итальянскими источниками XIII-XIV вв., они упоминали шелк, в следующих обозначениях: "seta Ghella (шелк Гиляна), "seta Masandroni (шелк Мазандарана), "seta Strativana" (шелк Астараабада) [15, р.25].

Помимо торговых отношений, также Сефевидское государство с Голландией связывали и культурные взаимосвязи. На территории Сефевидского государства жили и творили голландские художники, назятые Шахом, а также политической и экономической элитой. Ян ван

Хасселт живший в Исфахане с 1620 по 1628 гг., был назначен придворным художником и писал картины для дворца шах Аббаса в Ашрафе (Бехшахр – Н.М.) в Мазандаране. По возвращению на родину, Шах назначил его своим представителем в Голландии [9]. Упомянутый голландский живописец прибыл на территорию государства Сефевидов в 1617 году в свите итальянского путешественника Пьетро делла Валле. Нахождение Ян ван Хасселта при дворе сефевидского шаха, повлияло не только на художественную среду, но и дипломатические отношения между Голландией и Сефевидским государством. Знаменитый голландский художник Йост Лампен жил и творил в Исфахане в XVII веке, а другой голландский художник Баренд ван Сихем, расписал росписи собора Всех Спасителей в пригороде Джульфы в 1639-1640 гг. [8, р.48]. В сочинении французского путешественника Тавернье отмечается, что Голландская Ост-Индская компания, отправила к шаху (шах Аббасу – Н.М) двух голландских художников, с целью научить его искусству живописи. Среди этих художников был некий Филипп ван Анхель. Именно ему приписывают создание пяти великолепных картин для Шаха, во время пребывания его в Исфахане с 1650 по 1655 гг. Также Тавернье отмечает, что шах, будучи эксцентричной личностью, проявлял большой интерес к европейскому искусству, приобретая европейские картины напрямую, а также стремясь привлечь европейских художников к Сефевидскому Двору [15, р.329]. По мнению французского историка, Жан Поля Ру культуры и искусство Сефевидского государства в XVII веке, всем обязана именно шах Аббасу, который всячески поощрял искусство, архитектурное строительство и зодчество. Знаменитые “Чахар-Баг”, “Мост тридцати трех арок” (мост Аллахверди-хана) и др. относят к самым выдающимся памятникам Исфахана, прежде всего за смелость решения и красоту [5, с. 93]. Прибывшие на территорию Сефевидского государства голландские живописцы находились под прямым патронажем Голландской Ост-Индской компании и всячески содействовали расширению деятельности этой компании на территории средневекового восточного государства. Эта компания открывали новый путь для экспорта шелка в Европу, что в свою очередь давало Сефевидам дополнительное преимущество в их соперничестве с Османской империей. Также шах Аббас, пользовался конкурентной борьбой Англии и Голландии, чтобы подорвать господство Португалии в Персидском заливе [3, с.3]. Об усиливавшемся голландском и английском влиянии в Сефевидском государстве, известный азербайджанский историк Ягуб Махмудов пишет следующее: “В рассматриваемый период, Испания также стремилась сблизиться с все более усиливающимся государством Сефевидов, пытаясь вытеснить

отсюда Англию и Голландию” [4, с.132]. Известный голландский историк Виллем Флор, в своих исследованиях, посвященных истории сефевидо-голландских отношений, а также изучению соприкосновений двух культур, упоминает имя Филиппа Анхеля, который занимался обучением шаха искусству живописи. Наряду с ним, также упоминает имена других голландских художников, таких как Хендрик Будевейн ван Локхорста работавшего в Исфахане в 1643-1647 гг, Ян де Харта, Адриана Гауда и неизвестного художника из Брабанта, живших и творивших на территории Сефевидского государства в конце XVII века [8, р.48]. Культурные контакты между Голландией и Сефевидским государством также были продолжены голландским художником Корнелием де Брюном, который посетил Сефевидское государство в 1702 году и оставил важный отчет о своем путешествии, снабдив и обогатив его множеством гравюр знатных людей, зданий, различных сведений о растениях и т.д. [2].

Также ценные сведения об Сефевидском государстве, содержатся в отчете голландского путешественника, моряка и мастера парусного дела Яна Стрейса, после посещения им этих земель. В научном труде американского историка Руди Матти приводятся сведения о тяжелой участи Яна Стрейса во время посещения им Астрахани, которое совпало с восстанием под предводительством Степана Разина [13, р.463]. Согласно его путевому отчету, он был схвачен в плен в начале июня 1670 года, затем доставлен в Эревань (Иревань- Н. М), где был продан в рабство и далее отвезен в Дербент. Там он был перепродан человеку по имени Хаджи Мухаммед Салех, который отвез его в Шемаху, где он был продан по собственной просьбе польскому послу. Пребывание Яна Стрейса в государстве Сефевидов, посещения им Ардебиля, Казвина, Кума, Исфахана с последующим возвращением в Амстердам, подробно описаны в труде азербайджанского ученого Зейнала Гасаналиева “XVII əsrda Səfəvi dövlətinin beynəlxalq əlaqələri” [1, с.30]. Несмотря на большие трудности, во время пребывания на территории Сефевидского государства, и ограничения в связи с взятием его в плен, он дал в своем отчете ценные сведения о Шемахе, где он провел почти год, описал встречи с людьми, которые прекрасно знали город и государство и говорили на голландском языке. Его путевые заметки “Reysen” (“Путешествия”) имели огромный успех в Европе и были многократно переизданы, в том числе на французский не менее 12 раз [14]. Особое место в его отчете, отводится роли Шемахи в международной торговле, и в первую очередь с русскими купцами. Стрейс отмечает, что на рынке в Шемахе “большой частью останавливаются русские и обменивают олово, медь, соболей и другие товары” [14, р.245].

Несмотря на колоссальный успех отчета Ян Стрейса в Европе, его работа неоднократно подвергалась критике, и порой высказывались сомнения в ее достоверности. В первую очередь, указывалось, что коим образом человек, будучи в плену, в рабстве, мог столь свободно передвигаться и оставить столь богатый материал и сведения в частности о Сефевидском государстве? Следующие небезосновательные обвинения были касательно географического расположения Агры Даг, а также подмеченная нами неточность в переводе самого этнонима слова “*agri dag*”. При прочтении нами, “Третьего Путешествия” Ян Стрейса, в главе XVIII, наше внимание привлекло его объяснение происхождения этимологии упомянутой горы. Голландец, ошибочно пишет, что оно произошло от персидского слова “*agri*”. Хотя, мы прекрасно знаем обозначение этого тюркского слова “боль”, “скорбь”. Иными словами, “Гора боли”, “Гора скорби”, а не как иначе. Немецкий историограф Г. Ф. Миллер, голландский историк Виллем Флор, известный переводчик его отчета Питер Рабус, ссылаясь на сведения иезуита Авриля и др. указывали, что его путешествия содержат много сведений неосновательных и неверных. Справедливости ради следует отметить его интересные сведения о Баку, Каспийском море, изобилии тут всевозможных рыб: карпов, лещей, лососей, осетров, сельдей и знаменитой рыбы нака [6, с. 408-409]. Также подробно описаны церемонии Ашура, празднование Гурбан Байрам и восстановление за кратчайшие сроки после землетрясения Шемахи. Все эти сведения почерпнуты нами из XXIV главы его отчета, а XXXVI глава содержит сведения о торговле в Гомбруне (Бендер-Аббас - Н.М.) и не только полном освобождении от пошлин голландцев и англичан на территории Сефевидского государства, но также о предоставлении права англичанам взимать половину пошлины с Ормуза, за оказание помощи Шах Аббасу в освобождении острова от португальцев [6]. Что касается самого труда голландского мореплавателя, без сомнения, несмотря на отдельные неточности в изложении ряда фактов и событий, в целом это красиво описанная, приключенческая и захватывающая история, во многом совпадающая с событиями и сведениями других путешественников, к примеру, немецкого путешественника Адама Олеария, побывавшего здесь ранее и составившего свои “Путешествия”.

Помимо торговых и политических вопросов, между Голландией и государством Сефевидов как мы отметили выше, происходило также соприкосновение в области дипломатии, культуры, искусства и науки. Именно во времена правления шах Аббаса государству Сефевидов стал присущ имперский колорит и при нем государство становится многонациональным. В основе проводимой Шах Аббасом политики лежали

объективные политические интересы, направленные на сближение со странами Западной Европы, с целью создания антиосманской коалиции, привлечения европейских инструкторов, оснащения армии по европейскому образцу, в которой также нашло свое отражение проводимая Шах Аббасом политика по покровительству, опеке и толерантности по отношению к христианскому населению. Тесное соприкосновение с голландской живописью, а мы знаем, что именно XVI-XVII вв., по праву считались" золотым веком" голландской живописи, представленной великими творениями Рембрандта, Ян Вермеера, Ян Стена. Питера де Хоха и многих других представителей голландской живописи, привело к проникновению европейской иконографии в восточную культуру, подражанию европейским гравюрам. Пребывание представителей европейской культуры, при шахском дворе влекло за собой как соприкосновение европейской и восточной культур, так и взаимное заимствование техники, колорита и традиций живописи друг у друга. Через Голландскую Ост-Индскую компанию проходила не только торговля, но черпание идей, стилей и направлений искусств. Наивысшего расцвета, в рассматриваемую эпоху, достигает искусство ковроткачества при одном из великих правителей династии Сефевидов Шах Аббасе (1571-1629 гг.). По мере развития успешной внешней политики и активизации дипломатических отношений, сефевидские ковры преподносились в качестве дипломатических даров европейским городам и государствам. "В местных мастерских производят ковры из шерсти и шелка, золотых и серебряных нитей и краски на этих коврах никогда не меняются и не блекнут" [15, р. 596]. Помимо шелка-сырца, естественного красителя марены (*rubia tinctorum*), тафты, бархата, золотых нитей, сапфира, бирюзы, рубина являющимися основными товарами экспорта в западноевропейские государства, также покорило европейцев книжное искусство, миниатюры из знаменитой Тебризской школы миниатюры Голландские живописцы особенно в таких направлениях как маньерилизм, барокко нередко заимствовали насыщенность цветов и изысканное сочетание оттенков (лазурь, охра, золото, изумруд) присущих восточной традиции живописи. В целом XVII век в Европе ознаменуется увлечением ориентализмом, и голландские живописцы, начинают изображать Восток, в том числе и государство Сефевидов как загадочный, богатый и эстетически привлекательный мир. Возникший в искусстве Сефевидского государства в рассматриваемый период стиль *faranqi-sazi* (европейская манера-Н.М.) ярким представителем которого стал Мухаммед Замани был очередным доказательством, отражающим слияние двух художественных традиций и миров". Его работы будто списанные с европейских портретов, с использованием

светотеней, при сохранении восточной яркости красок и европейской тонкости пейзажных зарисовок” [11]. В подтверждение к вышесказанному можно указать заимствование европейских гравюр и икон с одной стороны и распространение восточных миниатюр в самой Голландии. Это было не просто европейское влияние, это был культурный диалог между Востоком и Западом. Голландские живописцы при сефевидском дворе воплощали уникальную особенность художественной дипломатии, торговой стратегии и политической заинтересованности в налаживании сефевидо-голландских отношений. И все перечисленные нами обстоятельства в итоге привели к тесным взаимоотношениям между Сефевидским государством и европейскими государствами, в первую очередь через торговлю, дипломатические отношения, миссии, миссионерскую деятельность и искусство. Голландский художественный стиль был на должном уровне оценен придворной элитой сефевидского двора и самим шахом в рассматриваемую эпоху.

Литература и источники

1. Нәсәнәлиев З. XVII əsrдə Səfəvi dövlətinin beynəlxalq əlaqələri. Bakı, 2007, 343 s.
2. Корнелий Де Бруин. Путешествие через Московию. Перевод П.П. Барсова, Москва, 1873, 293 с.
- 3.Камбайзаде Х.А. Взаимоотношения государства Сефевидов с Западноевропейскими странами (конец XVI - первая треть XVII вв.). Автореферат. Баку, 1991, 24 с.
4. Махмудов Я. М. Взаимоотношения государств Ак-Коюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами, Баку, 1991, 264 с.
5. Ру Жан – Поль. История Ирана и иранцев от истоков до наших дней. Санкт-Петербург, 2015. 430 с.
6. Страйс Я.Я. Три путешествия. Пер. Э.Бородиной. Москва, 1935, 416 с.
7. De Brujin J.T.P. Iranian Studies in the Netherlands. Article Iranian Studies 20, Cambridge University Press:1988, p. 161 -177.
8. Floor Willem. Dutch persian relations. Encyclopaedia Iranica, 1979, p. 147.
9. Gosseling Martine and Dirk Tang. Iran and the Netherlands: Interwoven through the ages. Cambridge University Press, 2009, 383 p.
10. Jacquin Frederic. Le voyage en Perse au XVII siècle. Belin, 2010, p.222.
11. Landau Amy. From Poet to Painter: Allegory and Metaphor in a Seventeenth-Century Persian Painting by Muhammad Zaman, Master of Farangi-Sāzī. Muqarnas Online, 2011. p. 101-131.
12. Matthee R. The East India Company Tradein Kerman Wool, 1658-1730. In J.Calmard ed., Etudes safavides. Paris, 1995, 343 p.
13. Matthee R. Poverty and Perseverance: The Jesuit Mission of Isfahan and Shamakhi in Late Safavid Iran. University of Delaware, 2015 501 p.
14. Meurs Jacob. Les voyages de Jean Struys en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes et en plusieurs autres pays étrangers. Amsterdam, 2016, p. 360.
15. Tavernier Jean Baptiste. Les six voyages de Jean Baptiste Tavernie, écuyer Baron d’Aubonne, qu’il a fait en Turquie, en Perse, et aux Indes. Paris, 1676, p.756.

*O. B. Романенкова
O. V. Romanenkova*

Патриотическая идея в воспитании воинства Древней Руси

The Patriotic Idea in the Education of the Military of Ancient Rus'

Аннотация. В статье кратко раскрывается патриотическая идея в воспитании воинства в Древней Руси. Обосновывается тезис о том, что данная идея была доминирующей при доведении ее до ума и сердца древнерусского воинства, а так же и то, что она органически вписываясь в понятие «воинская честь».

Ключевые слова: патриотическая идея, воинская честь, Древнерусская государственность, княжеская дружины, Илья Муромец, Ослябля, Дмитрий Донской,

Abstract. This article briefly explores the patriotic idea in the education of the military in Ancient Rus'. It argues that this idea was dominant in its development in the minds and hearts of the ancient Russian military, as well as that it fits seamlessly into the concept of "military honor."

Keywords: patriotic idea, military honor, Old Russian statehood, princely squad, Ilya Muromets, Oslyablya, Dmitry Donskoy

Доподлинно установлено, что Древнерусское государство возникло в конце IX в. и просуществовало как независимое до середины XIII в. [1;2;3;4] С зарождения на Руси государственности ведет свое начало и её военная организация державы, что отражено документально в летописных источниках [1], научных трудах [5, с.1-32;6, с.41-46], литературно-художественных произведениях [7], народном фольклоре [8] и археологических памятниках [9]. Наиболее сложный период, для понимания процесса строительства и функционирования военной организации, Древняя Русь переживала в X-XII вв. [10].

Аксиоматично звучит такой тезис: не было, нет и не будет в мире армий, где бы ни функционировала система обучения и воспитания ее личного состава. Тому учит опыт как всемирной, так и отечественной военной истории. Не является здесь исключением и Древнерусское государство. В период формирования Древнерусской государственности, когда появилась военная организация в виде княжеской дружины, налаживалась система ее обучения и воспитания И в данной системе нашла отражение и патриотическая идея воспитания русского воинства, став одним из ее элементов [5, с.41-46: 11; 12, с.30-34;13, с.41-46;14, с.17-28] (кстати, это не прошло незамеченным в современной отечественной историографии [15;16;17]).

И это не случайно. Ведь княжеская дружины, в конкретно-истори-

ческой обстановке, выполняла особое предназначение – вооруженная защита государства. Подобная деятельность требовала не только соответствующей организации, но и ее идейного обоснования. Стержневой идеей здесь стала, судя по анализу летописей, сказаний, былин, идея любви к Отечеству и готовности самоотверженно его защищать. Именно любовью к Родине проникнуты выдающиеся литературные произведения Древней Руси, например, «Слово о полку Игореве» [18], «Слово о законе и благодати» и др. [19]. Но особенно рельефно патриотическая идея, как идея объединения русских земель в борьбе против общего врага, выделяется в «Повести временных лет» [1].

Можно утверждать: идея любви к Отечеству стала той идеологемой, на основе которой произошло национально-государственное объединение Руси. Причем, она реализовалась в славных ратных делах наших предков [20].

Что характерно: патриотическая идея нашла свое особое выражение в такой категории как «воинская честь». Так, Дмитрий Донской указывал, что честная смерть «лучше плохого живота» [21, с.96]. Видимо, глубоко символично то, что полем чести, называли в старину поле брани. Несет здесь глубинный смысл и старинная русская пословица: «На миру и смерть красна».

Конечно, понятие «воинская честь» не могло не носить сословного характера: понятие чести служило для феодала моральным ориентиром, ценностным критерием осознания своего места в иерархической пирамиде, способом утверждения и охраны личного статуса. Принцип сословной (родовой) чести породил явление, господствовавшее на Руси веками и названное местничеством. Оно наносило серьезный ущерб, в том числе и в сфере военного строительства, в процессе складывания российской государственности, вплоть до самой отмены местничества в 1682 г. [22]

Между тем, и это просто необходимо особо констатировать, героями русских сказаний и былин, летописей являются не князья и бояре, а богатыри и витязи, показавшие чудеса храбрости и геройства в ратном труде, жертвующие собой ради Отчизны, за веру, за вдов и бедных людей, то есть воины, заслуживающие почет и уважение народа своими благородными поступками, а не принадлежностью к благородному роду [23, с.25, 102, 253, 256]. Именно такими в памяти народной остались киевлянин Ян Умовец, шесть храбрецов-дружинников князя Александра Ярославича в Невском сражении, Александр Пересвет и Андрей Ослябя, павшие на поле Куликовом [24, с. 50-55, 204-207, 270-271, 272-273]. Автор данной статьи полагает (в контексте изложенного выше), что древнерусская литература исподволь подготавливала в поня-

тии «воинская честь» другую критериальность, нежели сословность. Хотя, подобный тезис носит явно дискуссионный характер.

Патриотическая идея в воспитании княжеских дружиных нащла свое проявление еще в одном устое, который настойчиво внедрялся в умы и сердца древнерусского воинства. Речь идет о формировании следующей морально-психологической установки – необходимость быть верным своему воинскому долгу. В подтверждение достоверности данного тезиса можно привести такое утверждение: коллективная народная мысль Древней Руси всегда покрывала всеобщей ненавистью и презрением предателей и трусов Нарушение верности, измена Родине вызывали жестокую кару народа. Видимо, выглядит закономерным, что былина повествует об Илье Муромце, убившем своего сына – изменника Сокольника [25, с.428-431].

И, конечно, нельзя не сказать о роли Русской Православной Церкви в патриотическом воспитании древнерусского воина. Именно она формировала идею жертвенности как неотъемлемого компонента воинского служения. Древний воин – язычник не обладал жертвенностью. Он был движим стремлением к победе, к завоеванию добычи, но не имел целью отдать жизнь за относительно абстрактные идеалы, более того – сильно удивился бы подобному предложению. Православие, повлияв на русскую воинскую культуру, задало и модель жертвенности как желаемого поведения воина. Русский воин именно в христианский период истории Руси обрел готовность пожертвовать собой не только за родную землю, но и за веру, за своих товарищей по оружию. Таким образом, жертвенность превратилась в одну из высших этических ценностей, которая сопровождает русскую воинскую культуру многие столетия, вплоть до настоящего времени. (думается, что здесь налицо предмет отдельного исследования) [26].

Итак, патриотическая идея в воспитании древнерусского воинства имела место быть. И была она относительно сильно выражена.

Литература и источники

1. Повесть временных лет. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. 305 с.
2. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Наука, 1992. 759 с.
3. Древнерусские княжества X-XIII вв./ Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М.: Наука, 1975. 303с.
4. Толочко П.П. Древняя Русь. К.: Наукова думка, 1987. 247 с.
5. Байов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. 1: От начала Руси до Петра Великого. СПб., 1909. С. 1-32.
6. Поляков А.И. Дружины в Древней Руси // Вестник ОГУ.2010.»2(108). С.41-46.
7. Воинские повести древней Руси. М.; Л.: изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук

- СССР, 1949. 359 с.
8. Былины. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 515 с.
9. Каинов С.Ю. Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI века (по материалам Гнёздовского некрополя и поселения): автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2019. 27 с.
- 10.Русанов В.Ю. Военная организация Древнерусского государства, X-XI вв.: автореф. дис ...канд. ист. наук:07.00.02. М., 2001. 24 с.
11. Амельченко В. Дружины Древней Руси. М.: Воениздат, 1992. 144 с.
12. Кокорин А.М. Система профессионального воспитания войска Древней Руси // Образование и общество. 2020.№ 2 (121). С.30-34.
13. Поляков А.И. Дружины в Древней Руси // Вестник ОГУ.2010». № 2(108). С.41-46.
14. Борский А.И. Дружины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1984. №9. С.17-28.
15. Амельченко В.В. Древнерусские рати. М.: Воениздат, 2004. 368 с.
- 16.Бровко А.С. Деятельность властных структур по реализации государственной идеи нравственного воспитания корпуса российских армейских офицеров в условиях мирного времени: 1880-август 1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Вольск, 2007. 24 с.
17. Максимов С. Г. Русские воинские традиции. М.: Вече, 2010. 320 с.
18. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. Лит., 1978. 360с.
19. Иларион (митр. Киевский; XI в.).Слово о Законе и Благодати [Реконструкция древнерус. текста Л. П. Жуковской; Пер., вступ. ст., с. 5-27, В. Я. Дерягина; Коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского]. М.: ПИФ «Столица»: НИЦ «Скрипторий», 1994. 143 с.
20. Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. М.: Воениздат, 1947. 638 с.
21. Сказание о Мамаевом побоище / С предисл. С.К. Шамбинаго. СПб. : тип. М.А. Александрова, 1907. 108 с.
22. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI –XVII веков. М.: Рипол Классик 1996. 512 с.
23. Книга былин: свод избранных образцов русской народной эпической поэзии: (новое издание «Книги о киевских богатырях», дополненное былинами новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными) : с портретом певца былин Рябинина работы Л. А. Серякова и рисунками А. В. Прохорова и Н. Н. Каразина / сост. В. П. Авенариус. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 355 с.
24. За землю Русскую!: Памятники лит. Древ. Руси XI-XV вв. : [сборник / Сост., вступит. статья, с. 5-5, comment., подбор миниатюр Ю. К. Бегунова] ; худож. В. Носков. М.: Советская Россия, 1981. 518 с.
25. Илья Муромец и Сокольник: [Былина] № 85 // Былины: В 25 т. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001.С.428-431.
26. Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви в 3 ч. Ч.1 М.: Юрайт, 2025. 518 с.

Т. Г. Фруменкова
T. G. Frumenkova

**Российская патриотка императрица
Марии Федоровна и сотрудники марининских благотворительных
заведений в 1812 – 1813 гг.**

*Institutions of the Mariinsky Department in 1812: patriotism
and behavior considered unpatriotic*

Аннотация. В статье освещается патриотическая деятельность императрицы-матери Марии Федоровны в 1812-1813 гг. Из Петербурга, с опорой на своих сотрудников она смогла организовать эвакуацию ряда благотворительных заведений в Казань, определила условия работы воспитательного дома и больниц в занятой неприятелем Москве, способствовала восстановлению деятельности учебно-воспитательных и медицинских учреждений в разоренной Москве. Подготовка к эвакуации петербургских заведений ведомства оказалась перестраховкой.

Ключевые слова: патриотизм, императрица Мария Федоровна, война 1812 г., марининские благотворительные заведения.

Abstract. The article highlights the patriotic activities of Empress Mother Maria Feodorovna in 1812. The article highlights the patriotic activities of Empress-Mother Maria Feodorovna in 1812-1813. From St. Petersburg, relying on her staff, she was able to organize the evacuation of a number of charitable institutions to Kazan, determined the working conditions of an orphanage and hospitals in Moscow occupied by the enemy, and contributed to the restoration of educational and medical institutions in devastated Moscow. Preparations for the evacuation of the St. Petersburg institutions of the department turned out to be a reinsurance.

Keywords: patriotism, Empress Maria Feodorovna, the War of 1812, the Mariinsky charitable institutions.

«Главноначальствующей над воспитательными домами» и созданными ею благотворительными заведениями была вдовствующая императрица Мария Федоровна. Вюртембергская принцесса, жена и мать императоров, она вписалась в русскую жизнь. Энергичная, с сильным характером, в 1812 г. она руководила своим заведениями авторитарными методами, через голову Петербургского и Московского опекунских советов. Настойчивость императрицы, ее последовательность в отстаивании интересов своих заведений, внимание к мелочам помогли ей в организации эвакуации из Москвы в Казань нескольких марининских заведений. 21 августа 1812 г. из древней столицы выехали отдельные опекуны и служащие опекунского совета, чиновники, документы и материальные ценности сохранной и ссудной казны, в тот же день, чуть позже, - воспитанницы Екатерининского института

и Александровского училища. Обоз со старшими питомцами воспитательного дома двинулся в Казань 31 августа. Под контролем Марии Федоровны институтки добрались до Казани 13 сентября, опекунский совет и казна – 2 октября, а воспитательный дом – лишь 11 октября относительно благополучно. К несчастью, 1 октября после двухнедельной болезни умер 15-летний воспитанник Иван Николаев [1, л. 187]. Под столь же неусыпным монаршим надзором взрослые и дети, школьные занятия которых были возобновлены, разместились в Казани, а весной и летом 1813 г. вернулись в Москву.

Вместе с опекунами Мария Федоровна разработала порядок деятельности воспитательного дома и благотворительных больниц в Москве, к которой подступал неприятель. Она педантично следила и за восстановлением работы московских заведений в конце 1812 – начале 1813 гг. Выполняя ее бесчисленные указания, их руководители буквально выбивались из сил. Запросы и распоряжения явно добавили нервного перенапряжения главному надзирателю Московского воспитательного дома И.А. Тутолмину. Впервые он упомянул о своем болезненном состоянии в письме секретарю императрицы Г.И. Вилламову от 18 ноября. Главному надзирателю пришлось отвечать на повторный запрос императрицы, не понявшей, на какие «экстраординарные нужды» он в сентябре 1812 г. потратил 2000 руб. Он пояснил, что употребил эти деньги «на подарки жандармским караульным офицерам с их командою, дабы убедить их к принятию нужных мер для удержания необузданых французских солдат от грабежа и беспорядков в доме, чем вложил в сердца их готовность во всем нас предохранять, что исполнили, без которого средства не имел бы я в том желаемого успеха». И.А. Тутолмин напомнил, что уже разъяснял это в предыдущем донесении. Не сдержав незаслуженной обиды, он сообщил: «Беспрерывные заботы и труды, понесенные в сие время, расстроили мое здоровье до такой степени, что я не в силах приняться за перо». Главный надзиратель попросил уволить его «совсем или до поправления моего здоровья». Пояснения вновь не устроили императрицу, и ей снова пришлось рассказывать о французских взяточниках [2, л. 102 – 102 об., 161].

В первые дни войны Александр I в одном из писем составил перечень учреждений, которые в случае опасности необходимо вывезти из столицы. В этот список он включил и заведения, состоящие под начальством матери. 11 июля началась укладка бумаг и вещей Марии Федоровны, принимались меры по эвакуации столичных мариинских заведений [3, с. 238, 251, 384]. Обстановка была тревожной. Весь двор, включая императрицу-мать, после известия о сдаче Москвы в панике

толкал царя к миру с Наполеоном [4, с. 349]. Императрица даже заготовила проект повеления императора, объявлявший о начале эвакуации, для проведения которой закупила 15 больших лодок-тихвинок. В 1813 г. часть так и не использованных лодок удалось продать, но 2600 руб. были истрачены впустую [5, с. 86 - 93].

Патриотизм Марии Федоровны имел свои особенности, обусловленные особенностями ее социального статуса и личности. Ее патриотическая борьба за спасение детей имела сословный оттенок. Из Москвы первыми эвакуировали дворянских девочек-институток, питомцев воспитательного дома сначала вывозить не предполагалось. Характерно и возмущение Марии Федоровны тем, что некоторым дворянкам-воспитанницам пришлось выехать из Москвы на телегах. Как писал Н.А. Троицкий, «дворянскую спесь афишировал негодующий вопль императрицы... по поводу того, как «благородных девиц» вывозили из Москвы: «Дочерей лучшего дворянства – на телегах»» [4, с. 351]. С резкой оценкой известного историка согласиться трудно, но выговоры, полученные московскими опекунами, выглядят по меньшей мере нелепо. Они свидетельствуют о сословных предрассудках императрицы и о том, что она не представляла реальной обстановки в Москве в конце августа 1812 г.

Императрица вела и сложную пропагандистскую игру с Наполеоном. По его инициативе в воспитательный дом были доставлены 22 ребенка, получивших фамилии «Наполеоновы», «Милиевы», «Тривизские». В ноябре 1812 г. Мария Федоровна потребовала срочной смены «наполеоновских» фамилий на русские [3. С. 521]. При этом она демонстративно оказывала покровительство оставленным в воспитательном доме раненым офицерам армии Наполеона. В отличие от переданных в распоряжение полиции нижних чинов, офицеров оставили в здании, в котором проживали сотни маленьких детей. Правда, их по воле начальницы переселили из основной части дома в удобную пустовавшую казенную квартиру. В ноябре 1812 г. императрица прислала в Москву 500 руб. на их содержание, просила не экономить деньги и повторила свой перевод в феврале 1813 г., когда выяснилось, что по выздоровлении все они отправлены к обер-полицеймейстеру. По ее просьбе ей представили и список неприятельских офицеров и солдат, остававшихся в доме. Это были 3 раненых офицера-француза, при которых находился лекарь-француз и 8 денщиков – 5 французов и 3 немца. «При французских лазаретах» в доме также проживал полковник-француз Ж. Газо с помощником-сыном и двумя денщиками-немцами, содержавший всю компанию «из своих денег» [2, л. 101; 6, л. 89, 121, 148]. Возможно, Мария Федоровна таким образом проявляла

и заботу о пленных уроженцах германских государств, особенно родного Вюртемберга.

Коллективными органами управления мариинскими заведениями в каждой из столиц были опекунские советы, состоявшие из нескольких почетных опекунов. Служебная деятельность петербургских опекунов в 1812 г. почти не изменилась. Особую роль сыграл один из них - А.У. Болотников. В ноябре 1812 г. он отправился в Москву по поручению императора для участия в особой следственной комиссии по расследованию злодеяний французов. Мария Федоровна стремилась использовать любую возможность получить дополнительные сведения и поручила ему провести инспекцию московских заведений. Он с честью выполнил свою задачу и сумел оказать помощь москвичам. Очень важную роль в эвакуации, а затем в реэвакуации благотворительных учреждений сыграли московские опекуны А.М. Лунин и Н.И. Баранов, в 1812 – 1813 гг. не отлучавшиеся от порученных им попечению благотворительных заведений и отдававшие все силы их сохранению и развитию. На них императрица могла положиться безоговорочно. А.П. Нечаев и С.М. Голицын, выполнив поручения императрицы, покинули Москву после 28 августа и занялись, по-видимому, личными делами. В ноябре 1812 г., вероятно, решив реабилитироваться, оба опекуна по распоряжению Марии Федоровны вернулись в Москву. Узнав о тяжелой болезни И.А. Тутолмина, С.М. Голицын вынуждался оказывать ему содействие, вскоре принял на себя почти все его обязанности. Упреки С.Н. Искюля в том, что при его попустительстве в сожженной французами Москве не удалось обнаружить 136 питомцев, находившихся на 7-летнем воспитании у своих матерей [3, с. 520], представляются не вполне справедливыми. С.М. Голицын и его подчиненные делали все возможное, императрица беспокоилась, но недовольства не проявляла. Матери с детьми, как и почти все москвичи, явно ушли в соседние губернии и могли вернуться позднее. Попечению А.П. Нечаева были поручены ремонт и приведение в порядок всех зданий опекунского совета, чем он с большим рвением и занимался. Доверие императрицы к этим опекунам на протяжении «смутных обстоятельств» постепенно росло.

Ю.А. Нелединский-Мелецкий находился в Москве до конца августа 1812 г. и успел получить два выговора императрицы – за вывоз дворянских девиц из Москвы на телегах и за отправку институток в Казань без учителей (педагогам пришлось добираться до Казани самостоятельно). В дальнейшем от обязанностей московского опекуна он уклонился и позднее вошел в состав Петербургского совета. Почетный опекун А.И. Муханов в августе 1812 г. вывозил из Москвы

свою семью и появился в Казани в ноябре 1812 г. Как член совета, он подписывал документы, но активности в эвакуации не проявлял, а лишь отправлял Марии Федоровне жалобы и просьбы, и, наконец, летом 1813 г. добился длительного отпуска [7, с. 42 - 61].

Настоящим героем-патриотом, опорой императрицы, был старший из оставшихся в занятой неприятелем в Москве чиновников главный надзиратель воспитательного дома И.А. Тутолмин. Ценой своего здоровья и жизни он спас воспитанников, сотрудников дома и больниц, отстоял от пожара большую часть зданий ведомства и выдержал противостояние с Наполеоном. После выхода неприятеля из Москвы И.А. Тутолмин отдал все силы восстановлению довоенной работы учреждений, пока болезнь не одолела его. Императрица перегружала главного надзирателя, скорее всего, потому, что именно на него она могла опереться.

Почти все остальные чиновники также старательно выполняли указания августейшей начальницы. Молодые служащие Петербургского совета получили возможность вступить в ополчение. На это сообщение секретаря императрицы откликнулись три человека [8, л. 218 – 218 об., 797 – 797 об., 925 – 925 об., 933 об.].

Деятельными соратниками императрицы и главного надзирателя были главный лекарь больницы для бедных Х.Ф. Оппель, смотритель Павловской больницы П.П. Носков и другие чиновники и врачи. Среди них было встречались и иностранцы. Александр I еще 29 июня 1812 г. подписал повеление провести «разбор» иностранцев в столице и по всей империи. Тех из них, кого предполагалось оставить в России, министр полиции планировал выслать вглубь страны. Однако иностранцы, которые находились на службе в маринских учреждениях, исключались из этого правила [3, с. 311]. Тем не менее, императрица также решила провести секретную проверку иностранцев в своем ведомстве. В Москве такую проверку вряд ли удалось провести, так или иначе, большая часть иностранцев, самым ярким из которых был уроженец Вюртемберга Х.Ф. Оппель, верно служила новой родине.

Неизвестно, как воздействовала патриотическая деятельность императрицы на воспитанников ее заведений. Однако, 15 августа 1812 г. Московский опекунский совет предложил взрослым питомцам воспитательного дома по желанию вступить «в военную службу», и 17 человек были определены унтер-офицерами в ополчение. Императрица в целом одобрила эти действия опекунов, убедившись, что все добровольцы были взрослыми и среди них не было воспитанников, готовившихся к получению высшего образования [9, л. 41, 48].

Литература и источники

1. РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60 а.
2. РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 60 б.
3. Искюль С.Н. Война и миръ в России 1812 года. СПб.; Издательский дом «Петрополис», 2015. – 848 с.
4. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. – 560 с.
5. Фруменкова Т.Г. Финляндия и Северо-Запад России в планах эвакуации петербургских заведений Мариинского ведомства в 1812 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы 7-й ежег. междунар. конференции. СПб.: РХГИ, 2006. – С. 86 – 93.
6. РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 62 б.
7. Фруменкова Т.Г. Сотрудники московских марининских учреждений в «смутных обстоятельствах» 1812 г. //Герценовские чтения 2023. Актуальные проблемы русской истории. Сб. научных и учебно-методических трудов. СПб., Астерион, 2024. С. 42 – 61.
8. РГИА. Ф. 758. Оп. 1. Д. 1435.
9. РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 59.

A. B. Баканов
A. V. Bakanov

Светские школы Дагестанской области: 1860-1917 гг. (Беглый взгляд на некоторые аспекты патриотического воспитания дагестанских мусульман)

*Secular Schools in the Dagestan Region: 1860-1917
(A glimpse at some aspects of patriotic education of Dagestani
muslims)*

Аннотация. В статье кратко раскрываются взгляды российской администрации на проблему патриотического воспитания дагестанских школьников мусульман в период 1860-1917 гг. Также в статье представлены основные методы и механизмы, использовавшиеся властями для решения этого вопроса.

Ключевые слова: Россия, Дагестан, светские школы, образование, культуры, патриотизм, ислам.

Abstract. This article briefly explores the Russian administration's views on the issue of patriotic education of Dagestani Muslim schoolchildren from 1860 to 1917.

The article also presents the main methods and mechanisms used by the authorities to address this issue.

Keywords: *Russia, Dagestan, secular schools, education, culture, patriotism, Islam.*

С образованием Дагестанской области в данной территориально-административной единице стала складываться система светского школьного образования, где одной из задач этого последнего являлось привитие патриотизма подрастающему поколению. Нужно обозначить, что на первых порах своего становления данная система развивалась крайне медленно и сложно, но, однако на рубеже XIX и XX столетия в эволюции этого направления стали прослеживаться качественные изменения. Следует отметить, что к этому времени в только что отмеченном регионе уже насчитывалось порядка 30 светских школ [1], а вначале XX в. их количество еще более увеличилось и стало равняться 60 учебным заведениям [2]. К тому же в данное время в Дагестане было открыто несколько ремесленных и технических училищ, а так же расположенные в административном центре этой области г. Темир-Хан-Шуре и предназначавшиеся для подготовки учителей для местных начальных школ педагогические курсы [3]. Однако, несмотря на только что представленные успехи в развитии светского образования в Дагестане, в ту пору имелось множество проблем. Вплоть до самого 1917 г. на его развитии сказывались: фобии Кавказской войны, нехватка бюджетных средств, консервативность дагестанских этносов, культурно-цивилизационные и этнографические особенности региона.

Важно подчеркнуть, что с завершением Кавказской войны, дагестанское общество, как и прежде оставалось крайне наэлектризовано и очень подозрительно по отношению России. И действительно в первые десятилетия после создания Дагестанской области, в данной территориально-административной единице то и дело происходили народные волнения, и хотя к началу XX столетия обстановка в этом регионе более или менее стабилизировалась [4], тем не менее вплоть до самого низвержения монархии в России она являлась далека от идеала [5; 6]. Как и прежде в данном регионе подавляющее большинство местного народонаселения продолжало жить своей замкнутой и обособленной жизнью, и взамен светского образования предпочитало получать исламское образование [5]. Взамен школ и ремесленных училищ дагестанские мальчики и девочки, как и прежде в подавляющем большинстве отправлялись в мектебы и медресе, что во многом было связано с опасениями их родителей, что светское образование испортит подрастающее поколение. Что обучение на русском языке заставит их детей оставить свой язык. А приобщение к передовым достижени-

ям европейской цивилизации, непременно отвернет их от своих традиций, культуры и веры.

Нужно обозначить, что вплоть до самого 1917 г. имперская администрация учитывала эти настроения. И действительно, прекрасно понимая степень исламизированности дагестанских горских масс, да как собственно и степень авторитета местного мусульманского духовенства, эта последняя с первых же дней образования Дагестанской области в целях популяризации школьного образования дозволила преподавать в местных школах мусульманское Богословие и некоторые прочие исламские предметы [1]. Заметим, что вплоть до самого низвержения монархии в России как в начальных, так и средних школах Дагестанской области, дети дагестанских горцев мусульман могли свободно изучать арабский язык и арабскую грамматику, основы исламского вероубеждения, исламское право, хадисы, а также обучаться чтению Корана. Помимо этого данные предметы они также могли изучать и во всех ремесленных и технических училищах данной территориально-административной единицы, что просто не могло не сказываться на степени престижа школьного образования [7]. Пошаговом увеличение числа учебных заведений, и численности обучающихся мусульман. До 1917 г. Богословие в дагестанских школах также преподавалось детям православно верующих, и детям армян греко-православной церкви, мальчикам и девочкам горских и европейских евреев [3].

Следует отметить, что второй мерой, нацеленной на популяризацию школьного образования в Дагестанской области, являлось то, что обучение дагестанских мальчиков и девочек в начальной школе велось там не на русском языке, а на их родных наречиях [1-3; 5-7]. Однозначно, что данная мера, как и преподавание исламских дисциплин в учебных заведениях этой области являлась крайне актуальной, где с одной стороны она нивелировала нервозность и всяческие подозрения дагестанского общества, а с другой при плохом знании русского языка, давала детям знания. К тому же обучение сразу на русском языке тогда было просто бессмысленным, т.к. степень знания этого последнего среди горских масс в ту пору оставалась крайне незначительной и допусти российская администрация его использование в начальной школе, то обучаемые просто напросто ничего бы не поняли и просто провели там время даром. Наоборот, использование родных наречий и постепенное внедрение государственного языка, его изучение и поэтапное усвоение, подготавливали их к его употреблению, и в школах среднего звена учеба шла уже на русском. А местные наречия преподавались в данных заведениях как отдельный спецпредмет. Один, а то и два раза в неделю.

Нужно обозначить, что помимо только что отмеченного имперская администрация считала, что привязанность к Великороссии не может быть привита в Дагестанской области без качественного изучения истории России [1; 5; 7]. И действительно на занятиях по курсу русской истории педагоги могли максимально тщательно и достоверно объяснить подрастающему поколению, принципы и правила развития и функционирования Российской государственности, особенности взаимодействия и взаимоотношений этой последней с мусульманскими и кавказскими народами и государствами и многое другое. К тому же на данных занятиях учителя могли рассказать местным девочкам и мальчикам о богатых культурных и политических традициях России и что последняя исторически являлась многонациональным и много-конфессиональным государством, которое по сути никогда не унижало иногородцев. На просторах последней исторически проживало множество не славянских и в том числе и мусульманских этносов и раз все они сквозь столетия сохранили свои традиции и верования, то их же сохранят и дагестанцы. При этом на верхах считали, что дагестанцам нужно знать и то как развивался Дагестан [7]. С одной стороны это бы нивелировало подозрения об ассимиляции, а с другой давало бы местным жителям возможность понимать лучшие и худшие стороны своей истории, быта и культуры.

Из всего только что сказанного следует, что вплоть до самого низвержения Монархии в России обучение в светских школах Дагестанской области велось с учетом многочисленных особенностей региона. Следует отметить, что подобные действия и решения в ту пору были крайне актуальны, т.к. посредством этих последних российская администрация сглаживала многие шероховатости в русско-дагестанских взаимоотношениях, а с другой наглядно доказывала местному обществу, что Россия не враг для дагестанцев. К тому же данными действиями она все-таки давала возможность для местных горцев, не теряя своей культуры и идентичности, приобщиться к передовой европейской цивилизации и получить достойное образование. Заметим, что делая это ненасильственно, а диалектически наоборот очень мягко и деликатно, Санкт-Петербург просто напросто разоружал своих недругов и недоброжелателей, и так или иначе заставлял местное народонаселение пустить если и не полюбить, но все же уважать Россию. Добавим, что все это прививало и патриотизм. Благо, вышеупомянутые действия и меры просто не могли не вызывать симпатии у местных горцев.

Тогда когда выше обозначенные действия и меры российского правительства так или иначе вызывали симпатии коренного народонаселе-

ния Дагестанской области, то это сказывалось и на их привязанности и лояльности по отношению к России. Нет, действительно, вплоть до самого 1917 г. в данной территориально-административной единице вполне себе еще хватало таких горцев, которые в силу своей полной безграмотности, да как собственно и фобий Кавказской войны продолжали считать, что Россия и все русское чуть ли самое страшное зло, которое существует на этом белом свете, но однако в то же время там стали появляться и такие личности, которые считали оную Отечеством и домом. Заметим, что не встречая ни каких препятствий в школе и даже более того видя попечение российской администрации о подрастающем поколении дагестанских горцев, пусть и не все, но многие из них занимали про-российскую позицию, что явно укрепляло власть России в Дагестане. К тому же поэтапно оккультуривая и социализируя местных девушек и юношей, российская администрация точно также приобретала себе множественных союзников, т.к., пройдя курс школьного образования, и не превратившись в русских или христиан, а, наоборот, оставаясь самими собой эти последние становились высвобождены от однобоких клише, и начинали понимать и главное воспринимать Россию. Ковать ее величие и славу, радеть общеимперскими задачами и целями и просто по достоинству любить. И тут же обозначим, что на сегодняшний день в Дагестане преподавание родной истории, литературы, языка, культуры и азов Богословия фактически изъято из школьного образования, и это при том, что данное решение пугает и раздражает как минимум половину местного народонаселения.

Литература и источники

1. Всеподданнейшие записки Главноначальствующих гражданской частью на Кавказе за 1882-1890, 1890, 1897 и 1897-1902 гг. Тифлис, Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1903. – 561 с.
2. Всеподданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом Генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1913. – 36 с.
3. Обзоры Дагестанской области за 1901-1915 гг. Темир-Хан-Шура, Рус. тип. В.М. Сорокина, 1902-1916.
4. История народов Северного Кавказа: конец XVIII в. – 1917 г. / под. ред. А.Л. Нарочинского. М.: Наука, 1988. – 659 с.
5. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. Генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1907. – 164 с.
6. Всеподданнейший отчет за пятилетнее управление Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1910. – 60 с.
7. Обзор Деятельности Кавказского учебного округа 1908-1912 гг. Тифлис, типо-литография и переплетная т-ва Либерман и К, 1914. – 231 с.

П. И. Шестопалов
P. I. Shestopalov

Значение «Морского сборника» в развитии моринистической публицистики в России во второй половине XIX века¹

The significance of the “Marine Collection” in the development of maritime journalism in Russia in the second half of the 19th century

Аннотация. В статье рассматривается роль журнала «Морской сборник» в развитии моринистической публицистики в России во второй половине XIX в. Определяется основная проблематика на различных этапах деятельности издания, наиболее значовые публикации авторов. Обращается внимание на положение «Морского сборника» после окончания Крымской войны как одного из популярных изданий в стране, затем прослеживается его переход к статусу более специализированного издания.

Ключевые слова: «Морской сборник», моринистика, Военно-Морской Флот.

Abstract: The article examines the role of the «Marine collection» magazine in the development of Russian maritime journalism in the second half of the 19th century. It identifies the main issues at different stages of the magazine's activities and focuses on the most significant publications by its authors. The article highlights the position of the «Marine collection» after the end of the Crimean War as one of the most popular magazines in the country, and then traces its transition to a more specialized publication.

Keywords: “Marine Collection”, Marine Literature, Navy.

В марте 1848 г. в России вышел первый номер журнала «Морской сборник». В дальнейшем этот журнал стал одним из главных специализированных изданий, статьи которого были посвящены развитию отечественного флота, славным страницам его истории, технологическим изысканиям, проблемам морской политики, стратегии и тактики. Существующее до сих пор издание пользуется большим интересом не только у профессиональных моряков, но и у историков, так как является живым свидетелем развития российского флота, отразив на своих страницах важнейшие идеи и результаты этого процесса. Несомненным является и тот факт, что журнал, как и в предшествующие XIX и XX вв., продолжает играть важную роль в формировании чувства патриотизма, сохранения традиций и истории отечественного флота.

Начиная со второй половины 1850-х гг. «Морской сборник» становится одним из самых известных публицистических изданий в России, пользуясь большой популярностью у отечественного читателя, завоевав его доверие через освещение событий Крымской войны. Итоги этого конфликта заставили заняться осмыслением и подготовкой

дальнейших мероприятий по реформированию страны и, в частности, Военно-Морского флота. В одной из статей «Морского сборника», автор прямо утверждает, что «Восточная война – предел, с которого в русском флоте начался крутой поворот к лучшему» [1, с. 279].

На рубеже 1855–1856 гг. «Морской сборник» начинает приобретать славу не только ведомственного издания. Как заметил С.В. Максимов: «из сухого специального журнала успел уже превратиться в живой орган, в котором разрабатывались самые существенные и жгучие общественные вопросы» [2].

Одним из подобных вопросов стало обсуждение на страницах Сборника проблем подготовки кадров для флота. Этот вопрос приобрел широкий общественный интерес и, в конечном итоге, нашел свое выражение в нескольких крупных статьях, самой известной из которых стала статья Н.И. Пирогова «Вопросы жизни» [3]. Всего в «Морском сборнике» в рамках педагогической дискуссии рубежа 50-60 гг. XIX века было опубликовано 70 крупных теоретических статей, 35 из которых были написаны морскими офицерами [4, с. 99].

Еще одним знаковым литературным и публицистическим явлением в период расцвета «Морского сборника» как крупного отечественного журнала стала знаменитая «литературная экспедиция». В августе 1855 г. великий князь Константин Николаевич предложил «поискать между молодыми даровитыми литераторами» лиц, для их командировки в Архангельск, Астрахань, Оренбург и на Волгу для исследования и сбора информации о местных жителях, занятых морским делом, с последующей публикацией материалов на страницах «Морского сборника» [2], [5, с. 157–158].

Несмотря на то, что журнал пользовался репутацией прогрессивного, все же порой цензурные ограничения не позволяли опубликовать некоторые материалы. Участник «литературной экспедиции» М.Л. Михайлов в своем письме Н.В. Шелгунову в феврале 1857 г. говоря о своей деятельности по поручению морского ведомства отмечает, что старается говорить о положении без прикрас. При описании багренья (способ ловли крупной рыбы в зимний период при помощи багров – длинных шестов со стальными крючьями на конце) М.Л. Михайлов утверждает, что «половина застрянет в цензуре». [6, с. 115–116]. В итоге, из всех материалов были опубликованы лишь «Уральские очерки». остальные же материалы не были пропущены морским ученым комитетом [7, с. 9].

«Морской сборник» публиковал на своих страницах литературные произведения моряков, участвовавших в дальних плаваниях, делившихся с читателем своими впечатлениями от путешествий. Напри-

мер, с 1862 по 1864 гг. будут опубликованы работы писателя-мариниста К.М. Станюковича, которого позже современники будут называть «Айвазовским слова» [8].

Тем не менее, серьезные изменения в содержании «Морского сборника» начинают происходить с начала 1860-х гг. Постепенное увеличение числа периодических изданий и сокращение финансирования «Морского сборника» сказывались на снижении его популярности. Кроме того, изменение акцента в связи с техническим преобразованием отечественного флота привели к увеличению статей, посвященных собственно техническим вопросам в морском деле, проблемам морской тактики, кораблестроения, артиллерии и др. И, если в 1857 г. количество подписчиков на журнал достигает пикового значения и составляет 5565 человек (3300 обязательных). [9, с. 242], то в 1866 г. их будет 720 чел., а в 1873 г. всего 288 чел. [10, с. 128]. Таким образом, к середине 1860-х гг. «Морской сборник» становится специализированным ведомственным изданием.

Несмотря на подобные изменения журнал продолжал оставаться авторитетным изданием, публикации которого способствовали развитию отечественного флота. Яркой иллюстрацией этого стало комплексное осмысление вопроса о непотопляемости судна в публикационной активности С.О. Макарова на страницах «Морского сборника». Приведем достаточно интересное свидетельство по данному вопросу. В 1903 г. А.Н. Крылов – знаменитый отечественный механик и инженер читал лекцию о непотопляемости судов в Кронштадте. Завершал лекцию он следующими словами «Все, что я вам здесь изложил принадлежит не мне, а целиком взято из ряда статей «Морского сборника» <...> и статьи эти подписаны так: мичман Степан Макаров, лейтенант Степан Макаров, флигель-адъютант Степан Макаров, <...> и наконец <...> вице-адмирал Степан Макаров» [11, с. 52].

В конце XIX в. в связи с дальнейшим развитием броненосных кораблей и артиллерии, обращает на себя внимание вопрос о новой тактике, отвечающей современным требованиям. В связи с этим С.О. Макаров публикует свою знаменитую работу, ставшую классической, под названием «Рассуждения по вопросам морской тактики» [12]. Важно и очень актуально даже для современного читателя, что, по мнению С.О. Макарова не только технические достижения, но и человеческий фактор, оказывают существенное влияние на те или иные способы ведения войны на море [13, с. 496].

Таким образом, «Морской сборник» во второй половине XIX в. сыграл важную роль в развитии отечественной маринистической публицистики. После окончания Крымской войны журнал стал одним из

самых популярных изданий в России, на страницах которого были опубликованы статьи, повышающие интерес к морской тематике, рассматривались и обсуждались общественно важные вопросы. Однако впоследствии издание приобрело специализированный характер, не утратив при этом своего статуса среди профессиональных моряков.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01643 «Русская мариинстика середины XIX – начала XX в.: идеология, эстетика, технология», <https://rscf.ru/project/24-28-01643/>

This work was carried out with financial support from the Russian Science Foundation, project no. 24-28-01643 “Russian Marine Texts of the mid 19th - Early 20th Century: Ideology, Aesthetics, Technology” (<https://rscf.ru/project/24-28-01643/>).

Литература и источники

1. Современное значение броненосного флота // Морской сборник. – 1864. – № 4. Неофициальный отдел. – С. 263–324.
2. Максимов С.В. Литературная экспедиция // URL: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0040.shtml?ysclid=mhv4n77wkt524343866 (дата обращения: 30.10.2025).
3. Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Морской сборник. – 1856 – № 9. Часть неофициальная. – С. 559–597.
4. Шевырёв А. П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. – М.: Издательство МГУ, 1990. – 184 с.
5. Огородников С. Ф. 50-ти летие журнала «Морской сборник» (1848–1898 гг.) // Морской сборник. – 1898. – № 1. Неофициальный отдел. – С. 119–166.
6. Шелгунов Н.В. Воспоминания. – М.: Художественная литература, 1967 Т. 1. – 510 с.
7. Михайлов М. Л. Сочинения в трех томах : Т. 1. – Москва : ГИХЛ, 1958. – 642 с.
8. Флагман русской морской литературы. К 180-летию со дня рождения писателя Константина Михайловича Станюковича // URL: <https://rgavmf.ru/ob-arkhive/novosti-rgavmf/flagman-russkoy-morskoy-literatury?ysclid=mhs7zt9azz123299284> (дата обращения: 30.10.2025).
9. Днепров Э.Д. «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России / Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М. 1965. С. 229–258
10. Огородников С. Ф. 50-ти летие журнала «Морской сборник» (1848–1898 гг.) // Морской сборник. – 1898. – № 2. Неофициальный отдел. – С. 125–142
11. Пушкин А. С. «Морской сборник» на флотской вахте // Памятники Отечества: альманах ВООПИиК. – 1983. – № 1 (7). – С. 51–56.
12. Макаров С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С. О. Макаров // Морской сборник. – 1897. – № 1–4, 7. – Неофициальный отдел.
13. Золотарев В. А., Козлов И. А. Три столетия Российского флота, XIX — начало XX века. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. – 685 с.

Воспоминания о детстве и доме как ресурс (по материалам автобиографий Николая Александровича Бенуа и Марка Шагала)

Flashback about childhood and house as a resource (based on autobiographical materials of Nikolai Aleksandrovich Benois and Marc Chagall)

Аннотация. В статье приводятся современные определения понятий “патриотизм” и “ресурс”, анализируется роль воспоминаний о доме и детстве (по материалам автобиографий Николая Александровича Бенуа и Марка Шагала), приводится понятие “эмигрантский патриотизм”, до настоящего времени редко встречавшегося в научно-исследовательской литературе.

Ключевые слова: ресурс, личность, патриотизм, эмиграция, воспоминания, эмигрантский патриотизм

Abstract. The article provides modern definitions of terms “patriotism” and “resource”, analyzed a role of flashback of childhood and house (based on autobiographical materials of Nikolai Aleksandrovich Benois and Marc Chagall), the concept “emigrant patriotism” (rare in scientific research literature) is also presented.

Keywords: resource, personality, patriotism, emigration, flashback, emigrant patriotism.

Нами делается попытка проанализировать психологические аспекты понятий “патриотизм” и “ресурс” на материале автобиографий Николая Александровича Бенуа и Марка Шагала, внесших неоценимый вклад в мировую художественную культуру. Появились эти материалы тогда, когда художники были в эмиграции. Именно к воспоминаниям о Родине, связей с которой они не теряли, находясь в эмиграции, о городах, в которых родились, о людях, их окружавших, обращались они в трудные моменты жизни, что позволяет рассматривать эти воспоминания как один из ресурсов. Таким образом, в очередной раз встал вопрос “эмигрантского патриотизма”.

В нынешнее время стало особенно актуальным изучение патриотизма различными науками, в том числе и психологией. По мнению ряда исследователей, основными составляющими патриотизма являются: 1) чувство любви к Родине, 2) готовность приносить в жертву личные интересы общественным, 3) соответствующее поведение, 4) идентификация со своей страной, ее историей и народом. Этот феномен изучается и эмпирически. При всей своей актуальности проблема

исследована мало [5].

Подчеркивается, что в ходе эмпирических исследований обнаружилась и “бытовая привязка патриотизма к формам деятельности, идущим на пользу нашему обществу...” [5, с.14-15]. Кроме того, весьма заметна привязка патриотизма как отношения к своим близким, семье, детям, профессии [там же].

Патриотизм невозможно описать с помощью одной психологической категории, а только в комплексе, куда входят чувства, установки, отношения и др. [2]. Элемент патриотизма – уважение к истории своей страны. Патриотизм невозможен без образа Родины, который у каждого человека, разумеется, свой [2].

Интересен и вопрос об отдельных составляющих патриотизма, т.к. миграции населения в последние несколько лет стали особенно интенсивными. И снова видна проблема эмигрантского патриотизма. Обнаруживается все больше фактов, подтверждающих его существование. Например, недавно прошла выставка, организованная “Государственным музеем “Исаакиевский собор”, русского импрессиониста Константина Горбатова, эмигрировавшего в 1922 году и не прерывавшего связи с Родиной. Находясь на острове Капри, а позже – в Берлине, он по памяти писал российские пейзажи [6].

Не менее многогранно и понятие ресурса. Имеющиеся у человека ресурсы очень разнообразны. Можно говорить о материальных, природных, личностных, трудовых, информационных, временных, семейных, политических, социальных ресурсах [4].

В психологии ресурс определяется как система средств – внешних и внутренних, благодаря которым человек справляется со сложными жизненными ситуациями, может адаптироваться к стрессу, достигать своих целей. Именно ресурсный подход, появившийся в гуманистической психологии, получил широкое распространение в психологической науке последних десятилетий [4]. Благодаря современным эмпирическим исследованиям были выделены конструкты ресурсов, среди которых ресурсы личностные (эмоциональные) и семейные (наличие близкого человека).

“Внизу река, где-то вдали мостик, а прямо передо мной – погост... Здесь моя душа, вот я, мои картины, мои истоки. Печаль, печаль моя!” [3, с.12] “... в невинных причудах моих родных ключ к моим картинам” [там же]. “...звук его имени (Давида) милее мне, чем имена заманчивых далеких стран, - с ним доносится запах родного края” [3, с.32].

Т.е. здесь мы видим эмоциональный конструкт ресурса.

Н.А. Бенуа охарактеризовал свое детство словом “сказочное” [1].

Таким детством, как он считал, он был обязан своему отцу.

“В Петербурге началось мое культурное становление... Уже в три года я начал рисовать и карандашом, и красками. И все время находился рядом с отцом” [1, с.25]. “... Шагал стал одним из самых частых гостей в нашем доме. Отец ввел его в разные влиятельные круги в Петербурге” [1, с.26]. Т.е. именно в семье подавался пример оказания помощи, т.е. предоставления ресурса.

Н.А. Бенуа и Марк Шагал – два самобытных художника из разных социальных слоев, с разной судьбой. По воле этой судьбы оказавшиеся в эмиграции. Они не порывали связи с Родиной, обращались к ней в воспоминаниях, что давало силы для жизни и творчества.

Так что проблема “эмигрантского патриотизма” ждет своих исследователей.

Литература и источники

1. Аллегри Р. Николай Бенуа рассказывает. – СПб., Европейский дом, 2013. 336 с.
2. Журавлев, А.Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки / А.Л. Журавлев, А.В. Юрьевич. // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 3. – С. 88-98.
3. Шагал М. Моя жизнь. СПб.: Азбука, Азбука - Аттикус, 2024. 224 с.
4. Шипова Н.С., Ульянова УЮ. Понятие ресурса в психологии: определение и ассоциативные связи. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т.26, N 4. С.105-110.
5. Юрьевич А.В. Психологические аспекты патриотизма. // Прикладная юридическая психология. 2016. N1. С. 6-21.
6. Электронный ресурс: Выставка “Русский импрессионист Константин Горбатов”. <http://www.cathedral.ru/en/post...> Дата обращения 30.10.2025

Ю. Г. Смертин
Yu. G. Smertin

Мулань: воительница и патриотка в китайских нарративах

Mulan: A Warrior and Patriot in Chinese Narratives

Аннотация. Статья посвящена героине китайского фольклора, литературных произведений и кинофильмов, сражавшейся в мужском обличии с варварами, стремившимися захватить земли Поднебесной империи. Центральное место в этих повествованиях занимает «Баллада о Мулань», ставшая основой для многочисленных интерпретаций на протяжении полутора тысяч лет.

Ключевые слова: Хуа Мулань, легенда, Китай, война, героизм, женщина, кочевники.

Abstract. The article is dedicated to the heroine of Chinese folklore, literature, and cinema, who fought as a man against the barbarians who sought to conquer the lands of the Celestial Empire. The “Ballad of Mulan” plays a central role in these narratives, serving as the foundation for numerous interpretations over the past 1,500 years.

Keywords: Hua Mulan, legend, China, war, heroism, woman, nomads.

В китайской классической литературе есть немало произведений, ставших архетипическими для китайской культуры. Среди них особое место занимает поэма «Баллада о Мулань» (木蘭辭, Мулань ши), в основе которой лежат приключения девушки Хуа Мулань, которая, переодевшись мужчиной, сражалась против враждебных кочевников в составе императорской армии.

Легенда о Мулань появилась в V или VI в. в Северном Китае. В то время север был завоеван тюркскими племенами тоба, создавшими на подконтрольных землях империю Северная Вэй (386–534 гг.). Вначале баллада существовала в форме фольклора. Считается, что записана она была впервые в VI в. и вошла в состав антологии «Старые и новые музыкальные записи». Первоначальный текст не сохранился, но он был воспроизведен в XI в. в антологии «Собрание Музыкальной палаты», содержащей народные песни с династии Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) до эпохи Пяти династий (907–960 гг.)

Баллада начинается с изображения Мулань в домашнем интерьере за типично женским занятием. Ее родители также ожидают от нее стереотипного женского поведения [1, р. 68–72].

Клик-клак, и снова – клик-клак,
Мулань ткет полотно, глядя на дверь.
Не слышно звуков челнока,
Слышны только дочери вздохи.
Они спрашивают, кто у дочери в сердце,
Они спрашивают, кто у дочери на уме.
(Здесь и далее перевод автора)

Но мысли Мулань совсем не о любви. Она решает идти в армию вместо своего престарелого и больного отца, которого призывают на военную службу для отражения нашествия варваров-гуннов. Она переодевается в мужскую одежду и в течение 12 лет принимает участие в сражениях, проявляя при этом недюжинную стойкость.

Она проходит десять тысяч ли по дорогам войны,
Она преодолевает ущелья и горы как птица.

Северный ветер доносит стук армейских котелков,
Холодный свет сияет на железных доспехах.

Генералы погибли в сотнях сражений.

Через десять лет отважные солдаты возвращаются домой.

В награду ей/ему император предлагает высокий официальный пост и солидное материальное вознаграждение. Мулань отказывается от высокой чести и просит государя только об одном.

Все, что мне нужно – это резвая лошадь,

Чтобы быстрее вернуться домой».

Мулань воссоединяется с семьей и первым делом восстанавливает свой забытый женский облик.

Я открываю дверь моей восточной спальни,

Я сажусь на кушетку в западной комнате,

Я снимаю свои военные одежды

И надеваю мои старые платья».

Глядя в окно, она укладывает подобные облаку волосы.

Поставив зеркало, она пудрится желтой цветочной пудрой.

Именно в это время сотоварищи Мулань по ратным подвигам на-вещают ее и, узнав тайну, удивляются, как ей удавалось притворяться мужчиной все долгие годы их совместной службы.

Мулань в аллегорической форме высказывает, возможно, впервые в китайской традиции, идею гендерного равенства.

Ноги зайца подскакивают и подпрыгивают,

Зайчиха косит глазами, будто пьяная.

Два зайца бегут бок о бок, стелясь по земле.

Как они могут сказать, что я – это он или она?

В «Балладе» ничего не рассказывается ни о семье Мулань, ни о ее военных подвигах. Нет сведений о ее жизни до ухода в армию и после возвращений в отчий дом. В результате, читателей и писатели всех времен имели почти неограниченные возможности для того, чтобы дополнить легенду деталями в своем вкусе.

Долгое время героиня была символом патриотизма и преданности семейным и государственным ценностям. В период династии Суй (598–617 гг.) ее знали под фамилией Вэй. В то время недавно объединенной Поднебесной угрожали тюркские племена. В суйской легенде к событиям, описанным в приведенном выше варианте, добавляются новые. Император Ян Гуан после отказа Мулань от чинов и наград и возвращения ее домой, наконец узнал, что герой войны оказался женщиной. Он призвал ее и был очарован ее красотой и умом. В ответ на предложение стать императорской наложницей Мулань ответила отказом. Тогда Ян Гуан изнасиловал ее, и это привело к самоубийству героини ради со-

хранения моральной чистоты. Этот император в китайской официальной истории выступает как жестокий деспот, лишенный человеческого сострадания. Однако он очень сожалел о гибели Мулань и присвоил ей титул «сяоле», что означает «сыновняя почтительность и героизм».

Другой, не менее трагический образ Мулань был создан в период правления династии Тан (618–907 гг.). Тогда ее фамилия была Чжу. Опять империя страдала от набегов тюркских племен. Отличившейся в сражениях Мулань выдающийся танский император Ли Шимиинь (626–649 гг.) решил присвоить генеральское звание. Девушка вежливо отказалась и вернулась домой. Император, узнав ее тайну, все-таки присвоил ей титул «генерал Учжао». Но потом императорский оракул предсказал, что женщина по фамилии У отстранит от власти правящую фамилию Ли. Придворные недруги Мулань воспользовались ситуацией и указали на нее – «генерала Учжао». Ли Шимиинь поверил в клевету и отправил гонцов к Мулань с приказом явиться ко двору. Умная девушка все поняла и написала оправдательное письмо. И чтобы не было сомнений, что ее сердце непорочно, она рассекла себе грудь и умерла [2].

XX в. придал новые черты образу Мулань. В 1939 г. на Шанхайской киностудии вышел фильм «Мулань идет в армию» [3]. Здесь Мулань выступает как китайская Жанна д'Арк, правда конец истории менее трагичен. Фильм был снят в разгар войны Японии с Китаем («Войны со-противления», как ее называют китайцы, 1937–1945 гг.), когда значительная часть Китайской Республики была оккупирована, а ее экономические ресурсы, прежде всего продовольствие, безжалостно расхищались.

Основные события начинаются в тренировочном лагере, где деликатная Мулань подвергается насмешкам и издевательствам со стороны своих грубых собратьев по оружию. Да и между собой они постоянно устраивают ссоры и драки. Мулань призывает их объединиться перед лицом угрозы варварского завоевания вместо того, чтобы третировать друг друга. В это время она встречает Лю Фэньюдоу, который становится ее верным другом. Аудитория знала о женской сущности Мулань, поэтому их влечение друг к другу выглядело двусмысленным и комичным. В конце концов, Мулань оказывается на линии фронта и обнаруживает, что многие командиры вместо того, чтобы воевать с варварами, склоняются к идее сотрудничества с ними. Мулань переодевается в одежду кочевника, проникает во вражеский лагерь и узнают о предстоящей атаке. Эти сведения были проигнорированы командующим, что привело к трагическим событиям: генерал был убит, а армия понесла большие потери. Мулань лично убила советника генерала, перегруппировала войска и нанесла поражение кочевникам. Император в знак уважения и

благодарности предложил ей высокий пост при дворе, но она отказалась и попросила разрешения вернуться домой. Приняв свое женское обличье, она выходит замуж за Лю Фэньюа [4, р. 186].

Этот патриотический фильм должен был пробуждать боевой дух китайцев и противостоять японской пропаганде, которая убеждала население в необходимости своего военного присутствия и предостерегала против сотрудничества и с коммунистами, и с Гоминьданом. Здесь много прямых параллелей. В образах генерала, его советника и нестойких командиров выводятся те представители китайской элиты, которые шли на сотрудничество с захватчиками. Раздоры в рядах императорской армии – это затяжной конфликт между китайскими коммунистами и националистами.

В условиях китайско-японской войны древняя баллада послужила стимулирующим фактором патриотической консолидации общества. Фильм собирал полные залы в Шанхае и с энтузиазмом воспринимался зрителями, легко воспринимавшими актуальный подтекст. Его успеху способствовало и то, что впервые перед зрителем предстала в качестве героини китаянка с нетрадиционным социальным поведением. Она разрушала тысячелетние стереотипы, согласно которым женщина должна соблюдать приличия, быть сдержанной, скромной и тихой [5, р. 72].

Во второй половине XX – начале XXI в. история Мулань прочно заняла место на китайском телевидении. Знаменитый сюжет интерпретировался под самые разные вкусы.

На Тайване в 1999 г. был создан 48-серийный телевизионный фильм с таким же названием, в котором известные события рассматриваются в драматическом ключе. Здесь основное внимание уделяется боевым подвигам Мулань, Не были забыты и эротические моменты, связанные с опасностями нахождения женщины в сугубо мужском обществе.

В 2009 г. вышел китайско-американский фильм «Хуа Мулань». В 2013 г. появился китайский 48-серийный телесериал «Легендарная Хуа Мулань». 2020 г. отмечен новой экранлизацией легенды, фильмом «Несравненная Хуа Мулань». Во всех этих работах героические подвиги девушки-воина сочетаются с ее романтическими отношениями, красивой музыкой. Авторы приспособили сюжет к вкусам современной аудитории, причем зачастую описывают события, которые не были отражены в оригинальной версии легенды.

Образ Мулань привлекает внимание китайцев уже 15 веков. Люди каждой эпохи создавали свою Мулань, исходя из политических, общественных и эстетических потребностей, но моральные ценности, характерные для китайской традиционной культуры оставались неиз-

менными. Уважение к родителям, верность государству, патриотизм, моральная чистота, мужество, безразличие к славе и богатству, стойкость в преодолении трудностей были и во многом остаются системообразующими качествами китайского национального менталитета.

Литература и источники

1. Frankel H.H. The Flowering Plum and the Palace Lady: Interpretation of Chinese Poetry. New Heaven: Yale University Press, 1976. 276 p. (перевод баллады на английский язык).
2. Mulan in Legends, URL: <http://www.ourorient.com/mulan-in-legends.htm> (дата обращения: 09.10.2025).
3. Mulan Joins the Army. URL: <http://chinesecinema.ucsd.edu/film/mulan.html> (дата обращения: 22.10.2025).
4. Rea C. Chinese Film Classics, 1922–1949. New York: Columbia University Press, 2021. 381 p.
5. Hung Chan-tai. War and Popular Culture: Resistance in Modern China, 1937–1945. Berkely: University of California Press, 1994. 432 p.

*O.K. Pavlova
O. K. Pavlova*

Значение образования в традициях патриотического воспитания купеческого сословия (К истории коммерческого образования в России)

*The importance of education in the traditions of patriotic upbringing of
the merchant class
(On the history of commercial education in Russia)*

Аннотация. В статье в кратком изложении рассматриваются этапы отношения к образованию в купеческой среде, как составляющая патриотического воспитания. От принудительного привлечения к обучению за границей «купеческих детей» за счет их родителей при Петре I до создания системы профессионального образования к концу XIX века. Проявление активной благотворительной деятельности купцов, направленной на патриотическое воспитание и профессиональное образование детей из своего сословия.

Ключевые слова: купечество, традиции, менталитет, коммерция, образование, воспитание, благотворительность, коммерческая академия, торговые школы.

Abstract: The article provides a brief overview of the stages of attitude towards education in the merchant environment as a component of patriotic education. From the forced recruitment of “merchant children” to study abroad at the expense of their parents under Peter the Great, to the establishment of a vocational education system by the end of the 19th century. This paper examines the active charitable efforts of merchants, aimed at the patriotic upbringing and professional education of the children from their own class.

Keywords: history, merchanty, traditions, mentality, commerce, education, upbringing, charity, commercial academy, trade schools.

Традиционно в купеческом сословии основную роль воспитания и образования играла семья. Специфика торгового предпринимательства отражалась на замкнутости домашней жизни, воспитание детей было подчинено интересам и потребностям профессиональной деятельности.

В основе воспитания лежали религиозные основы – в большинстве своём православные (в том числе и старообрядческие). Многие представители купечества XVIII–XIX вышли из крестьян, где традиции и религиозное воспитание передавались из поколения к поколению веками.

В купеческих семьях формировался жизненный уклад, который должен обеспечить устойчивость торгового предпринимательства. Большое внимание уделялось преемственности, это касалось не только отношения к торгово-промышленному делу и сохранению капиталов, но и в почитании старшего поколения, уважению к их труду и сохранению семейных традиций.

Известно, что купеческие дети в подростковом возрасте 12–14 лет начинали работать в лавках и конторах своих родителей или родственников. Таким образом, вплоть до XIX века системного профессионального образования, равно как и общего, в России не существовало.

Государственный интерес к профессиональному образования был проявлен Петром I в первой четверти XVIII века. Тогда, для получения торгово-промышленной подготовки, детей купцов, за их собственный счет, царь отправлял для обучения за границу, в страны, наиболее развитые в экономическом отношении. В 1721 году в Испанию и Италию было отправлено 12 человек. Однако, в среде купечества, большой радости — это стремление царя не вызвало, оказалось мало желающих отправлять детей за границу на свои деньги. Да и иностранцы не стремились передавать свой опыт в чужую страну. Здесь проявилась настойчивость императора, который в 1723 году приказал постоянно держать в европейских странах для обучения 15 «торговых людей детей». В 1725 году последовал указ Сената, требовавший от «первостатейных» купцов посыпать своих детей на обучение в Ригу и Ревель,

в то время крупные торговые города. Постепенно инициатива Петра I нашла отклики у богатого купечества, например, дети богатого купца М.Г. Евреинова были направлены для обучения в Голландию, а дети другого состоятельного купца Семеникова обучались в Италии [1, с. 401-402]. Однако это было лишь принудительное начало распространения образования в среде купечества.

В эпоху просвещения, процесс развития коммерческого образования несколько активизировался благодаря выдающемуся государственному деятелю И.И. Бецкому. В 1772 году Екатериной II был утверждён составленный им план коммерческого училища, открытие которого первоначально состоялось в Москве при воспитательном доме, на средства П. Демидова. При императоре Павле I училище было переведено в Санкт-Петербург, где и существовало под названием «Императорское коммерческое училище». Само название свидетельствовало о государственной поддержке коммерческого образования в России. Подобная политика проводилась императором Александром I. Планируемая им реформа образования коснулась и коммерческого образования, к его развитию привлекался частный капитал. В Москве на средства К.И. Арнольда было открыто коммерческое училище и частный коммерческий пансион.

В архивных документах имеется длительная переписка К.И. Арнольда, как указано в документе – иностранца, по поводу открытия в Москве коммерческого училища. В 1805 году он обращается к членам Императорского Московского университета и к представителям «знатнейшего из здешнего купечества» с предложением поддержать развитие учебного заведения. В обращении К.И. Арнольд отмечает достоинство и патриотизм купечества, которое пожертвовало средства для процветания учебного заведения. Обращаясь к императору, он просит удостоить это учебное заведение названия «Практическая коммерческая академия» и высочайшего покровительства [2, л. 1.]

Дела академии Арнольда шли достаточно успешно. Через два года, в 1807 году министр коммерции граф Н.П. Румянцев передал в дар академии бронзовый бюст императора, в знак особых успехов академии Арнольда. В рапорте московского военного губернатора Т.И. Тутолмина сообщается, что в капитал академии поступило 5.300 рублей, в том числе от купца первой гильдии Куманина – 1200 рублей и других представителей купеческого сословия. В документе особо отмечаются попечительские заслуги Куманина в отношении академии. А купец Федор Шергин кроме пожертвования в размере 100 рублей взял на иждивение бедного купеческого сына [3, л. 2]. Академия Арнольда с 1835 года носила название «Практическая академия коммерческих

наук».

Таким образом, это один из примеров показывающий изменение психологии купечества в отношении образовательно-воспитательной деятельности своих наследников. Развитие торгово-промышленной деятельности в XIX веке способствовало расширению учебных заведений, в частности для детей из купеческого сословия, но процесс это шёл крайне медленно.

В 70-е годы были открыты коммерческие отделения при реальных училищах, но из-за недостатка учащихся они были вскоре закрыты. До конца века число учебных заведений, готовящих специалистов для коммерческой деятельности было крайне мало, всего около 10 коммерческих училищ, в том числе Санкт-Петербургское коммерческое училище (основано в 1772 г.) и Московское коммерческое училище (основано в 1804 г.).

К концу XIX века интерес к состоянию и развитию профессионального образования постоянно возрастал, о чем свидетельствуют три Всероссийских съезда посвящённых образованию в России – I в 1889–1890 гг., II – 1895–1896 гг., III – 1903–1904 г. На втором съезде была создана специальная секция по коммерческому образованию. В 1889 году в Петербурге, позднее и в других крупных промышленных городах возникают общественные организации для распространения коммерческих знаний [4, с. 323].

Большая роль по распространению истории, задач, проблем касающихся коммерческого образования принадлежит созданному в 1908 г. журналу «Коммерческое образование». В статье, посвященной коммерческому образованию в России, автор Н. Блатов отмечал, что тяжелое положение в российской торговле начала XX века, связано в том числе с отсутствием широкого кругозора и плохой осведомлённостью русских торговых людей, что связано с низким образовательным уровнем этого сословия: «...надо спешить с этим образованием на всех ступенях, всеми мерами и средствами, и спешить, прежде всего, самому купечеству» [5, с. 345].

При всех недостатках в развитии коммерческого образования, следует отметить, что представители купечества различными способами выражали свою поддержку образованию, оказывая, прежде всего, материальную помощь. Она выражалась, например, в выплате стипендий. Так, в 1861 году «торгующие в Санкт-Петербургском порте, а также московские фабриканты и тамошнее купечество» приняло решение об учреждении капитала посредством пожертвований на стипендии в Казанском университете (400 рублей в год) и Санкт-Петербургском технологическом институте (400 рублей в год) [6, с. 125].

В 1864 году петербургское купечество «в честь своего новоселья» приняло на содержание 5 приходских учеников в Санкт-Петербургских гимназиях, а также увеличили число учащихся за свой счёт в Николаевской школе (на 4 мальчика) и Александровской (на 10 девочек) [6, с. 129]. В рамках благотворительной деятельности, купечество устанавливали именные стипендии. Например, петербургский купец Погребов в 1872 году выделил 10000 рублей на три стипендии коллежского асессора Н.Н. Погребова и две стипендии купеческого сына А.Н. Погребова в пятой петербургской гимназии [6, с. 164].

Санкт-Петербургское купеческое сословие в 1908 состояло из 568 человек первой гильдии и 1727 человек второй гильдии. В кратком очерке их деятельности за 1907 год указано, что на благотворение и общественное призрение было потрачено 128400 рублей, в том числе на содержание Николаевского Дома призрения и двух школ Николаевской торговой и Александрийской – 103.000 р., на содержание стипендиатов Купеческого Общества в разных высших и средних учебных заведениях 46554 р. 29 к., на содержание Петровского училища – 46.276 р. 25 к. и т.п. [7, с.2-3]. В 1872 г. во ознаменовании десятилетней деятельности на посту министра финансов М.Х. Рейтерна, Санкт-Петербургское купечество, представители биржевого купечества на собрании выборных купеческого сословия приняли решения об установлении двух стипендий в Технологическом институте и двух стипендий в Коммерческом училище. Кроме этого петербургское и московское биржевое купечество, петербургское купеческое сословие учредили одиннадцать стипендий имени М.Х. Рейтерна [8, л.1, 4.]

Назначение стипендий было распространенным проявлением благотворительности, а для купечества возможность обратить на себя внимание властей и общества. Преимущественно кандидатами на стипендии принимались дети обедневших купцов.

В начале XX века под влиянием государства, общества и объективных причин развития торгово-промышленной деятельности, купеческое сословие всё активнее поддерживает развитие образования, в частности коммерческого. Появились и получили развитие общественные и частные коммерческие училища, торговые школы, торговые классы, курсы коммерческих знаний. Расширялась потребность в специальной профессиональной подготовке, формировалась система коммерческих учебных заведений от начальных до высших, менялось и отношение купечества к образованию своих приемников. Оно выражалось в открытии общественных и частных учебных заведений, поддержке государственных заведений, установлении стипендий, в попечительской деятельности.

Литература и источники

1. Павлова О.К. Предпринимательство, признание и благотворительность в Санкт-Петербурге. Вторая половина XIX - начало XX веков. СПб. Политехнический университет. 2015. 416 с.
2. Российский государственный исторический архив (далее ГИА) ф. 13. Оп.1. Д.233.
3. РГИА ф. 13. Оп. 1.Д.333.
4. Чистяков И.С. Нищета и нищенство// Трудовая помощь. 1908.№ 4. С. 309-336.
5. Блатов Н. Коммерческое образование в России в 1906-1907 учебном году// Коммерческое образование. 1909. №7. С. 343-360.
6. Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и её роль в трансформации российского общества. СПб, изд. Лики России. 2005. 256 с.
7. Краткий очерк об учреждениях Санкт-Петербургского купеческого сословия. СПб. 1908. 145 с.
8. Центральный государственный исторический архив СПБ ф. 239. Оп.1. Д. 3658.

П. С. Потапенко
P. S. Potapenko

Патриотизм как феномен общественного сознания в представлении российских мыслителей XVIII – нач. XX вв. и полководцев Великой Отечественной войны

Patriotism as a phenomenon of social consciousness in the view of Russian thinkers of the XVIII – early XX centuries. XX centuries and the commanders of the Great Patriotic War

Аннотация. В статье, на основе анализа трудов отечественных историков, военачальников и общественных деятелей, дается сравнительная характеристика влияния патриотизма на общественное и политическое сознание на разных исторических этапах развития нашей страны.

Ключевые слова: патриотизм, военачальник, мыслитель, полководец, общественное сознание, гражданское общество.

Annotation. Based on the analysis of the works of historians and public figures, the article provides a comparative description of the influence of patriotism on public and political consciousness at different historical stages of our country's development.

Keywords: patriotism, military leader, thinker, commander, public consciousness, civil society.

Патриотизм представляет собой многогранное и сложное явление, которое на протяжении тысячелетий занимает центральное место в общественном сознании различных культур и наций. В XVIII веке произошли значительные преобразования, связанные с европеизацией и формированием нового социального самосознания. В период петровских реформ и политики просвещённого абсолютизма патриотизм претерпел существенные изменения, приобретая новые характеристики, формы и проявления.

Если в предшествующую эпоху преобладала преданность царю и вере, то в рассматриваемый период акцент сместился на служение Отечеству, его процветание и славу. Это хорошо иллюстрирует высказывание императора Петра I накануне битвы под Полтавой: «А о Петре ведали бы известно, что житие свое ему не дорого, только жила бы Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» [1, с. 108]. Ф.И. Соймонов, государственный деятель и ученый того времени, в своих трудах использовал выражение «Благосклонного читателя все-подданнейший слуга, Всероссийского Отечества всенижайший патриот». А.А. Преображенский считает это определение одним из первых, примененных к русским людям. В этот же период проблема человека как патриота активно обсуждалась отечественными просветителями. Среди них выделяются имена М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н. Радищева и других. Так, Михаил Васильевич Ломоносов подчеркивал, что воспитание человека-патриота и честного труженика является ключевой задачей образовательного процесса. Потребность жить «для пользы Отечества» должна была стать мерилом жизненного смысла [1, с. 108].

Проблема воспитания истинных патриотов занимала центральное место в педагогической теории начала XIX века. Важным фактором, способствовавшим актуализации этой проблемы, стали Отечественная война и восстание декабристов. В этот период ученые были обеспокоены недостаточным уровнем развития гражданской жизни в России, а также слабым знанием русским населением отечественной истории и литературы. Декабрист П.Д. Черевин подчеркивал, что изучение истории способствует формированию понимания обязанностей человека и гражданина. В тот период военно-патриотическая пропаганда играла важную роль, оказывая влияние на общественное сознание до начала XX веках [1, с. 108-109]. Примером этого является сохранение памяти о героях Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 гг. Михаил Илларионович Кутузов, стремясь сохранить исторические и инженерные объекты на Бородинском поле, рекомендовал: «Пускай земледелец, обрабатывая вокруг них мирное

поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священным памятником их могущества; пускай наши потомки, смотря на них, будут воспламеняться огнем соревнования и с восхищением говорить: вот место, на котором гордость хищников пала перед неустршимостью сынов Отечества» [2, с. 20].

Во второй половине XIX века в отечественной педагогической мысли усиливается акцент на национальном аспекте. К.Д. Ушинский разработал систему воспитания, базирующуюся на принципе народности, который отражает уникальные черты каждого этноса, обусловленные историческими и природными факторами. Ушинский выделил патриотизм как ключевую характеристику народности, подчеркивая его роль в преодолении трудных периодов для страны. Он призывал воспитывать в людях любовь и гордость за свою нацию, осознание принадлежности к русской культуре, привязанность к России и счастье от осознания своей принадлежности к Родине. В этот же период активно формировали свои педагогические концепции В.И. Водовозов, В.П. Острогорский, В.Д. Сиповский и др. ученые [1, с. 109].

К концу столетия концепция патриотизма претерпела значительные изменения. В этот период возросло влияние идей солидарности, братства, соборности и всеединства. П.Л. Лавров утверждал, что без солидарности общество не может существовать, а представляет собой лишь совокупность индивидов. Концепция сплоченности нации ради достижения национальных целей базировалась на историческом опыте России, ориентируясь на консолидацию всех этнических групп страны, объединенных историко-культурной общностью и единым историческим пространством [1, с. 109-110].

В начале XX века в стране начинает формироваться гражданский патриотизм, однако официальная пропаганда продолжает отождествлять Родину с образом царя-самодержца, призывая граждан служить и сражаться за монарха. После революции 1917 года в стране утверждается советский патриотизм [3, с. 93].

В течение короткого периода времени русский традиционный патриотизм стал основой официальной советской идеологии. Во второй половине 1920-х годов были разработаны новые подходы и основные направления патриотического воспитания молодежи. Государственные учреждения, особенно производственные коллективы, активно участвовали в этом процессе, руководствуясь идеями В.И. Ленина, который связывал патриотизм с интересами определенных социальных классов и различал пролетарский (советский) патриотизм и другие его формы [4].

Философ XX в. И.А. Ильин, определял сущность патриотизма

как: «Мое дело есть дело моей Родины и моего государства; так, что с одной стороны, все вредное моей Родине и моему государству не может стать моим делом; а с другой стороны, дело моего народа и моего государства мне настолько близко и важно, как если бы они касались меня самого и моей судьбы» [3, с.88, 5]. Этот тезис получил свое подтверждение в условиях Великой Отечественной войны. В период тяжелейших испытаний для нашего государства весь народ объединился для защиты Родины. Невиданная стойкость и мужество советских военнослужащих, массовый героизм на фронтах и в тылу, а также готовность людей жертвовать всем, включая жизнь, ради победы, подняли уровень патриотизма советского народа на беспрецедентную высоту. Как отмечал Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков: «Советский солдат умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявляя высшую воинскую доблесть и героизм. И нет границ величию его подвига во имя Родины» [6]. Маршал, дважды Герой Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский подчеркивал, что в годы грозящей Родине опасности весь советский народ сплотился вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, а доблесть фронтовиков поддерживалась и вдохновлялась трудовой доблестью рабочих, колхозников, интеллигенции, женщин и молодежи. Великая Отечественная война была всенародной, и победа над врагом также была достигнута усилиями всего народа. Армия и народ праздновали её как единую семью, что делало их радость ещё более полной [7]. Таким образом, патриотизм представляет собой сложное и много-гранное явление, которое претерпевает значительные трансформации под воздействием разнообразных социальных, политических и культурных факторов. Он является неотъемлемой частью национальной идентичности и играет важную роль в формировании общественного сознания. В период с XVIII по XX вв., это понятие неоднократно подвергалось переосмыслинию, что приводило к возникновению новых концепций и методов патриотического воспитания молодежи. В разные исторические эпохи патриотизм приобретал различные формы и содержание, отражая изменения в социально-экономических условиях, политических режимах и культурных традициях. Эти изменения оказывали существенное влияние на формирование общественного сознания и ценностных ориентаций людей, способствуя укреплению национальной сплоченности и единства.

Литература и источники

1. Прозорова Н.В. Ретроспектива развития идей патриотического воспитания

- в России. Поисковое движение России. Перспективы России: матер. Всерос. Науч.-практ. конф. Курск, 12-13 декабря 2007 г. / Под ред. А.В. Третьякова. – Курск: Изд-во КГУ, 2008. – 188 с.
2. «Народ должен беречь свою память...» (Памятники воинской доблести и славы в гражданско-патриотическом воспитании соотечественников. XIX-XX века) // А.Ю. Золотухин, В.В. Коровин, А.Н. Манжосов. – Курск, 2010. – 114 с.
 3. Патриотическое воспитание граждан: конституционно-правовое регулирование, теоретические аспекты и практика организации / В.В. Коровин, Е.Л. Леонова, А.Н. Манжосов, С.П. Остриков; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – 154 с.
 4. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 37. – М.: Политиздат, 1969. – 747 с.
 5. Иванова С.Ю., Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – 310 с.
 6. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: Издательство АПН, 1969. – 735 с.
 7. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. – 5-е изд. – М.: Воениздат, 1988. – 367 с.

Г. М. Ипполитов
G. M. Ippolitov

Патриотическая доминанта в повышении уровня морально-психологического состояния корпуса армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в условиях мирного времени (конец XIX – XX вв.)

Patriotic dominant in raising the level of moral and psychological state of the army officer corps of the Armed Forces of the Russian Empire in peacetime (late 19th – 20th centuries)

Аннотация. В статье обосновывается (в лапидарном ключе) то, что в процессе повышения уровня морально-психологического состояния корпуса армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в условиях мирного времени (конец XIX – XX вв.), функционировала, в том числе и патриотическая доминанта. Она органически вписалась, в частности в теорию официальной народности. Раскрыты и факторы, затруднившие проявление патриотической доминанты в деле повышения уровня морально-психологического состояния корпуса армейских офицеров.

Ключевые слова: армейское офицерство, морально-психологическое состояние, патриотическая доминанта, Отчество, военный дух, православие, религиозность, нравственное воспитание.

Abstract. This article briefly demonstrates that the patriotic dominant factor, among other factors, played a role in improving the morale of the army officer corps of the Armed Forces of the Russian Empire during peacetime (late 19th and 20th centuries). It was organically integrated, in particular, into the theory of official nationality. Factors that hindered the manifestation of the patriotic dominant factor in raising the morale of the army officer corps are also revealed.

Keywords: army officer corps, morale, patriotic dominant factor, Fatherland, military spirit, Orthodoxy, religiosity, moral education.

Опыт военной истории свидетельствует: политический режим самодержавия уделял пристальное внимание, в том числе и повышению уровня морально-психологического состояния корпуса армейских офицеров, которые представляли самую многочисленную группу в офицерстве Вооруженных Российской империи (еще имелись офицеры военно-морского флота и офицеры гвардии [1]).

Под морально-психологическим состоянием военнослужащих понимается сегодня качественная определенность личности, коллектива, характеризующая направленность и динамику психических процессов, межличностных отношений в воинском коллективе; выступает конкретной формой проявления и реализации духовного потенциала и морального духа армии, важной характеристикой боевых возможностей войск [2, с.3-14;3, с.37-49]. Правда, в исследуемом периоде понятие морально-психологическое состояние личного состава армии не употреблялось, но работа именно в данном направлении проводилась и в ней ярко проявлялась патриотическая доминанта.

Причем, данная доминанта, выражаясьfigурально, поселилась в терминах «патриотизм» и «военный дух» [под патриотизмом понималась «любовь к Отечеству» [4, с.36]; под военным духом подразумевался «общий итог всех тех нравственных качеств (храбрости, находчивости; дисциплины, доведенной до высокого сознания; чувства долга; доверия к себе, соседу, начальнику, являющемуся ключевым камнем в деле воспитания войск), которые требуются войною»] [5, с.253-254]. Видно, что все понятия, приведенные выше, вписываются в современное понятие «морально-психологическое состояние военнослужащих, приведенное выше.

При этом необходимо особенно подчеркнуть, что понятия патриотизма и военного духа не разделялись. Более того, к ним органически примыкали моральные ориентиры, то есть патриотизм вступал в одной связке с нравственностью [6, с.105-122]. Так, крупнейший военный теоретик ген. М.И. Драгомиров в качестве первостепенных нравственных основ будущих офицеров указывает следующие: преданность Государю и Родине до самоотвержения; дисциплина; вера в нерушимость, святость приказания; храбрость (решительность, неу-

страшимость); решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские; чувство взаимной выручки [7, с.281]. Ясно, что без патриотической доминанты прививать армейским офицерам нравственные основы, столь важные для повышения уровня их морально-психологического состояния, было бы затруднительным.

Еще одним, фигулярно выражаясь, жилищем для патриотической доминанты в деле повышения уровня морально-психологического состояния корпуса армейских офицером оставалась (подчеркнем, именно оставалась) теория официальной народности. При этом необходимо подчеркнуть, что военно-патриотическая ценностная триада «за Веру, Царя и Отечество» базировалась на национальной традиции наивного монархизма и исторической роли самодержавия как гаранта суверенитета России. Символом Отечества, олицетворением национально-патриотической идеи продолжал считаться самодержец, что вполне согласовывалось с представлениями о божественном происхождении царской власти.

Причем, взаимосвязь и взаимообусловленность ценностей триады основывалась на православной религии, тесно связанной, в свою очередь, с самоидентификацией русского народа. Следовательно, триада являлась в первую очередь религиозной теорией, что поддерживалось статусом Русской православной церкви (РПЦ) как государственной. Ни одно сословие российского общества не было окружено таким почетом, как военные, именующиеся «христолюбивыми воинами»; официальная церковная идеология сравнивала их с христианскими подвижниками, сравнивая армейский быт с монашеским [8, с.334-339].

Следовательно, РПЦ ориентировала армейское офицерство на самоотречении, готовности не щадить своей жизни ради ближнего и святой веры. Подчеркивалась преемственность профессии защитника Отечества от древнерусских богатырей (богатырство на Руси было одним из видов церковного служения и состояло, прежде всего, в защите религиозных ценностей).

Видимо, это во многом способствовало тому, что, по свидетельству такого военно-политического авторитета, коим являлся генерал-лейтенант А.И. Деникин: «...государственный строй был для офицерства фактом предопределенным, не вызывающим ни сомнений, ни разнотолков — «за Веру, Царя и Отечество»[9, с.78].

Патриотическая доминанта органически вписалась и нравственное воспитание армейского офицерства. А оно являлось приоритетным направлением государственной политики в области формирования и укрепления офицерского корпуса. В то же время, военные теоретики и практики исследуемого периода справедливо полагали,

что формирование патриотических чувств (а это и есть патриотическая доминанта) есть структурообразующий элемент нравственного воспитания, которое всемерно способствовало повышению уровня морально-психологического состояния армейского офицерства [10, с.414-450;11, с.539-564].

При этом необходимо подчеркнуть, что император Николай II понимал (даже в условиях, когда авторитет его особы падал) понимал значимость патриотической доминанты в деле повышению уровня морально-психологического состояния армейского офицерства. Государь, к примеру, присутствуя на многочисленных парадах, праздниках (табельных днях), торжественных молебнах, а также в личных встречах с офицерами демонстрировал высокую культуру общения с военными, проявлял неизменное внимание к нуждам и запросам офицеров, стойкое и ровное поведение даже в самых критических ситуациях, что не могло не сыграть здесь своей позитивной роли [12, с.222].

Между тем, имелись и факторы, затруднявшие проявление патриотической доминанты в деле повышения уровня морально-психологического состояния корпуса армейских офицеров:

во-первых, пошатнувшаяся религиозность армейского офицерства. Естественно, офицер не мог официально заявить себя атеистом: о подобном святотатстве даже мысли не допускалось. Однако реальное исполнение церковных обрядов далеко не всегда было искренним; православные ценности воспринимались как данность, без должного осмыслиения. По мнению, например, Г.Н. Бенуа, чтобы быть православным означало «верить слепо, не рассуждая, как простая баба» [13, с.70]. Но подобная бессознательная вера в подавляющем большинстве случаев сводилась к формальному исполнению обрядов и практически не удерживала офицеров от нарушения Божьих заповедей. Не случайно, протопресвитер Г.И. Щавельский отмечал нежелание офицеров обнаруживать веру в Бога из-за стеснительности, поскольку в светских кругах нарастала мода считать религиозность дурным тоном [14, с.47];

во-вторых, попадание под влияние революционных идей некоторых армейских офицеров. В 1905 г. из 23599 военнослужащих, подвергнутых наказаниям по приговору военных судов, офицеров насчитывалось только 156 человек (0,7%). В 1906 г. из представших перед судом 30692 военнослужащих количество офицеров выросло до 241 человека (0,8%), причем большинство из них были осуждены не за связь с революционерами, а за недостаточно твердую борьбу с антиправительственными выступлениями [15, с.27], причиной которой была скорее растерянность и угроза расправы со стороны революцио-

неров, нежели нелояльность к царизму;

в-третьих, тяжелое материально положение, особенно обер-офицеров. Основным источником дохода для большинства из них служило денежное довольствие, а оно было низким [16, с.204-206, 220].

Таким образом, несмотря на все сложности патриотическая доминанта в деле повышения уровня морально-психологического состояния корпуса армейских офицеров не просто имела место быть, но и функционировала. Правда, только относительно успешно, ибо корпус армейского офицерства был подвержен кризисным явлениям. Впрочем, как и вся Российской империя, двигавшаяся к своему историческому финалу.

Литература и источники

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус М.: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Азаров В.М. Оценка морально-психологического состояния военнослужащих /В.М. Азаров, С.М. Бурда //Военная мысль. 2001. №3. С.3-14.
3. Тютченко А.М. Системный анализ понятия морально-психологического состояния военнослужащих и его оценка //Системная психология и социология.2011.№4(11). С.37-49.
4. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб.: Семеновская тип. (И.А. Ефрана), 1898. Т.45. 487 с.
5. Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Г.А. Леера. Т.II. СПб.: В Тип. В. Безобразова, 1885. С.253-254 621 с.
6. Дрозд-Бонячевский. Нравственный элемент как основа управления, воспитания и обучения // Военный сборник. 1907. №12. С.105-122.
7. Драгомиров М.И. Избранные труды: вопросы воспитания и обучения войск. М : Воениздат, 1956. 687 с.
8. Иннохентий. Война и христолюбивые воины // Вестник военного духовенства. 1908. №11. С.334-339.
9. Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Современник, 1991. 300 с.
10. Богомолов Н. Цель и средства нравственного воспитания // Педагогический сборник. № IV.1889.С.414-450.
11. Демков М. О нравственном воспитании // Педагогический сборник. № IV. 1894. С.539-564.
12. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. С.736с.
13. Бенуа Г.Н. Сорок три года в разлуке (Воспоминания) // Простор. 1967. №9.С.67-93.
14. Цветков А. Значение религии в жизни воина // Вестник военного и морского духовенства 1912. №13-14. С.45-51.
15. Голуб П.А. Большевики в трех революциях. М.: Политиздат, 1977. 320с.
16. Самодержавие и Русская армия на рубеже XIX — XX столетий. 1881-1903. М.: Мысль, 1973. 516 с.

Изменение массового сознания солдат на примере морального состояния русской армии в период Русско-японской войны и Первой мировой войны

Changes in the mass consciousness of soldiers using the example of the moral state of the Russian army during the Russo-Japanese War and the First World War

Аннотация. Статья описывает особенности комплектования русской армии в период войны с Японией в 1904-1905 гг., их влияние на общее состояние личного состава, причины низкого боевого духа запасных частей. Также, в сравнении, рассматривается трансформация состояния русской армии в период Первой мировой войны, в том числе, запасных частей русской армии Петроградского гарнизона в конце 1916 – начале 1917 гг. Автор рассматривает и сопоставляет такие факторы как специфическую ментальность призванных солдат, отсутствие воспитательной работы, влияние политических событий в стране. Сравнивая ситуацию в Петрограде в 1917 г. с предыдущими периодами, отмечается, что помимо общей напряженной политической атмосферы, особую роль в резкой радикализации солдатских масс сконцентрированных в столице, сыграли, вместе с низкой мотивацией и плохим моральным состоянием запасников, значительные бытовые сложности в местах расквартировки частей. Делаются выводы, что именно уникальная комбинация всех сложившихся в Петрограде негативных обстоятельств, которых не наблюдалось ранее, повлияла на радикальный антипатриотический настрой солдат, приведший к их быстрой революционизации в 1917 г.

Ключевые слова: мобилизация, мобилизационный план, запасные батальоны, русская армия, Русско-японская война, Первая мировая война, Февральская революция.

***Abstract.** The article describes the specifics of the Russian army's manning during the war with Japan in 1904-1905, their impact on the overall condition of personnel, and the causes of low morale in reserve units. It also examines, by way of comparison, the transformation of the Russian army during World War I, including the reserve units of the Russian army of the Petrograd garrison in late 1916 and early 1917. The author examines and compares factors such as the specific mentality of conscripted soldiers, the lack of educational work, and the impact of political events in the country. Comparing the situation in Petrograd in 1917 with previous periods, it is noted that, in addition to the generally tense political atmosphere, significant everyday difficulties in the units' quarters, along with low motivation and poor morale among reservists, played a significant role in the sharp radicalization of the soldier masses concentrated in the capital. It is concluded that it was precisely the unique combination of all the negative circumstances that had developed in Petrograd, which had not been observed before, that influenced the radical anti-patriotic attitude of the soldiers, which led to their rapid revolutionization in 1917.*

Keywords: Russian Russian Army, mobilization, mobilization plan, reserve battalions, Russo-Japanese War, World War I, February Revolution.

Мобилизационное планирование русской армии к началу ХХ в. основывалось на реформе 1874 г., когда была введена всесобщая воинская повинность. Она изменило структуру и способ комплектования армии, увеличивая ее резервы [1, с. 26]. Кроме политической опасности вооружения и обучения широких масс подданных, критики новой системы отмечали угрозу потенциального ухудшения подготовки новобранцев из-за сокращения сроков службы. Так, в рамках событий на китайской границе 1900 – 1901 гг. командование впервые на практике столкнулось с проблемами кадров, их мотивации, в том числе у офицерского состава [2, л. 99].

В начальный период войны с Японией задача по подготовке укомплектования была возложена на 19 сибирских и дальневосточных запасных батальонов [3]. Однако ни казарм, ни офицеров для размещения и подготовки мобилизованных было недостаточно. Отсутствовала полноценная подготовка. При этом, ресурсы именно СибВО стали главным источником комплектования армии, где в 1903 г. на воинском учете стояло всего 96 тыс. человек [4, л. 65]. Большие потери сибирских корпусов вынудили правительство о stallные восемь мобилизаций с весны 1904 г. проводить и в других регионах [5, 96–98].

Отечественная пресса, описывая IV Сибирский корпус, состоявший фактически из мобилизованных, отмечала его мужество [6, 54]. Хорошо показали себя и сибирские казачьи части. Боеспособность сибиряков объяснялась их мобилизацией до начавшихся революционных брожений, а также отсутствием связи с крестьянами европейской части страны. Кроме того, им проще было ассоциировать войну с Японией, как защиту родной Сибири. Тем не менее, к концу 1904 г. в результате поражений армии и роста общественной критики, война становилась все более непопулярной как у офицеров, так и у нижних чинов [7, с. 413]. Например, в своих воспоминаниях К.И. Дружинин, описывая бой на р. Ялу, критиковал руководство командующего Восточным отрядом М.И. Засулича. Прямо обвиняя его в бегстве в начале сражения с позиций. В результате часть отряда мужественно погибла в бою, а другая часть разбежалась, оставшись без командования [8, с. 74]. При этом, многие отмечали многочисленные примеры героизма нижних чинов, например, М. Бубнов подробно описывал мужество рядовых защитников Порт-Артура [9, с. 31].

Наряду с недостатками планирования и управления в войне на Дальнем востоке, на низкое моральное состояние армии влияли бытовые условия, отсутствие полноценной воспитательной работы с личным составом мобилизованных и, как следствие, низкая дисциплина.

Особенность же Первой мировой войны была во впервые возник-

шней для России необходимостью всеобщей мобилизации. После проведения первой волны мобилизационных мероприятий и развертывания армии в сентябре 1914 г. в действующей армии было уже более 3,9 млн. чел. Остро встал вопрос организации и подготовки много-миллионной армии. Неудачный ход войны вынудил продолжить мобилизационные мероприятия, используя военнообязанных лиц, которые ранее даже могли не проходить срочную службу и числились в запасе. В армии сложилась ситуация, когда ее состав пополнила огромная масса мобилизованных запасных разных возрастов с разной степенью подготовки [10, с. 4].

Под влиянием правительенной пропаганды, большинство офицеров и солдат в начале войны поверили, что противник скоро будет разбит. Однако последствия Русско-японская войны и первой русской революции, а также общее недовольство политикой властей смущали умы офицеров и нижних чинов. Так, свой протест и нежелание воевать часть мобилизованных выражали тем, что не являлись на призывные участки уже в первые дни мобилизации 1914 г. [11, с. 94].

Система очередности призыва запасных была основана на разрядах, а не на возрасте. В результате, складывалась несправедливая ситуация, когда для одних военнообязанных воинская повинность была обязательной, а для других, в том числе молодых, очередь призыва могла откладываться на неопределенное время. [12, с. 94–95]. В итоге, уже ко второй половине войны основу действующей армии составляли запасники старше 30 лет, в первую очередь, возрастные крестьяне, имевшие семьи [13, с. 300].

Несмотря на усилия, правительство, используя ресурсы официальной пропаганды, не смогло сделать войну народной. Короткий всплеск патриотической поддержки в самом начале, быстро сменился отрицательным к ней отношением у большинства потенциальных призывников. Армейское руководство по инерции пребывало в иллюзиях, полагаясь на «духовные» качества солдат. Фактически не проводилось никакой системной политики в вопросе патриотического воспитания нижних чинов. Русская элита и после показательного поражения от Японии и революционных выступлений, упорно верила, что мобилизованные крестьяне также с радостью готовы умереть «за веру, царя и отчество».

Как результат, очень скоро для русского общества смысл и цели войны с Германией стали чуждыми. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко вспоминал, что признаки разложения армии наблюдались уже на второй год войны, участились случаи массового дезертирства из отправляемых на фронт запасных батальонов [14, с.

90.].

Причинами дезертирства, а иногда и беспорядков среди мобилизованных, были очевидные перспективы разорения крестьянских хозяйств, поскольку на мужчине в крестьянском хозяйстве держалась выживаемость всей семьи. Офицерские должности также стали замещаться офицерами военного времени, то есть кадрами уже другой ментальности и социального происхождения [15, с. 131].

Особенность менталитета русских крестьян того времени также заключалась в определенном местечковом мировоззрении. Они ощущали себя сначала уроженцами определенной деревни и губернии, а только потом русскими. Для них родина ассоциировалась преимущественно со своим домом, которому Германия никак прямо не угрожала. Солдаты, в большинстве, готовы были защищать свою деревню и семью, но не понимали зачем им воевать с немцами на западной границе. Особым испытанием для русской армии также стал позиционный характер войны. Сложности были не только в окопной жизни, так как крестьяне были привычны быть неприхотливыми. Проблема была в восприятии окопного сидения, как не настоящей войны, а скорее, «сезоном» бессмысленной праздности. Потому отступление и окопы крайне дезорганизовывали русскую армию [16, с. 145].

Вымывание кадрового довоенного состава и замещение его огромной массой бывших гражданских лиц породило снижение потенциала вооруженных сил. Падал моральный дух армии, а это ускоряло негативные политические и социальные процессы во всем государстве.

Особая ситуация складывалась в Петрограде. В начале 1917 г. тыловой столичный Петроградский гарнизон был самым многочисленным во всей русской армии. В столице, с учетом всех пригородов сконцентрировалось около 300 тыс. человек. Основные силы были представлены запасными частями различных полков, в том числе гвардейских, проходивших подготовку для отправки на фронт. Так, численность запасников-гвардейцев к 1917 г. достигала почти 100 тыс. человек. Важным фактором стала атмосфера в казармах столичного гарнизона. Значимую роль в росте напряженности сыграло качествоunter-офицерского состава, который отвечал за дисциплину и отношения вне службы. Однако, строевыеунте-офицеры за годы войны были замещены лицами, которые не соответствовали по своим личным качествам и подготовке занимаемым должностям. По воспоминаниям солдат, в казармах царило рукоприкладство и постоянные взыскания [17, с. 17–23]. Все это негативно воспринимали на свой счет призывники – вчерашние крестьяне, особенно на фоне бессмысленной, по их представлениям, работы по рыхлению окопов и муштры

[18, с. 56].

Накануне февральских событий недовольство нижних чинов стало выливаться в стычки с офицерами. Офицеры же, в воспоминаниях жаловались на то, что были лишены возможности контактировать и заниматься с солдатами [19, л. 2]. По воспоминаниям В.Б. Шкловского, казарменное сидение солдат без дела, гнетущая атмосфера в которой оказались вырванные из своих домов люди, радикализовывало петроградские части быстрее, чем политическая пропаганда и новости с фронта [20, с. 25]. Значимым фактором растущего недовольства солдат, особенно гвардейских частей, было падение качества питания. Солдаты позднее вспоминали, что в казармах также была сильная скученность, паразиты, распространялся тиф и другие болезни [21, с. 84].

На фоне всех сложившихся негативных факторов в расположенных в Петрограде воинских частях, по воспоминаниям офицеров, упоминается значительная активность нелегальных агитаторов всего спектра оппозиционных политических партий того времени [17, с. 33]. Депутат Государственной думы Н.А. Ростовцев вспоминал ситуацию, когда он, общаясь с солдатами Преображенского полка в феврале 1917 г. узнал, что к ним ранее приходили другие представители Думы и говорили им, что они должны бороться за свои права, так как «начальство очень подло поступает» [22, с. 253–254].

Таким образом, наблюдался процесс сложения целой комбинации негативных факторов в столичных частях. Все это происходило на фоне обострявшейся обстановки на фронте и в самом Петрограде. Некоторые исследователи считают, что одной из причин ошибочных действий властей в отношении тыла было не понимание на ментальном уровне сути тотальной войны нового типа. Русская элита не осознала, что победа теперь будет коваться не столько на фронте, сколько в тылу. Отсюда и оставление военным командованием на самотек процессов в Петроградском гарнизоне [16, с. 137]. Возможно также, что избыточная масса запасных частей в Петрограде – это пагубное влияние на власти успешного опыта вынесенного из Первой революции 1905 г. А именно, убежденность в необходимости увеличения количества войск во внутренних районах России для обеспечения порядка, без понимания, что ситуация в армии изменилась радикально [23, с. 88].

Опыт показывает, что вооруженные силы могут быть и гарантами стабильности общества, и источником его дестабилизации. Во многом, это зависит от политических и морально-психологических проблем в самой армии, и в стране в целом. Сходную ситуацию, которую смогла преодолеть русская монархия в условиях локальной войны с

Японией, не удалось повторить в условиях мировой войны. Противоречия между слоями российского общества, в котором, в рамках процесса модернизации зарождались ростки гражданского самосознания, и интересами правящей элиты страны, стали ключевыми факторами падения боеспособности и духа русской армии к 1917 г. Последствиями этого кризиса стали известные революционные события. Массы недовольных мобилизационных сконцентрированных в столице, подогреваемые слабостью власти и политическими агитаторами, стали тем главным силовым инструментом, который эффективно использовали заинтересованные политические силы для свержения монархии и крушения Империи.

Литература и источники

1. История отечественной артиллерии / Отв. ред. Маршал артиллерии К.П. Казаков; Упр. Командующего ракетными войсками и артиллерией. Воен.-ист. музей артиллерии и инж. войск. Т. 2. М.; Л.: Б. и., 1966. – 596 с.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф.6. Оп. 2/5. Д. 2411. Л. 99.
3. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. С древнейших времен до наших дней. Т.2. // «Милитера» военная литература. URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2b/09.html> (дата обращения: 09.02.2025).
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1450. Оп. 3. Д. 1. Л. 65.
5. Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. Особенности проведения мобилизации на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. №3–4. С. 96–104.
6. Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // ВИЖ. 2019. №9. С. 53–60.
7. Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под редакцией О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. 656 с.
8. Дружинин К.И. Воспоминания о Русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца / К. Дружинин. СПб: Русская скропечатня, 1909. – 504 с.
9. Баяндин В.И. Военная история Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. В мемуарах современников // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. №3. С. 30–33.
10. Коняев Р. В. Подготовка резервов для действующей армии в Омском военном округе в годы Первой мировой войны: июль 1914 – март 1918 гг.: диссертация ... к. и. н. Барнаул, 2019. – 296 с.
11. Шайпак Л.А. Рост антивоенных настроений солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Армия и общество. 2007. №1. С. 92–99.
12. Ерёмин И.А. Степень готовности России к Первой мировой войне в оценках дореволюционных, советских и современных исследователей // Известия АлтГУ. 2015. №3 (87). С. 93–95.
13. Бессчетнова Е.В. Развал Российской императорской армии в 1917 году // Со-

- циологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 299–316.
14. Медведев Е.И. Установление и упрочение Советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958. – 636 с.
 15. Яковлев Е.Н. Красный штурм. Октябрьская революция глазами российских историков. СПб.: Питер, 2018. – 288 с.
 16. Глебова И.И. Петроградское восстание масс: человек с ружьем // Труды по россиеведению. 2018. №7. С. 135–171.
 17. Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017 г. – 376 с.
 18. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / Владимир Булдаков; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 965 с.
 19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-5881. Оп. 2. Д. 326. Л. 2 об., Л.2.
 20. Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие / В.Шкловский; [Предисл. Б. Сарнова]. М.: Новости, 1990. – 362 с.
 21. Алексеев А.И. Эти годы забыть нельзя: Воспоминания старого большевика / [Предисл. С.И. Потолова]. Л.: Лениздат, 1981. – 176 с.
 22. Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2005. – 583 с.
 23. Авдеев В.А. Первая русская революция и военные реформы в России // От «Кровавого воскресенья» к третьюноньюской монархии: Материалы научно-практической конференции. – М.: АИРО–XXI, 2015. – С. 85–90.

*Н. М. Иванова
N. M. Ivanova*

Патриотическая деятельность Алексеевского главного комитета и Александровского комитета о раненых в годы Первой мировой войны

Patriotic activities of the Alekseevsky Main Committee and the Aleksandrovsky Committee for the wounded during the First World War

Аннотация. На основе архивных и опубликованных материалов в статье анализируются формы патриотической деятельности Алексеевского Главного Комитета и Александровского комитета о раненых в годы Первой мировой войны. Также в статье автором исследуются источники финансовых средств этих организаций.

Ключевые слова: Первая мировая война. Главный Алексеевский Комитет. Александровский комитета о раненых. Формы и средства патриотической работы.

Abstract. Based on archival and published materials, this article analyzes the patriotic activities of the Alekseevsky Main Committee and the Aleksandrovsky Committee for the Wounded during World War I. The author also examines the sources of these organizations' funding.

Keywords: World War I. Alekseevsky Main Committee. Aleksandrovsky Committee for the Wounded. Forms and Means of Patriotic Work.

Большую роль в деле признания детей погибших воинов, а также тех, кто потерял на войне трудоспособность, играл в годы Первой мировой войны Алексеевский Главный Комитет. Он был учрежден Указом Николая II от 16 июня 1905 г. для признания детей лиц, погибших в войну с Японией. В 1914 г. на Алексеевский Комитет было возложено и признание «детей, офицерских, классных и низких чинов, погибших или утративших трудоспособность в войну с Германией и Австро-Венгрией» [1, с. 10].

Первым председателем Алексеевского Комитета был П.П. Семенов-Тянь-Шанский, а после его смерти, с февраля 1914 г. Комитет возглавил А.С. Стишинский. Членами Комитета были высокопоставленные чиновники, члены Государственного Совета, сенаторы, а также представители министерств внутренних дел, финансов, военного, морского, народного просвещения, Государственного контроля [1, с. 12].

Алексеевский Комитет оказывал денежную помощь детям (до 16 лет) низких чинов, убитых, пропавших без вести или умерших от ран. Размер пособия составлял 24 рубля в год в сельской местности и 24-42 рубля – в городах. Круглым сиротам эти пособия могли быть увеличены из расчета 40 копеек на 1 рубль основного оклада. Кроме того, детям низких чинов, поступающим в начальную школу, выдавались пособия на приобретение теплой одежды, обуви и учебных принадлежностей до 15 руб. При этом пособия выдавались независимо от имущественного обеспечения семейств. Алексеевский Комитет сам собирал сведения о таких детях, что избавляло нуждающихся от подачи прошений.

Дети тех низких чинов, которые лишились трудоспособности в результате участия в военных действиях, наделялись пособиями по особым постановлениям Комитета, в этих случаях нужно было подавать прошения и различные справки о неспособности низкого чина к труду и недостаточном обеспечении семьи [2, с. 1228].

Для детей офицерских чинов размер пособия составлял от 75 руб.

в год до 300 руб., в зависимости от возраста. Для детей офицеров, потерявших трудоспособность, пособия назначались по прошениям в тех случаях, когда семья не могла дать детям соответствующее образование и воспитание [2, с. 1231].

Кроме пособий, Алексеевский Комитет широко применял такую форму признания, как помещение детей в воспитательные и учебные заведения за счет Комитета.

Средства Алексеевского Комитета складывались из добровольных пожертвований, которые направлялись на создание неприкосновенных капиталов. Так, например, в 1905 г. после перечисления Комитету 50 тыс. руб. от генерального комиссара историко-художественной выставки русских портретов был создан капитал, получивший название «Капитал Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в память 300-летия царствования Дома Романовых». Вторым источником финансирования были государственные средства [1, с.121].

Начало войны сразу выявило недостаточность благотворительных капиталов, и Алексеевский Комитет вынужден был обратиться в Верховный Совет по признанию семей лиц, ушедших на войну, с просьбой выделить часть средств, полученных Верховным Советом от благотворительной лотереи 1914 г., для выдачи единовременных пособий детям жертв войны в случаях, не предусмотренных законом. В результате Комитет получил 300000 руб. [1, с. 127].

Алексеевский Комитет активно проводил сбор пожертвований от учреждений и частных лиц. В 1915 г., например, наиболее крупными были пожертвования от Департамента Общих Дел МВД – 20 тыс. руб., от вдовы действительного статского советника Бодиско – 4,5 тыс. руб., от Шлиссельбургского мещанского общества – 2 тыс. руб. и др. Всего же сумма пожертвований в 1915 г. составила 42394 руб. [3, лл. 3 – 8]. А общая сумма благотворительных неприкосновенных капиталов на 1 мая 1915 г. превышала 155 тыс. руб. [1, с. 129].

Всего к 1 мая 1915 г. на попечении Алексеевского Главного Комитета находилось 1 31603 ребенка. На них было выдано в виде пособий почти 29 млн. руб. [1, с. 79]. Школьные пособия в 1914/1915 уч. году составили около 500 тыс. руб., а плата за учебу в различных учебных заведениях равнялась 4 млн. руб. [1, с. 104 – 105]. Общие расходы Алексеевского Комитета за первый год войны составили 32 млн. 824 тыс. 375 руб. Из них пожертвования (включая пособие от Верховного Совета) и благотворительные капиталы равнялись только 456 тыс. руб., значит, государственные средства составляли основу деятельности Главного Алексеевского Комитета. Это позволяет считать Алексе-

евский Комитет государственным благотворительным учреждением, имеющим однопрофильную социальную направленность – помочь детям жертв войны.

Огромный опыт патриотической благотворительной работы накопил также Александровский Комитет о раненых, который был учрежден Александром I в 1814 г. Средства Комитета создавались от добровольных пожертвований и доходов от разных сборов и вычетов, например, от вычетов с наград и пособий. К 1912 г. Александровский Комитет оказывал покровительство 3423 генералам и офицерам, 108745 нижним чинам и 46812 их семействам [4, с. 4].

Доход Александровского Комитета по смете 1915 г. 64,3 млн. руб., (они составлялись из процентного инвалидного капитала, поступлений от различных учреждений и оборотных поступлений). Расходы же изменились 6199023 руб. [5, с. 4].

В течение первых полутора лет войны Александровский Комитет оказал помочь офицерским чинам на сумму 1766000 руб., семьям офицеров на сумму 708000 руб., нижним чинам – 2 млн. руб. [6, л. 44, об.]. Покрыть свои расходы доходами от инвалидного капитала Александровский Комитет не мог, поэтому ему была оказана помощь со стороны государства установлением на время войны телеграфного сбора, давшего 1810000 руб. Кроме того, Верховный Совет по признанию семей лиц, призванных на войну, перечислил Александровскому Комитету из доходов от благотворительной лотереи 750 тыс. руб. Поступления от пожертвований составили 180000 руб. [6, л. 45].

Смета на 1916 год Александровского Комитета предусматривала доходы в размере 4182693 руб., а расходы на пенсии, единовременные пособия, воспитание детей офицеров, содержание инвалидов, призрение Георгиевских кавалеров, содержание Чесменского и Измайловского инвалидных домов императора Николая I и тому подобное предполагались более 5 млн. руб. Пожертвования же поступили в 1916 г. только в размере 150 тыс. руб. Александровский Комитет был вынужден сократить пособия раненым еще в русско-японскую войну, а выделение пособий тем, кто еще не был принят под покровительство Комитета, ставилось в зависимость от того, будут ли предоставлены в его распоряжение средства из сумм государственного казначейства [7, с. 2].

Таким образом, становится очевидным, что такие благотворительные организации для помощи жертвам войны, которые были созданы ранее, в период Первой мировой войны испытывали большие затруднения и не могли существовать без поддержки общества и государства.

Литература и источники

1. Обзор деятельности Алексеевского Главного Комитета за десятилетие 1905-1915 гг. Пг., 1915. – 167 с.
2. Призрение и благотворительность в России. 1914. № 8-9. – 1236 с.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 66. Л. 3 – 8.
4. Александровский комитет о раненых. Военно-народный праздник в честь раненых воинов. Пг., 1915. – 4 с.
5. Александровский комитет о раненых. Смета доходов и расходов инвалидного капитала на 1915 г. Пг., 1915. – 61 с.
6. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 479. Оп.2. Д. 1027.
7. Александровский комитет о раненых. Смета доходов и расходов инвалидного капитала на 1916 г. Пг., 1916. – 61 с.

*И. С. Рожин
I. S. Rozhin*

Полиция Амурской области в 1915 году: отражение в дальневосточной прессе

The Amur region Police in 1915: reflected in the Far Eastern press

Аннотация. Работа благовещенской полиции Дальнего Востока по охране общественного порядка в годы Первой мировой войны активно освещалась дальневосточной прессой, при этом, как правило, в позитивном ключе. Критика ее деятельности была полностью исключена. Заметки и статьи в газетах в отношении полиции носили информационный характер и не выставляли образ правоохранительных органов в негативном свете.

Ключевые слова: Первая мировая война, Амурская область, Благовещенск, полиция, периодическая печать, дальневосточная пресса, преступление.

Abstract. During the First World War, the Blagoveshchensk police of the Far East actively covered the work of the police in maintaining public order. However, the press generally presented the police in a positive light, and criticism of their activities was completely excluded. Newspaper articles and reports on the police were informative in nature and did not portray the police in a negative light.

Keywords: First World War, Amur region, Blagoveshchensk, police, periodicals, Far Eastern press, crime.

Охрана общественного порядка и обеспечение безопасности, осуществляемые российской полицией, являются публичной функцией. В контексте действующего законодательства правоохранительные органы тесно сотрудничают с гражданским обществом, защищая права и свободы человека, противодействуя преступности и восстанавливая справедливость. Значительное влияние на формирование образа сотрудников полиции оказывают средства массово информации (СМИ), которые освещают как успехи, так и промахи в их работе, тем самым способствуя как улучшению, так и ухудшению общественного восприятия ведомства.

Что касается исторического аспекта, то в период Первой мировой войны местная пресса Приамурского генерал-губернаторства активно оповещала жителей о ключевых событиях в стране и в регионе. Как свидетельствует в своей публикации дальневосточный историк В.Л. Агапов, накануне войны в регионе выходило 12 газет, включая одно издание из Благовещенска Амурской области [2, с. 6].

В условиях военного времени дальневосточные издания резко сократили объем материалов, посвященных работе городской полиции. Те немногие заметки о противодействии преступности, которые попадали на страницы газет, имели поверхностный характер и служили главным образом для демонстрации результативности действий полиции. Подобная информационная политика была напрямую связана с военным положением страны, поскольку критические публикации могли подорвать репутацию МВД и ослабить общественную поддержку власти. Как подчеркивает в своей диссертации «Дальневосточная пресса и Первая мировая война» исследователь В.Л. Агапов, в этот период в России активно функционировала система военной и гражданской цензуры, которая препятствовала публикации материалов, дискредитирующих государственный строй, и запрещала открытое обсуждение острых социально-политических проблем [1, с. 88]. Правовой основой для такой деятельности стало Временное положение о военной цензуре от 20 июля 1914 г., в соответствии с которым в период мобилизации и военных действий запрещалось разглашать любые сведения, способные нанести ущерб обороноспособности государства, а вся печатная продукция подлежала предварительному контролю [6, с. 1].

В связи с изложенным выше благовещенские СМИ освещали криминальные происшествия крайне скрупульно и лаконично, представляя в соответствующих рубриках деятельность местной полиции в нейтральном или исключительно позитивном ключе. Так, в газете «Амурское Эхо» от 18 мая 1915 г. публиковалась новость о том, что

9 мая 1915 г. полицейскими стражниками в ходе ночного патрулирования городского сада г. Благовещенска были задержаны «легковой извозчик № 443 У. Ярошкин и пассажир Е.С. Корчин, при которых в ходе осмотра транспортного средства было обнаружено и изъято 10 банок (1 банка – 0,61 л.) контрабандного спирта» в общем объеме 6,1 л., а сами нарушители были доставлены в отдел полиции [3, с. 3]. В этот же время полицейскими на перекрестке ул. Иркутской (ныне ул. Озерная) и ул. Торговой г. Благовещенска было проведено задержание Михаила и Александра Соболиных, которые провозили на американке (легкий двухколесный экипаж на высоких колесах радиусом 1,5 м.) 25 банок запрещенного спирта общим объемом 15,25 л. [3, с. 3]. В этой же газете отмечалось, что «11 мая 1915 г. на пароходе «Генерал Кондратенко» служащий китайский подданный А. Залепухин, взломав замок у письменного стола помощника командира Лядова, где хранилась денежная касса, начал забирать деньги», однако воплотить свой преступный умысел он не успел, т.к. был задержан сотрудниками портовой полиции на месте происшествия и доставлен в полицейский участок [3, с. 3].

Стоит отметить, что периодическая печать Амурской области активно освещала резонансные преступления, а также правоохранительную работу по пресечению данного рода правонарушений. Так, в газете «Амурское Эхо» от 9 июня 1915 г., в разделе «Происшествия» была опубликована новость, что «6 июня 1915 г. в 11 часов дня на ул. Зейской г. Благовещенска Клавдия Гумерева, покушаясь на жизнь фельдшера Никифора Деребина, выстрелила в него, но промахнулась, после чего она хотела покончить жизнь самоубийством», однако К. Гумерева была задержана вовремя подоспевшими сотрудниками полиции и заключена под стражу [4, с. 3].

В периодической печати публиковались положительные результаты работы полиции в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в Амурской области. Так, в материалах периодической печати «Амурское Эхо» от 25 ноября 1915 г. в разделе «Происшествия» была опубликована новость, согласно которой сотрудники ссыкного отделения г. Благовещенска в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в китайском квартале № 70 (ныне ул. Мухина и ул. Северная) «обнаружили опикурильню, где в ходе обыска было изъято 36 порций опиума, 1 весы и прочие приборы» по изготовлению наркотических средств, однако содержатель наркопритона скрылся с места происшествия и его личность устанавливается [4, с. 3].

Важно отметить, что в благовещенских изданиях в разделах «Происшествия» очень часто афишировались многочисленные сведения о

проведенной правоохранительной работе по пресечению контрабанды алкогольной продукции, запрещенной в России в период Первой мировой войны, т.к. Благовещенск находился в непосредственной близости к китайской границе, что позволяло правонарушителям беспрепятственно через р. Амур переплыть на другой берег, приобретать запрещенный спирт и возвращаться обратно. Борьба сотрудников полиции с контрабандой носила массовый характер, и случаи пресечения данного рода правонарушений часто отмечались в периодической печати. Так, в разделе «Происшествия» газеты «Амурское Эхо» от 29 ноября 1915 г. указывалось, что «28 ноября 1915 г. на ул. Артиллерийская г. Благовещенска полицейскими стражниками в ходе патрулирования города был задержан П. Миссотов, у которого в ходе личного обыска было изъято 3 банки запрещенного спирта общим объемом 0,93 л.» [5, с. 3]. В этот же день городовыми на Вознесенской площади (ныне ул. Красноармейская) в ходе задержания китайского подданного была изъята 1 четушка (0,123 л.) алкоголя, а сам нарушитель был доставлен в полицейский участок [5, с. 3].

Таким образом, проведенный анализ наглядно демонстрирует эффективность работы полиции в экстремальных условиях военного времени в г. Благовещенске, исходя из оценки правоохранительной работы в материалах амурской прессы. Публикации в периодической печати, даже будучи лаконичными, последовательно освещали конкретные результаты работы полицейских в положительном ключе – от задержаний преступников до раскрытия притонов, что свидетельствует о их реальном вкладе в обеспечение безопасности граждан и стабильности на Дальнем Востоке.

Литература и источники

1. Агапов В.Л. Дальневосточная пресса и Первая мировая война: дис. докт. ист. наук. Владивосток, 2021.
2. Агапов В.Л. Первая мировая война и печать. Часть 2: Дальневосточная пресса 1914–1916 гг. о причинах, характере и целях войны // Известия Восточного института 2019/2 (42).
3. Происшествия // Амурское Эхо (Благовещенск). 1915. 18 мая.
4. Происшествия // Амурское Эхо. (Благовещенск) 1915. 9 июня.
5. Происшествия// Амурское Эхо. (Благовещенск) 1915. 29 ноября.
6. Временное положение о военной цензуре (Утверждено 20 июля 1914 г.) // Россия. Законы и постановления. – Петроград, 1914.

Значение аграрного фактора в восстании 1916 года в Казахстане

The Role of the Agrarian Factor in the 1916 Uprising in Kazakhstan

Аннотация. В статье исследуется роль аграрного вопроса как одного из системных факторов, обусловившего массовость и радикальный характер антивоенного восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. На основе анализа документов и исторической литературы автор приходит к выводу, что аграрный вопрос хотя и был одной из причин протesta, но, по крайней мере, на территории Казахстана, за исключением его южных районов, не являлся детерминантой, определившей массовый характер восстания. Вместе с тем восстание 1916 г. ухудшило межэтнические отношения и привело к обострению аграрного вопроса, который в условиях многонационального Казахстана можно было решить только в национальной плоскости.

Ключевые слова: восстание 1916 г., аграрный вопрос, переселенческая политика царизма, казачья и крестьянская колонизация, кочевое хозяйство, Степной край.

Abstract. The article examines the role of the agrarian issue as one of the systemic factors that determined the mass and radical nature of the 1916 anti-war uprising in Central Asia and Kazakhstan. Based on an analysis of documents and historical literature, the author concludes that although the agrarian issue was one of the reasons for the protest, it was not the sole determinant of the mass nature of the uprising, at least in the main territory of Kazakhstan, with the exception of its southern regions. At the same time, the 1916 uprising exacerbated interethnic relations and led to an aggravation of the agrarian issue, which could only be resolved on a national level in a multi-ethnic Kazakhstan.

Keywords: The 1916 uprising, the agrarian question, Tsarist resettlement policy, Cossack and peasant colonization, nomadic economy, and the Steppe region.

Приближающаяся 110-летняя годовщина Восстания 1916 года, предвосхищает грядущие широкомасштабные дискуссии по проблеме, как это было в 2016 г., когда историки оценивали данное событие с позиций вековой давности. Показательно, что конференция, проходившая 28 июня 2016 г. в Алматы, носила название «Восстание 1916 года в Азиатской России: неизвестное об известном», а конференция, состоявшаяся 27 октября 2016 г. в Москве под названием «Народы Российской империи и Высочайшее повеление 25 июня 1916 г.». Участники конференций в своих докладах пытались уйти от сложившегося в советское время нарратива – «антивоенное восстание 1916 г. в Туркестане и Казахстане», расширив тем самым толкование его причин и географию. Следует сказать, что абсолютного консенсуса достигнуто не было. По ряду вопросов разгорелись дискуссии. Так, по мнению ряда

российских исследователей, географические рамки восстания следует расширить, так как оно затронуло, например Северный Кавказ и другие регионы страны.

Исследование восстания 1916 г. на территории современного Казахстана имеет давнюю традицию: начиная с точки зрения участника этих событий Т. Рыскулова, считавшего, что восстание было инспирировано властью [1]; устоявшейся советской историографии, оценивающей его как реакцию на колонизаторскую политику царизма [2]; до современной историографии, рассматривающей событие как многофакторное явление, сочетавшее политические, социальные и экономические причины [3, 4].

Одной из ключевых проблем в понимании причин восстания 1916 г. отводится аграрному фактору, роль которого в современной российской и казахстанской историографии трактуется неоднозначно. Изучение данного вопроса является целью работы.

К началу XX в. земельный вопрос в Российской империи действительно достиг своего апогея, но это касалось, прежде всего, центральных губерний страны, где достаточно остро стояла проблема малоземелья. В рамках столыпинской аграрной реформы для его разрешения предполагалось переселение «избыточного» крестьянского населения из центральных районов страны за Урал. Для Казахстана, называвшегося тогда Степным краем, это не было чем-то новым. Казачья и крестьянская колонизация проводилась здесь и раньше. На территории Степного края в дореволюционный период Переселенческим управлением было распределено до 45 млн. десятин наиболее плодородных земель, из них примерно 10 млн. десятин передано казачьим войскам [5, с. 52]. В советской историографии наделение переселенцев и казачества землей на территории края называлось «изъятием». Подобная трактовка характерная и для современной казахстанской историографии, на наш взгляд, не совсем уместна. Наделение казачества и крестьян-переселенцев землей не следует интерпретировать однозначно как «акт изъятия» земли у коренного населения. Земля юридически за коренными жителями не была закреплена. Главным источником богатства у кочевников считался скот. Отношение местных властей к переходу казахов к оседлости в отдельных регионах было различным: если сибирские власти поощрительно относились к седентаризации кочевников, создавая для этого систему стимулов, то в Оренбурге, напротив, из-за опасения уменьшения российского экспорта хлеба в казахскую степь, к оседанию казахов относились с большой осторожностью [6]. В целом царское правительство не препятствовало переходу кочевников на оседлость. Им давали наделы, в зависимости от района их оседания

по 8–12–15 десятин на душу. По данным Переселенческого управления только за десятилетие 1906–1916 гг. казахам было отведено 452 земельных участка на 95490 душ мужского пола, площадью 2306342 десятины [7, с. 54]. Другое дело, что сами кочевники, не будучи носителями земледельческой культуры, неохотно меняли привычный для них образ жизни и способ хозяйствования.

Аграрный вопрос не был основным в обострении отношений между крестьянами-переселенцами и казачеством накануне восстания 1916 г. Скорее сам факт восстания стал тем клином, который был вбит во взаимоотношения между коренным и переселенческим населением. Особенно это касалось казачества, так как последнее было использовано царским правительством для его подавления. Не следует забывать, что антивоенное восстание 1916 г., подавленное военными методами, произошло накануне революции, став ее своеобразным прологом, и оставалось свежим событием в памяти участников разразившейся вскоре гражданской войны.

Особую остроту межнациональные отношения получили в Туркестане, к которому тогда относились Семиреченская (позже Джетысуйская) губерния будущего Казахстана. В Туркестане переселенческие поселки организовывались преимущественно на богарных землях, что мало задевало интересы коренного населения. Принеся с собой более высокую культуру, русское население, в то же время чувствовало себя привилегированным и порой вело себя по отношению к местному населению с чувством превосходства. Создаваемые имперской властью для переселенцев условия наибольшего благоприятствования, к которым относились многочисленные льготы, имели и свою негативную сторону. В 1916 г. именно крестьяне-переселенцы стали заложниками проводившейся в Туркестане царской администрацией национальной политики, когда на них сфокусировалось недовольство мусульманской части населения края. Восстание 1916 г., как известно, было жестоко подавлено, но жертв, в том числе и среди русского населения, избежать не удалось. Одной из причин этого, по мнению генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина, явилось «обезоруживание ... русского населения Семиречья с целью отправки на фронт 7500 берданок» [8]. Современные исследования, опираясь на архивные данные, показывают, что репрессии были крайне жестокими и носили характер коллективного наказания. Демографические потери оказались весьма существенными, не только для казахского, но и для русского этноса. Часть казахского населения, принявшего участие в погромах, бросив свои земли, откочевала в Китай. «Освободившиеся» земли были самовольно захвачены казаками и крестьянами-переселенцами.

В результате аграрный вопрос действительно обострился и активно использовался противостоящими сторонами в борьбе за власть в годы Гражданской войны. Советская власть в борьбе с семиреченским казачеством, пытаясь привлечь на свою сторону коренное население края, в том числе и обещаниями возвращения земель, потерянных ими после восстания 1916 г.

После окончания Гражданской войны не только казачья станица, но и русская переселенческая деревня это ясно осознавала. Не случайно, после того как «белоказаки» уйдут из Семиречья в Китай и большевиками будет издано специальное постановление о ликвидации Семиреченского казачьего войска, в столице края – городе Верном 15 июня 1920 г. вспыхнет контрреволюционный мятеж, возглавляемый красноармейцами, большинство из которых было выходцами из местных крестьян-переселенцев. Мятеж продлится до 19 июня 1920 г. Поводом к нему станет указ командования Туркестанского фронта об отправке войск Верненского гарнизона в Фергану для борьбы с басмачеством. История подавления красноармейского выступления во всех деталях описана в повести Д.А. Фурманова «Мятеж», которую он написал по горячим следам, будучи непосредственным участником этих трагических событий. Уполномоченный Туркестанского фронта Фурманов дал правильную оценку причинам его возникновения, назвав главной из них слухи о создании национальных воинских подразделений из коренного, как его тогда называли «туземного» населения. По мнению Д. Фурманова, армия была взволнована в первую очередь тем, «что создавалась в Семиречье киргизская бригада» [9, с. 98]. Обещания Советской власти, данные коренным жителям края, были действительно выполнены в ходе земельно-водной реформы 1921–1922 гг., в ходе которой были серьезно ущемлены земельные права русских крестьян-переселенцев.

Таким образом, хотя сама переселенческая политика, проводившаяся царской администрацией на протяжении нескольких десятилетий, ограничивала возможностиnomadного скотоводства из-за сокращения пастбищ и путей кочевания казахов, вместе с тем к 1916 г. объективные противоречия между переселенческим и коренным населением не достигли градуса, способного привести к вооруженному конфликту. В тоже время следует признать, что антивоенное восстание 1916 г. привело к обострению аграрного вопроса, который в условиях Казахстана всегда приобретал этнический характер и неоднократно использовался различными политическими группировками в жестком противостоянии в годы Гражданской войны и первые десятилетия Советской власти.

Литература и источники

1. Рыскулов Т.Р. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1926. С. 46–122.
2. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане // Сб. док. Под ред. А.В. Пясковского и др. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 794 с.
3. Булдаков В.П. Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917 гг. В.П. Булдаков, Т.Г. Леонтьева; Тверской гос. ун-т. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
4. Кабульдинов З.Е. Восстание 1916 года: взгляд через столетие // Казак тарихы. 2016. № 3. С. 15–23.
5. Казиев С.Ш. Основные направления национальной политики советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014 № 5 (31). С. 51–56.
6. Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX вв.). Барнаул: АзБука, 2003. 168 с.
7. Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях: материалы к выработке норм земельного устройства в Казахской Автон. Советской Социалистической Республике / под ред. С. П. Швецова. Кызыл-Орда: Наркомат земледелия КАССР, 1926. – 186 с.
8. История Кыргызстана и киргизов // RuLit. URL: https://kghistory.akipress.org/ru/news/un_post:7163 (дата обращения: 09.11.2025).
9. Фурманов Д.А. Мятеж. – Куйбышев: Куйб. обл. изд-во. 1939. 144 с.

*B. B. Максимов
V. V. Maksimov*

Патриотизм национальный, имперский и «классовый»: противоборство политических сил в Баку в 1918 г.

*National, Imperial, and Class Patriotism: The Conflict of political Forces
in Baku in 1918*

Аннотация. В докладе представлены формы патриотической позиции, характерные для политических сил, действовавших в Баку в период революционных событий 1917–1918 гг. Показано, что националистические формы патриотизма при отсутствии опыта государственного суверенитета и не смогли объединить азербайджанские массы, и, после разгрома антибольшевистского движения, патриотизм большевистской интернациональной идеологии оказался более эффективен, тем более, что память о общероссийском прошлом южнокавказских губерний позволила видеть в возвращении в единое государственное устройство с Россией надежду на более стабильную социальную жизнь.

Ключевые слова: история Закавказья, российская революция 1917 г., Бакинская коммуна, Азербайджанская демократическая республика, диктатура «Центрокаспия».

Abstract. The report presents the forms of patriotic position characteristic of the political forces that operated in Baku during the revolutionary events of 1917-1918. It is shown that the nationalist forms of patriotism, in the absence of experience of state sovereignty, failed to unite the Azerbaijani masses, and after the defeat of the anti-Bolshevik movement, the patriotism of the Bolshevik internationalist ideology proved to be more effective, especially since the memory of the common Russian past of the South Caucasus provinces allowed them to see a return to a unified state structure with Russia as a hope for a more stable social life.

Keywords: history of Transcaucasia, the Russian Revolution of 1917, the Baku Commune, the Azerbaijan Democratic Republic, the dictatorship of the Central Caspia.

Сложившаяся в результате революционных событий в Российской империи в 1917 г. ситуация остро поставила перед различными политическими силами в национальных окраинах империи вопрос о патриотическом чувстве по отношению к «малой родине». Можно указать на три основные перспективы, характерные для большинства национальных территорий, на примере ситуации в Азербайджане 1918 г.:

– Националистическая перспектива предполагала требование отржения национальной территории от России в любой ее государственной форме, создание суверенного национального государства.

– Большевистская, пролетарская «классовая» перспектива предполагала интернациональное единство нового социалистического государственного типа, предлагая населению окраин участие в грандиозном проекте «переустройства мира».

– Традиционная «единороссийская перспектива» полагала революционные эксцессы преодолимыми, и боролась за восстановление разрушенной административной государственной системы. При этом, следует говорить о различии между «монархической» и «демократической» партиями, видевшими в сохранении общероссийского патриотизма как формы сохранения государственной стабильности и суверенитета.

Российская имперская правовая система в отношении национальных окраин позволяла соединять прогрессивные управленческие формы центра с местными обычаями, предполагая постепенное и органичное включение различных национальных территорий в единую государственную систему. В результате создавался «новый пласт права, который можно именовать правом национальных окраин, сочетающий в себе нормы имперской и местной правовых систем» [4, с. 114]. Этую прогрессистскую сторону российской модели империи либераль-

ные лидеры Временного правительства поддерживали и видели ее развитие в федеративном устройстве.

Федеративное устройство новой России также устраивало и национальных лидеров населенных азербайджанцами губерний, однако, большевистский переворот и разгон общероссийского Учредительного собрания, на котором должен был быть решен вопрос о федерализации империи, усилил антироссийские сепаратистские настроения, среди национальных лидеров. Азербайджанский историк Азиза Назарли приводит слова композитора Узеира Гаджибекова, якобы сказанные им в преддверие падения АДР: «...если Николай и его генералы обзывают нас сволочами и ругали по отцу, то правительство мужиков и рабочих знаменитым русским ругательством будет крыть нас по матери» [10, с. 31]¹. В этих словах чувствуется как национальное унижение (попытание национальностью отца), сменяется опасением унижения культурного человека перед неожиданно получившим власть «низким классом». Поэтому можно говорить о том, что в культурной среде национальный патриотизм имел определенно антибольшевистскую окраску, а в массы выражали недовольство ухудшением экономического положения и распадом административной системы.

В центре азербайджанской нефtedобычи – городе Баку – большевистской организации удалось взять власть, при этом, политическими лидерами Бакинской коммуны оказались лица армянской национальности. Учитывая давнее противостояние армян и «кавказских татар» (как называли азербайджанцев в Российской империи), рассчитывать на массовую поддержку мусульманских городских масс коммунары не могли, хотя часть рабочих-азербайджанцев им удалось привлечь к политической активности, однако, коммунары не имели «единого плана государственного и военного строительства» [8, с. 146], и были вынуждены прибегать к довольно рискованным военным союзам с отрядом Л. Бичерахова, вступившего в ряды британских вооруженных сил «Денстерфорс», которые официально обязались «выплачивать последнему жалованье» [5, с. 26].

Национальные противоречия также стали причиной распада Закавказской демократической федерации, когда «патриоты» своих наций оказались в состоянии войны друг с другом. Так, лидеры азербайджанской фракции ЗДФР призывали в регион турецкие войска, называя Турцию «союзницей и спасительницей» [6, с. 128], в то время, как для армян, испытавших геноцид своего народа в Османской империи, такая позиция была не приемлема, а защиту от внешних врагов их лидеры искали в Австро-Венгрии [7, с. 182]. «27 мая 1918 г. Мусульманский национальный совет объявил о создании Азербайджанской демокра-

тической республики» [6, с. 131], а на следующий день из федерации вышла и Армения.

Таким образом, национальный патриотизм закавказских народов, с одной стороны привел к политической самоорганизации и возникновению трех суверенных государств, но, не имею исторического опыта суверенитета, эти образования не смогли сохранить свою независимость.

Показательно, что две пророссийские политические силы – бакинские большевики и сторонники либерально-демократического развития – несмотря на то, что идеологически враждовали, в плане геополитического видения постреволюционной России имели общий взгляд на судьбу бывших национальных окраин в форме традиционной федеральной демократической республики, либо в декларировании принципиально нового союза на основе социалистических форм союза.

После поражения германо-турецкого блока в Первой мировой войне, надежды национальных лидеров АДР на внешнюю поддержку со стороны Османской империи не оправдались, а государства победившей Антанты не видели в АДР союзное государство, что явно показало нежелание признавать суверенитет новообразованного азербайджанского государства на Парижской мирной конференции.

В самом Азербайджане «падение темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, ухудшение продовольственного снабжения, отсутствие емких рынков сбыта нефти, финансовый кризис и инфляция привели к тому, что предпосылки для советизации Азербайджана вызрели внутри самой страны еще до подхода 11-й Красной армии к ее границам» [1, с. 89]. Бакинские народные массы с тоской вспоминали дореволюционную жизнь в составе Российской империи. Очевидец и участник событий Б. Байков описывал картину, как в бакинской лавке торговец-мусульманин целовал фуражку русского офицера со словами «ах, зачем вы убили царя Николая!» [2, с. 134]. Другой свидетель, бывший чиновник К.Д. Кафафов писал, что «татары-мусульмане оказались самыми благодарными России за то, что она сделала для них» [3, с. 69-70]. Поэтому, несмотря на то, что национальный патриотизм в Азербайджане имел поддержку в среде политических лидеров АДР, отсутствие массовой поддержки делало более привлекательным воссоединение территории с Россией, причем, неважно в какой административной форме и под какими идеологическими лозунгами произойдет это воссоединение.

Примечание

¹ В указанном Азизой Назарли последнем 443 номере газеты «Азербайджан», этих слов редактора Гаджибекова нет, однако, они присутствуют в

одной из работ советского историка Ш.А. Гусейнова, как сказанные редактором «Азербайджан» в частной беседе.

Литература и источники

1. Абдуллаев Я.С-о., Михайлов В.В. Экономический кризис как одна из причин советизации Азербайджанской Демократической Республики (1918-1920 гг) // Клио. – 2018. – № 11 (143). – С. 84-90.
2. Байков, Б.Л. Воспоминания о революции в Закавказье / Б.Л. Байков// Архив русской революции. Т. 9. – Берлин: Слово, 1923. – С. 91–194.
3. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. – 2005. – № 8. – С. 68–92.
4. Минников И.В., Саламов Н. М-о. Источники права ханств Северного Азербайджана в период присоединения к Российской империи в начале XIX века // Труды института государства и права РАН. – 2022. – Том 17. – № 1. – С. 100-118.
5. Михайлов В.В., Пученков А.С. 1918 год в Азербайджане: из предыстории британской оккупации Баку // Клио. – 2011. – № 1 (52). – С. 26-30.
6. Михайлов В.В. К вопросу о политической ситуации в Закавказье на заключительном этапе Первой мировой войны // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 2. Исторические науки. Вып. 4. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 352 с. Сс. 125-137.
7. Михайлов В.В. «Мы обращаемся с покорной просьбой соизволить принять под свою мощную руку нуждающуюся в этом Армению». Послание уполномоченного Армянской Республики А. Оганджаняна министру иностранных дел Австро-Венгрии И.Б. фон Райежу / подгот. публ. В.В. Михайлов // Исторический архив. – 2018. – № 5. – С. 182-188.
8. Михайлов В.В. Развал русского Кавказского фронта и начало турецкой интервенции в Закавказье в конце 1917 – начале 1918 // Клио. – 2017. – № 2 (122). – С. 143-152.
9. Михайлов В.В. Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. – 2006. – № 1 (32). – С. 196-207.
10. Назарли А.Э. XI Красная Армия в Северном Азербайджане. –Баку: изд-во “Elm və Təhsil”, 2014. – 392 с.

*M. A. Максимов
M. A. Maksimov*

Российский патриотизм Л. Бичерахова: между англичанами, кавказскими националистами и большевиками

L. Bicherakhov's Russian Patriotism: Between the British, the Caucasian Nationalists, and the Bolsheviks

Аннотация. В докладе показано, с какими нравственными сложностями

столкнулись российские военные после большевистского переворота и развала Кавказской армии в результате заключения Брестского мира. Традиционное понятие патриотизма как защиты родной страны, ее власти и народа от внешнего врага вошло в противоречие с новыми классовыми понятиями советской идеологии, и это привело к неожиданным военным союзам и противоречивым боевым действиям, что показано на примере действий «партизанского» казачьего отряда Л. Бичерахова.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кавказский фронт, Брестский мир, Бакинская коммуна, Л. Бичерахов, Л. Денстервилль.

Abstract. The report shows the moral challenges faced by the Russian military after the Bolshevik coup and the collapse of the Caucasian Army as a result of the Treaty of Brest-Litovsk. The traditional concept of patriotism as the defense of one's native country, its government, and its people against an external enemy clashed with the new class-based concepts of Soviet ideology, leading to unexpected military alliances and contradictory military actions, as exemplified by the actions of the “partisan” Cossack unit led by L. Bicherakhov.

Keywords: *World War I, Caucasian Front, Treaty of Brest-Litovsk, Baku Commune, L. Bicherakhov, L. Desterville.*

После падения царской династии Романовых в феврале 1917 г. государственные российские интересы и вопросы национальной безопасности в условиях продолжающейся мировой войны, можно сказать, что не претерпели особых изменений, однако, большевистский переворот и последующее заключение большевиками Брест-Литовского мира полностью перевернули как отношения с бывшими военными противниками – странами германо-турецкого союза, так и союзнические отношения с государствами военного блока Антанты. Перед представителями вооруженных сил (а часто и перед отдельными соединениями) бывшей российской армии встал вопрос о том, как реализовывать свою патриотическую позицию в условиях новых политических, военных и дипломатических реалий.

На Кавказском фронте российской армии противостоял ее «вековечный» враг – вооруженные силы Османской империи, заключившей военный союз с другим давним противником – имперской Германией. Однако «7 декабря 1917 г. военные действия на Кавказском фронте были прекращены... 11 декабря начались переговоры о перемирии» [4, с. 144]. После заключения большевиками мира с государствами германо-турецкого блока, многие командиры Кавказской армии оказались перед нелегким выбором – подчиниться новым властям, проявив законопослушность и лояльность к новым формам гражданского патриотизма, провозглашавшимся советским правительством – патриотизму классовому и интернациональному, или сохранить верность имперской России и ее патриотическим традициям.

Большинство офицеров и солдат подчинились приказу об окончании

нии боевых действий и стихийно демобилизовались в первые месяцы после Брест-Литовска. Однако в рядах Кавказской армии были и те, кто решительно отвергал «колossalный пацифистский эксперимент» большевиков, как называл распуск армии Л.Д. Троцкий [7, с. 14] Одним из чрезвычайно показательных примеров того, какие неожиданные формы мог принять в этих условиях имперский патриотизм, можно назвать судьбу отряда из числа бывших солдат Кавказской армии под началом казацкого войскового старшины – Лазаря Бичерахова.

Лазарь Федорович Бичерахов, православный казак осетинского происхождения, с 1905 года служил в российской армии, и в 1916 г. ему было поручено организовать отряд для рейдовых действий в тылу турецких войск на границе с Персией. В отряд, наряду с официальными казачьими сотнями, были приняты добровольцы из числа местных армян и греков и айсоров, а также русских переселенцев на Южный Кавказ, считавших эти территории своей родиной. К весне 1918 г., отряд Бичерахова сохранял боеспособность, в первую очередь, благодаря личным качествам его командира.

Несмотря на начавшийся развал русского фронта на Кавказе и масшовую «самодемобилизацию» [4, с. 146] рядового и даже офицерского состава, большинство воинов Бичерахова, были полны решимости продолжать защищать юг Кавказа от турецкой экспансии, начавшейся после Брестских договоренностей с большевиками. Участник событий А.Г. Емельянов в своих воспоминаниях пишет: «Бичерахов привозгласил себя главнокомандующим Кавказским фронтом и дрался на два фронта. Он заявил: «Брест-Литовска не признаю, продолжаю войну» [5, с. 200].

Борьбу с турецкими армиями на Ближнем Востоке продолжали и англичане, хотя и для них выход из войны России, с ее незаменимым экономическим и людским потенциалом, был серьезным ударом по ранее запланированным операциям против Турции. Дело дошло до того, что предложенные в середине 1916 г. турецкими оппозиционерами меры по подкупу военных авторитетов Османской армии и заключению сепаратного мира, получили в январе 1918 г. одобрение британского правительства, и в случае удачного исхода, было решено, что будет «выплачена сумма в 5 000 000 фунтов» [6, с. 170]. Поскольку дело до «переворота» не дошло, британское руководство стало спешно укреплять подходы к Индии, усилив военное присутствие в Персии, а в январе 1918 г. «был организован отряд под руководством генерала Л. Денстерьвилля» [5, с. 198], целью которого было занятие Северной Персии, откуда большевиками были выведены все ранее контролировавшие территорию, граничную с Турцией, войска.

В марте 1918 г. в северо-персидском городе Хамадан Л. Денстервилль встретился с Л. Бичераховым, а также начал набирать в отряд русских офицеров, бежавших с Кавказа от большевистских мобилизаций. В соответствии с соглашением, англичане платили Бичерахову в дальнейшем по английской гинее в день за конника. В дальнейшем «англичане присвоили Бичерахову звание генерала войск его величества» [4, с. 149].

Тем временем, в бывшем российском Азербайджане нависла угроза захвата турецко-азербайджанскими войсками экономического и политического центра региона – города Баку. После 25 октября 1917 г. власть в городе удерживали большевики, организовавшие из своих сторонников Бакинскую коммуну, однако, большая часть территории Бакинской и Елизаветпольской губерний оказалась под властью Азербайджанского национального совета, вошедшего в союз с турецкой армией на Кавказе и получившего от нее офицерский состав, вооружение и денежную поддержку.

25 апреля 1918 г. Л. Бичерахов сообщил бакинским большевикам, что готов предоставить помощь в обороне Баку от турок. Предварительное соглашение, «подписанное от имени Бичерахова поручиком Альхави, имело следующую редакцию: «Бичерахов признает Советскую власть, как всероссийскую, так и Бакинскую. Бичерахов назначается командующим одной из частей Кавказской Красной армии и находится под контролем комиссара по военным и морским делам Корганова. В операционном отношении он пользуется самостоятельностью, но все его приказы скрепляются подписью комиссара» [1, с. 74].

Бакинские революционеры, вступив в переговоры с Л. Бичераховым, официально принятым на службу в английскую армию и получавшим от англичан довольствие и материальное снабжение, оказались в двусмысленном положении. Бичерахов на встрече с Денстервиллем предложил ему с помощью большевиков проникнуть в Баку. Как писал Денстервилль: «...Мы пришли к полному соглашению относительно планов наших совместных действий, на которые я возлагал большие надежды и о которых я здесь умолчу. Он (Бичерахов) вызвал большое изумление и ужас среди местных русских, присоединившихся к большевикам, но я уверен, что он поступил совершенно правильно: это был единственный путь на Кавказ, а раз он только там утвердился, то и дело будет в шляпе» [2, с. 164].

Так, отряд Л. Бичерахова, входивший официально в состав английского военного контингента и получавший от англичан звания, вооружение, снабжение и вышестоящие приказы, оказался во главе

сил, защищавших большевистскую Бакинскую коммуну от турецко-азербайджанских сил так называемой Кавказской Армии Ислама. Впрочем. Этот союз оказался чрезвычайно непрочным. Большевистская власть опиралась в городе, в основном, на армянское население, составлявшее значительный процент бакинского населения. Однако, распад Российской империи и создание в конце мая 1918 г. формально независимых армянской и азербайджанской республик, раскололи лидеров армянского национального совета Баку, отчего решимость защищать город от «мусульманских сил» со стороны армянских войск снизилась. Более того, лидеры независимой Армении, чтобы «не давать повода к... оккупации Армении» [3, с. 29], были вынуждены заключить с Турцией соглашение, которое предусматривало отказ от любых пророссийских (как в отношении большевиков, так и в отношении «имперских») действий, что делало армянские соединения в Баку вне закона.

В результате, убедившись в бесполезности защиты Баку в союзе с большевиками, бичераховский отряд ушел на север, на защиту от турок Дагестана и Порт-Петровска с остатками Кавказской флотилии, где он снова оказался между трех огней – большевиков Северного Кавказа, месных национальных вооруженных формирований, отстававших свой суверенитет, а также сил Белого движения.

Так или иначе, Лазарь Бичерахов остался верен своей патриотической позиции, хотя эта позиция и вынуждала его заключать довольно необычные военно-политические союзы, и в целом, оказалась проигрышной в историческом масштабе. После большевизации Кавказа Лазарь Бичерахов эмигрировал в Англию, где вел жизнь скромного индивидуального предпринимателя. Как отметил близко знавший его Б.М. Кузнецов, генерал Бичерахов, прежде всего, был простым русским строевым офицером, выдвинутым обстоятельствами на большую роль, с которой он блестяще справлялся и которую не довел до конца, «благодаря»... англичанам и непониманию командования Добровольческой армии» [1, с. 253].

Литература и источники

1. Безугольный А.А. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917-1919. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2011. – 348 с.
2. Денстерьвиль Л. Британский империализм в Баку и Персии. 1917-1918). Воспоминания. – Тифлис: Советский Кавказ, 1925. – 281 с.
3. Михайлов В.В. Отношения Республики Армения и руководства Вооруженных Сил Юга России в 1918 начале 1919 гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Гуманитарные и

- социальные науки. – 2015. – № 4. – С. 27-34.
4. Михайлов В.В. Развал русского Кавказского фронта и начало турецкой интервенции в Закавказье в конце 1917-начале 1918 // Клио. – 2017. – № 2 (122). – С. 143-152.
5. Михайлов В.В. Российские и британские вооруженные соединения в сражениях против турок при обороне Баку в 1918 г. // Клио. – 2006. – № 1 (32). – С. 196-207.
6. Михайлов В.В. Русская революция и переговоры английского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа о сепаратном мире с Османской империей в 1917-1918 гг. (по материалам английских архивов) // Клио. – 2017. – № 4 (124). – С. 166-173
7. Троцкий Л.Д. Как вооружалась революция. Материалы и документы по истории Красной Армии: в 3 тт. – Т. 1. Тысяча девятьсот восемнадцатый год. – М.: Высший военный революционный совет, 1923. – 430 с.

Д. К. Баканов
D. K. Bakarov

Политика Народного комиссариата по делам национальностей по содействию оптации латышами гражданства РСФСР

The policy of the People's Commissariat for Nationalities to facilitate the option of Latvian citizenship of the RSFSR

Аннотация. В статье раскрывается деятельность Латышского подотдела Народного комиссариата по делам национальностей по противодействию агитационным мероприятиям сотрудников латвийского посольства в первой половине 1920-х гг. Ключевым вопросом, в решении которого в свою пользу были заинтересованы обе стороны был выбор гражданства живущими в России латышами, поскольку по мирному договору между Советской Россией и Латвией они имели возможность выбора между сохранением гражданства РСФСР или отказом от него и получением гражданства Латвийской республики. Данная деятельность Наркомнаца стала одним из эпизодов приобщения национальных меньшинств к общегосударственному строительству, что способствовало в их среде росту патриотических настроений по отношению к Советской России.

Ключевые слова: Народный комиссариат по делам национальностей, Латышский подотдел, Латвийская республика, латышская диаспора, агитация.

Abstract. The article reveals the activities of the Latvian sub-department of the People's Commissariat for Nationalities in countering the propaganda activities of the Latvian Embassy staff in the first half of the 1920s. The key issue that both sides were interested in solving in their favor was the choice of citizenship by Latvians living in Russia, since under the peace treaty between Soviet Russia and In Latvia, they had the opportunity to choose between retaining the citizenship of the RSFSR or renouncing it and obtaining citizenship of the Republic of Latvia. This activity of the People's Commissar became one of the episodes of the involvement of national minorities in nation-building, which contributed to the growth of patriotic sentiments among them towards Soviet Russia.

Keywords: People's Commissariat for Nationalities, Latvian Sub-department, Republic of Latvia, Latvian diaspora, agitation.

После неудач советской внешней политики в Прибалтике в 1918-1919 гг. в Москве перешли к реализации идеи признания и установления дипломатических отношений с Литвой, Латвией и Эстонией [1, с. 604-612.]. После подписания между РСФСР и Латышской республикой Рижского мирного договора 11 августа 1920 г. и обмена ратификационными грамотами 4 октября 1920 г. в Москве было открыто посольство Латвийской республики, при котором функционировал отдел, занимавшийся вопросами реэвакуации этнических латышей в новообразовавшееся государство. Агенты этого отдела латвийского посольства агитировали латышей за оптацию латвийского гражданства как в столице, так и по всей территории РСФСР [2]. Деятельность посольства Латвийской республики регулировалась VIII статьей Рижского мирного договора. Согласно тексту данной статьи люди, проживавшие на территориях, составивших впоследствии Латвийскую республику, на 1 августа 1914 г., имели право на оптацию латвийского гражданства [3, с. 60.]. Этот пункт договора был обусловлен тем, что во время Первой мировой войны на территории России оказалось более 760 тысяч латышских беженцев и переселенцев [4]. При этом согласно конституции РСФСР 1918 г. гражданство Советской России получили все бывшие поданные Российской империи, кто находился на территории РСФСР, независимо от их этнической принадлежности [2]. В связи с этим перед латышами, проживавшими на подконтрольных большевикам территориях, встал выбор – выбрать гражданство Латвийской республики и переехать на этническую территорию проживания их предков или сохранить советское гражданство и оставаться на территории РСФСР.

Советское руководство, несмотря на подписание Рижского договора, не было заинтересовано в массовом отъезде латышского населения в Латвийскую республику, особенно квалифицированных рабочих и научно-технической интеллигенции. На выбор латышами граждан-

ства влияло множество факторов. Безусловно, важнейшими из них были семейные обстоятельства, связанные с межнациональными браками или обустроенностью и карьерой на советской территории. Также на выбор людей влияла и хорошо отработанная за годы революции политическая агитация. Противодействие агентам, связанным с посольством Латвийской республики, было возложено на Латвийский подотдел отдела национальных меньшинств Наркомнаца РСФСР [5, с. 97.].

Поскольку возможность оптации гражданства Латвийской республики была закреплена в тексте подписанного большевиками договора, то пропагандистская деятельность сотрудников латвийского посольства была законной и не могла быть пресечена силовыми ведомствами РСФСР. Поэтому советское руководство могло ограничить масштабы отъезда латышей в Латвийскую республику только путем контрпропаганды.

Агитационная работа Латышского подотдела была направлена на снижение у проживающих в Советской России латышей стремления уехать в Латвийскую республику. В рамках данной работы в начале 1920-х гг. эмиссары Латподотдела проводили агитационные мероприятия в регионах Советской России, где компактно проживали представители латышской диаспоры [6, л. 40-40 об.]. Однако, ввиду наплыва беженцев в Москву, откуда они направлялись в Латвию, основная деятельность Латподотдела велась в Эвакуационных пунктах столицы. В целях ознакомления беженцев с экономической и политической ситуацией в Латвии, сотрудниками Латышского подотдела устраивались митинги, чтение рефератов и прочие формы агитации. Особое значение для Латподотдела имела агитационная работа среди пролетариата города Москвы, которую они реализовывали посредством устройства беспартийных конференций и митингов на крупных заводах, где были сосредоточены латышские рабочие [5, с. 98.].

На конференциях и митингах, проводимых Латподотделом, принимались коммунистические резолюции, что сказывалось на настроениях среди участников подобных мероприятий. Во второй половине 1920 г. происходили случаи группового возвращения прибывших в Москву беженцев обратно на старые места проживания в России. Отчасти это было обусловлено ознакомлением с экономическим и политическим положением Латвийской республики в начале 1920-х годов [6, л. 40 об.]. Процесс оптации гражданства латышами продолжался до 1927 г., при этом Наркомнац был распущен 9 апреля 1924 г. [7, с. 105.]. Однако, большая часть латышей определилась с выбором гражданства в 1920-1923 гг. – 220 тысяч латышей оптировали гражданство

Латвии и примерно столько же осталось в РСФСР [2].

Помимо переезда латышских беженцев с территории РСФСР в Латвийскую республику, существовали и обратные случаи. Несмотря на подписание мирного договора, латвийское правительство продолжило преследование коммунистов и их сторонников. По этой причине многие латышские сторонники радикальных левых взглядов частично сами, не дожидаясь репрессий, а частично принудительно оптизовали советское гражданство и перебирались в РСФСР [2]. Со второй половины 1920 г. в Москву стали направляться эшелоны заложников из Латвии. Размещение, снабжение соответствующими документами и трудоустройство людей, бежавших от преследований латвийского правительства, осуществлялось также через Латышский подотдел [5, с. 98.].

Деятельность Латышского подотдела отдела национальных меньшинств Наркомнаца РСФСР в начале 1920-х гг. демонстрирует стремление советского государства привлечь к государственному строительству людей, независимо от их национальной принадлежности. Оставшиеся благодаря агитационной работе Латышского подотдела Наркомнаца в Советской России латыши, сохранив свою национальную идентичность, стали частью многонационального советского народа. Представители латышского народа стали патриотами Советского государства и разделили с ним как трудности и невзгоды первых десятилетий советской власти, так и величайшие победы, сделавшие СССР ведущей державой не только на международной арене, но и в областях науки и культуры.

Литература и источники

1. Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.
2. Михайлова Ю.Л., Назарова Е.Л. Советско-латвийский мирный договор 11 августа 1920 г.: ход переговоров, общественное мнение, механизмы реализации. Публикация документов Архива внешней политики Российской Федерации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 7 (105). URL: <https://history.jes.su/s207987840016579-5-1/>. (дата обращения: 01.11.2025).
3. Политика советской власти по национальным делам за три года. 1917 – XI – 1920. М.: Гос. изд., 1920. 185 с.
4. Назарова Е.Л. Латышский Исход 1915—1917 гг. и национальная интелигенция // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Выпуск 4 (58) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s20798784001853-7-1>. (дата обращения: 01.11.2025).
5. Баканов Д.К. Деятельность Латышского подотдела НКН в рамках реорганизации Наркомнаца РСФСР // Клио: ежемесячный журнал для ученых: печат-

ный орган Международной академии исторических и социальных наук. № 10 (226). СПб.: ООО «Полторак», 2025. С. 94-100.

6. ГАРФ Ф. Р-1318. Оп.1 Д. 890.

7. Наркомнац РСФСР и реализация национальной политики в 1917-1920-е годы / Е.К. Минеева, Т.Н. Иванова, А.П. Зыкина, А.И. Минеев, А.Н. Старостин. М.: Этносфера, 2022. 552 с.

Н. В. Петров
N. V. Petrov

О значении идей мировой революции как элемента патриотического воспитания населения провинциальной губернии в первые годы советской власти (на примере Курского региона)

On the significance of the ideas of the world revolution as an element of patriotic education of the urban population of a provincial province in the early years of Soviet power (using the Kursk region as an example)

Аннотация. В статье предпринята попытка установить взаимосвязь между продвижением политico-партийным активом Курской губернии первых лет советской власти идеи мировой революции и процессом патриотического воспитания горожан и жителей села. На основе анализа архивных документов автор приходит к выводу, что продвижение революционного движения под эгидой большевиков являлось частью политики по вовлечению граждан в управленческие процессы советского государства.

Ключевые слова: революция, горожане, большевики, Курский губернский комитет РКП(б)-ВКП(б), коммунистическое учение.

Abstract. The article attempts to establish a relationship between the promotion of the idea of world revolution by the political and party activists of the Kursk province during the early years of Soviet power and the process of patriotic education among the city's residents. Based on an analysis of archival documents, the author concludes that the promotion of the revolutionary movement under the auspices of the Bolsheviks was part of a policy aimed at involving the city's residents in the administrative processes of the Soviet state.

Keywords: revolution, townspeople, Bolsheviks, Kursk provincial Committee of the Russian Communist Party (b)-VKP(b), communist doctrine.

Патриотическое воспитание граждан, особенно детей, в настоящее время является одним из ключевых направлений государственной политики в Российской Федерации. Это подтверждается положением части 4 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации о том, что «государство создает условия для воспитания патриотизма у детей». В этой же статье Основного закона также говорится и об обеспечении защиты исторической правды, что свидетельствует о целесообразности обращения к советскому опыту организации политической работы с населением.

Как известно, ключевой задачей большевиков в первые годы становления советской власти стало укрепление собственного авторитета в глазах населения через пропаганду коммунистического учения. В различных регионах ситуация с просвещением и вовлеченностью городского населения в управленические процессы складывалась неоднородно.

Например, на II губернской партийной конференции в 1918 году делегаты констатировали, что социальный состав населения региона не свободен от «ненадежных элементов»: буржуазии и спекулянтов, которые попали в Курскую губернию из северных губерний [1, л. 19]. В качестве причин такого негативного явления называлось противодействие левых эсеров большевикам и наличие злоупотреблений самих коммунистов в уездных городах.

Несмотря на обозначенную проблемы, основы коммунистического учения курянами воспринимались положительно, они считали, что использование разработанных К. Марксом постулатов позволило противодействовать буржуазии как классу. Позитивным настроем курские большевики обладали и насчет вопроса роли русского пролетариата в мировой революции. Они считали, что именно этот класс способен на организацию революционного движения, поскольку являлся «освободителем всего человечества». Уже в марте 1919 года Курский губернский комитет РКП (б) подтверждал, что необходимо выполнить ряд поставленных центральным руководством задач: взять власть на международном уровне и в дальнейшем четко использовать идеи К. Маркса в политическом развитии [2, л. 24].

Анализируя извлеченную из архивных документов информацию, можно задаться вопросом о значении данного направления политической работы на региональном уровне. Вряд ли в условиях революционной действительности первоочередной проблемой для типичного горожанина или жителя села были тяготы рабочего класса за рубежом. Думается, такие яркие лозунги и планы по освобождению всего человечества большевиками использовались для поднятия так называемо-

го «патриотического духа», но в не в абстрактных государственных интересах, а в интересах продвижения большевистской идеологии и подходов к государственному управлению. Единение социально разнородного, разобщенного населения в условиях острейшего экономического кризиса вокруг общей глобальной цели помогало сплотить население вокруг партии, которая давала дальнейшие установки не только по достижению этой цели, но и в рамках осуществления текущего управления регионом.

В связи с вышесказанным важно обратить внимание на точку зрения известного специалиста по истории становления партии большевиков, доктора исторических наук И.А. Анфертьева, который полагает, что продвижение идей мировой революции со стороны партийного руководства РКП(б) стало одним из инструментов для поднятия авторитета пролетариата в преимущественно крестьянской по социальному составу стране, т.е. для высшего руководства эти установки не стали догматическими [3, с. 102]. Сложно не согласиться, так как именно пролетариат как класс стал первоочередной опорой большевиков в борьбе за власть, но численно он существенно уступал еще более политически не просвещенному крестьянству.

Следует указать, что по мере того, как советская власть укреплялась, устранила последствия экономического кризиса, вызванного политикой «военного коммунизма», то и продвижение идей мировой революции отходили несколько на второй план. Так, 12 мая 1924 года, на XIII губернской партийной конференции звучали тезисы о необходимости избежать негативное влияние капиталистов западных стран на СССР и сосредоточении на внутренних проблемах в целях удержания уже достигнутого [4, л. 10].

Обозначенная тенденция «охлаждения» как самих коммунистов, так и рабочего класса к идеи распространения революционного движения на другие страны довольно четко оформилась во второй половине 1920-х годов. Так, из сводок, передаваемых из уездных комитетов партии в Курский губернский комитет ВКП(б) усматривается, что работники предприятий не всегда с восторгом принимали идеи по оказании помощи другим государствам. На основе их анализа участники VIII пленума Курского губкома партии (13-16 декабря 1926 года) зафиксировали, что во Льгове отмечались рассуждения о том, что раз сверху решено оказывать помочь, то нужно помогать. В отдельных случаях на предприятиях встречалось сопротивление подобной помощи с претензией, что в период Гражданской войны поддержки от иностранных государств не было [5, л. 4-5].

Таким образом, проведя краткий анализ архивных документов

Курского губернского комитета РКП(б)-ВКП(б) можно установить, что продвижение идей мировой революции, помощи другим странам в борьбе с капитализмом было инструментом большевиков для сплочения неоднородной социальной массы, которая не имела должный уровень политической подготовленности для понимания коммунистического учения. Думается, это направление партийной работы можно рассматривать через призму проведения патриотического воспитания, поскольку эта политическая практика отвечала требованию по сплочению населения вокруг единого центра. Однако при достижении цели по установлению власти большевиков идеи мировой революции стали вытесняться другими политическими, социальными и экономическими задачами, что привели к постепенному их вытеснению из партийной повестки во второй половине 1920-х годов.

Литература и источники

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-65. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 19.
3. Анфертьев И.А. РКП(б)-ВКП(б) и модернизация РСФСР/СССР в 1920–1930-е гг.: программы преобразований и борьба за власть: дисс. ... докт. истор. наук. Москва, 2019. 789 с.
4. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 375.
5. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1. Д. 549.

*C. B. Степанюк
S. V. Stepanuk*

Периодическая печать как инструмент коммунистического воспитания в реализации решений XX съезда КПСС

The periodical press as an instrument of Communist education and implementation of the decisions of the Twentieth Congress of the CPSU

Аннотация. В статье анализируется роль советской печати как инструмента воспитания и реализации решений XX съезда КПСС в условиях развития социалистического общества. Автор рассматривает эволюцию функций печати, её содержание и структуру в контексте партийных задач по укреплению социалистической экономики и культуры. Особое внимание уделяется освещению проблем сельского хозяйства и животноводства, а также недостаткам и возможностям повышения эффективности печатных материалов. Сделан вывод о необходимости более системной и научно обоснованной работы редакций, активного внедрения передового опыта и повышения аналитиче-

ской глубины публикаций для усиления мобилизационной и воспитательной роли печати в партийной работе.

Ключевые слова: агитация, коммунистическое воспитание, мобилизация трудящихся, партийная пресса, политика, пропаганда, советская печать.

Abstract. The article analyzes the role of the Soviet press as a tool for educating and implementing the decisions of the XX Congress of the CPSU in the context of the development of a socialist society. The author examines the evolution of the functions of the press, its content and structure in the context of the party's objectives to strengthen the socialist economy and culture. Special attention is paid to highlighting the problems of agriculture and animal husbandry, as well as the disadvantages and opportunities to improve the efficiency of printed materials. It is concluded that there is a need for more systematic and scientifically based editorial work, active implementation of best practices and increased analytical depth of publications in order to strengthen the mobilization and educational role of the press in party work.

Keywords: agitation, communist education, mobilization of workers, party press, politics, propaganda, Soviet press.

Печать всегда играла важную роль в формировании идеинно-политической жизни нашего общества. От первых бесцензурных листков рабочего движения до современных многогиражных газет — она служила мощным средством воспитания граждан, распространения партийных решений и идей. Особенно важным это стало после проведения XX съезда КПСС, который определил новые стратегические задачи по развитию социалистической экономики и культуры. В этом докладе рассматривается роль печати как инструмента воспитания и реализации решений съезда.

С момента появления в России рабочей печати в конце XIX века, она служила объединяющим и просветительским средством для рабочих. Тогда бесцензурные листки и агитационные брошюры помогали пробуждению классового самосознания и мобилизации рабочих в борьбе за свои права. Сегодня система газет в СССР включает тысячи изданий, охватывающих всю страну и обеспечивающих информационное и воспитательное воздействие на граждан.

XX съезд КПСС поставил перед партийными органами задачу укрепления идеинно-политической борьбы за развитие социалистического общества. В своих решениях съезд подчёркивал необходимость проникновения в работу печати духа борьбы за коммунизм, повышения её идейной, политической и организаторской роли. Газеты должны стать активным организатором содействия реализации решений по развитию сельского хозяйства, промышленности, культуры и науки.

Через СМИ партийно-государственные органы могли сформировать у рабочего и сельского населения чувство ответственности и патриотизма. Статьи, исследования, репортажи о героической борьбе

за урожай, развитие животноводства и снижение себестоимости продукции способствуют воспитанию социалистической сознательности. Например, статьи руководителей МТС и колхозов, раскрывающие конкретные пути повышения эффективности труда, помогают формировать у читателей убеждения в правильности выбранного курса.

Особое значение приобретает освещение достижений пятилеток, повышение урожайности, снижение затрат и рост производства продуктов питания. Газеты, такие как «Ульяновская правда», публикуют аналитические материалы, рассказывают о конкретных мерах по увеличению производства, делятся опытом хозяйственной деятельности передовых коллективов. Это способствует воспитанию трудящихся, укреплению общественного мнения в пользу социалистического хозяйствования.

Документы из Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) показывают, что несмотря на большое количество газет в области и их активное освещение ряда тем, система борьбы газет за увеличение производства зерна остаётся слабой. Это особенно важно, так как зерновое хозяйство — основа развития всего сельского хозяйства и экономики региона [2, л. 9].

В 1956 году урожай зерновых был ниже предыдущего года, а план выполнен лишь на 38,8%. Это свидетельствует о серьёзных проблемах в аграрном секторе, которые, по мнению автора, недостаточно отражены и проанализированы в печати [3, л. 7, 8].

В отчетах идеологического отдела Обкома КПСС отмечено, что газеты уделяют мало внимания фундаментальным вопросам: правильному севообороту, культуре земледелия, плодородию почвы, семеноводству, внедрению высокорожайных сортов зерновых.

Важнейшие темы, такие как роль удобрений, известкование почвы, накопление влаги, методы обработки почвы (например, по методу Мальцева), организация труда и тракторно-производственных бригад практически не освещаются. В областных газетах, главная причина — отсутствие стройной системы борьбы за высокие урожаи и знаний для её выработки в редакциях:

1. Предлагается активнее использовать знания корреспондентов-специалистов в сельском хозяйстве.

2. Рекомендуется регулярно (например, раз в квартал) собирать совместные совещания редакций с учёными, руководителями колхозов и опытными агрономами для разработки плана агитационно-просветительской работы в печати. Такой подход поможет повысить качество материалов, сделать их более научно обоснованными и практически полезными для колхозников [2, л. 9].

Это предложение отражает идею, что печать должна быть не просто источником информации, но и активным инструментом коммунистического воспитания и повышения производственной дисциплины.

В животноводстве ситуация также не идеальна. План производства молока, мяса и яиц не выполнен: недопоставка молока — 26 тыс. центнеров, мяса — 16 тыс., яиц — около полумиллиона штук [4, л. 36, 36 об.].

Эти цифры частично отражают недостаточную мобилизующую роль газет в борьбе за выполнение партийных директив.

Однако есть и положительные моменты:

1. Газеты, в частности «Ульяновская правда», регулярно публикуют целые полосы, посвящённые обмену опытом передовиков производства.

2. Публикации о лучших людях колхозного и совхозного производства способствуют укреплению коммунистического воспитания, мотивируют трудящихся на достижение высоких результатов.

3. Примером служит статья о свинарнике колхоза имени Буденного, где рассказано о самоотверженной работе передовика — женщины Лесниковой [3, л. 19].

Это свидетельствует, что печать успешно выполняет воспитательную функцию через положительные примеры, но при этом нуждается в более системной работе по проблемам производства.

Положительные аспекты работы печати в животноводстве [4, л. 87, 87 об.]

1. Активное освещение специализированных совещаний

Газета уделяла значительное внимание областным совещаниям работников свиноводческих и молочно-товарных ферм (ноябрь и октябрь). Это способствовало распространению передового опыта и повышению профессионального уровня специалистов.

2. Роль специалистов в развитии животноводства

В передовых материалах подчёркивалась важная роль зоотехников и других специалистов в руководстве и развитии общественного животноводства. Примером служит статья о работе главного зоотехника МТС им. Володарского, которая показала положительный вклад в увеличение производства молока, а также критика неудовлетворительной работы зоотехника Теренгульской МТС.

3. Воспитание уважения к труду пастухов

Особое внимание уделялось роли пастухов в летний период, когда от их добросовестного отношения зависит успех в производстве молока. Газета справедливо подчеркнула почётность и ответственность этой профессии, а также необходимость создания для пастухов благо-

приятных условий труда. Это является примером коммунистического воспитания через признание и поддержку трудящихся.

Недостатки и пробелы в освещении проблем животноводства в газетах Ульяновской области:

1. Недостаточное внимание перспективным вопросам

Несмотря на отдельные удачные публикации, газета «Ульяновская правда» уделяет мало места перспективным вопросам развития животноводства в целом. Особенно недостаточно освещается овцеводство — важное направление сельского хозяйства области.

2. Игнорирование состояния племенного крупного рогатого скота Ульяновская область является родиной ценной отечественной бестужевской породы крупного рогатого скота. Однако состояние ведущих племенных ферм и вопросы улучшения породных качеств и специализации животноводства в районах практически не отражаются в газетных публикациях.

3. Отсутствие системного подхода и глубины анализа

Материал указывает на недостаток системности и глубины в освещении проблем животноводства, что снижает эффективность печати как инструмента коммунистического воспитания и мобилизации трудящихся на выполнение решений съезда [3, л. 32].

Газета, являясь важным каналом идеологической работы, должна не только информировать, но и активно способствовать решению производственных задач. Недостаточное освещение ключевых проблем животноводства ослабляет воспитательную функцию печати и снижает её роль в мобилизации трудящихся. Отсутствие системного и глубокого анализа перспективных направлений сельского хозяйства препятствует формированию у колхозников и специалистов чёткого понимания задач и путей их решения, что необходимо для успешного выполнения планов, поставленных XX съездом КПСС. В то же время положительные примеры публикаций о передовиках и роли специалистов показывают, что печать способна эффективно влиять на формирование коммунистического сознания и трудовой дисциплины, если будет работать более целенаправленно и системно [5, л. 9].

В материале подчеркивается необходимость существенного улучшения роли печати в освещении сельскохозяйственных вопросов. Отмечается, что газеты должны эффективно организовать и пропагандировать передовой опыт для решения масштабных задач по обеспечению населения продуктами питания. Анализируем основные идеи, недостатки и предложения: [4, л. 21].

1. Газеты должны стать мощным инструментом организационной работы и агитации, способствующими повышению эффективности

сельского хозяйства.

2. Рост внимания к пропаганде передового опыта: отмечается положительный сдвиг — увеличение уделяемого внимания публикациям о передовых практиках, особенно в животноводстве, что способствует распространению успешных методов среди сельских хозяйств.

3. Ключевая задача пропаганды — внедрение опыта: Главная функция передовой практики — не только её освещение, а активное распространение и внедрение в других хозяйствах для повышения производства.

Указывается существенный недостаток, присущий не только «Ульяновской правде», а и большинству других областных газет: отсутствие конкретных материалов о практическом внедрении передового опыта. Читателю трудно понять, как именно передовой опыт можно применить в своём хозяйстве. Адекватная пропаганда должна включать не только рассказы о достигнутых результатах, но и конкретные инструкции по их реализации [5, л. 72].

Для повышения эффективности пропаганды необходимо уделять больше внимания практическим аспектам внедрения передового опыта. Это позволит реализовать главную цель — увеличение производства и создание богатых сельскохозяйственных хозяйств на основе успешных методов.

Таким образом, архивный материал демонстрирует, что печать в сельских районах Ульяновской области в 1950-е годы не всегда эффективно выполняла свою роль как инструмент коммунистического воспитания и реализации решений XX съезда КПСС. Недостаточная глубина и системность освещения ключевых проблем сельского хозяйства снижали её мобилизующий потенциал. Для повышения эффективности печати необходима более целенаправленная, профессиональная и комплексная работа редакций, тесное сотрудничество с сельскохозяйственными специалистами и партийными органами.

Литература и источники

1. Собченко Н. А. Партийно-советская печать — активный помощник Коммунистической партии в развитии культурного сотрудничества народов СССР (1971–1975 гг.) : дис. канд. ист. наук : 07.00.01 / Н. А. Собченко. — Киев, 1984. — [автограф.]
2. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее ГАНИ УО). Ф. 8. Оп. 15. Д. 119.
3. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 15. Д. 201.
4. ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 15. Д. 198.
5. ГАНИ УО. Ф. Оп. 15. Д. 207.

Д. Е. Савченко
D. E. Savchenko

Проблематика патриотизма и интернационализма в период событий советско-польского противостояния в 1918-1921 гг.

The problems of patriotism and internationalism during the Soviet-Polish confrontation in 1918-1921

Аннотация. Статья представляет собой краткий анализ тенденций, связанных с использованием и интерпретацией понятия «патриотизм» и «интернационализм» в период советско-польского политического, военного и информационного противостояния в 1918-1921 гг. В ней анализируется специфика использования вышеуказанных понятий, их взаимосвязь, а также использование руководством РСФСР в интересах осуществления информационно-пропагандистской деятельности, направленной на поддержание и укрепление морально-политического духа гражданского населения и военнослужащих.

Ключевые слова: интернационализм, патриотизм, Польша, РККА, РСФСР, советско-польское противостояние.

Abstract. The article presents a brief analysis of the trends associated with the use and interpretation of the concepts of "patriotism" and "internationalism" during the Soviet-Polish political, military and informational confrontation in 1918-1921. It analyzes the specifics of the use of the above concepts, their interrelationship, as well as their use by the leadership of the RSFSR in the interests of implementing information and propaganda activities aimed at maintaining and strengthening the moral and political spirit of the civilian population and military personnel.

Keywords: internationalism, patriotism, Poland, Red Army, RSFSR, Soviet-Polish confrontation.

В период советско-польского политического, военного и информационного противостояния в 1918–1921 гг. военно-политическое руководство РСФСР активно использовало такие общеизвестные политические принципы как «патриотизм» и «интернационализм» в целях

осуществления своей информационно-пропагандистской деятельности.

Для РСФСР идеи патриотизма были неразрывно связаны с реализацией интернационалистской идеологии. В Декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. и Декларации прав народов России от 2 (15) ноября 1917 г. были зафиксированы программные заявления РСДРП(б) – партия большевиков о праве наций на самоопределение и поддержка национальных меньшинств бывшей Российской империи. В.И.Ленин утверждал: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не ста-

нем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций» [1].

С другой стороны, унаследовав во многом военный, политический и экономический потенциал бывшей Российской империи, РСФСР стремилась восстановить статус великой державы и вернуться к своим историческим границам. В частности, это касалось западных территорий бывшей Российской империи, которые были утрачены по результатам и последствиям первой мировой войны и событий 1917 г. в России и на которые предполагалось распространить «советизацию» при помощи программных установок патриотизма и интернационализма, в рамках идеи мировой пролетарской революции, которая не должна была ограничиваться рамками одной страны. По мнению В.И.Ленина, успех революции в России зависел от революций в других странах. При этом еще в 1915 г. В. И. Ленин в статье «Несколько тезисов» утверждал: «...Задача пролетариата России – довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе» [3, 48]. Программные установки руководства РСФСР предусматривали создание нового социалистического государства, способного «...устоять против всяких покушений со стороны империалистско-аннексионистской буржуазии» [3].

На формирование внешнеполитического курса РСФСР, а соответственно и идеологических установок Советского государства, с марта 1919 г. стала оказывать воздействие и новая международная коммунистическая организация – Коминтерн (Коммунистический Интернационал, ИККИ), призванная оказывать содействие и поддержку коммунистическим организациям в разных странах.

С момента начала функционирования органов исполнительной власти Советской России в октябре 1917 г. формирование и совершенствование идеологических установок РСФСР сопровождалось одновременным созданием отечественных органов агитации и пропаганды. В больших масштабах издавались советские агитационно-пропагандистские материалы в форме листовок и плакатов, среди авторов которых наибольшей известностью пользовались такие пропагандисты как Д.С.Орлов, В.Н.Денисов, В.В.Маяковский, М.М.Черемных, И.А.Малютин, М.Д.Вильф, Е.А.Придворов [4].

Руководствуясь идеями пролетарского интернационализма, большевики призывали население на борьбу с международным империализмом, иностранной интервенцией и т.н. «белым движением». Позитивным, с точки зрения советской пропаганды, таким определениям, как «рабочие», «пролетариат», «красноармейцы» советской

пропагандой противопоставлялись «империалисты», «капиталисты», «буржуи», «белогвардейцы», «мироеды», «прихвостни», «сврачи», «бандиты», «белые польские легионеры», «жандарм европейской контрреволюционной буржуазии», «панская Польша», «империалистическая Польша», «польский империализм» [5]. Вместе с тем, руководствуясь идеями пролетарского интернационализма, большевики вместе с тем не менее активно использовали патриотические мотивы, чтобы мобилизовать население для борьбы с международным империализмом, иностранной интервенцией и т.н. «белым движением».

В частности, представляет особый интерес обращение со стороны бывшего верховного главнокомандующего русской армии генерала А.А.Брусилова от 1 мая 1920 г. В нем было предложено использовать идеи патриотизма и защиты отечества в целях мобилизации бывшего офицерского корпуса царской России для отражения очередного наступления польской армии на советско-польских фронтах [5]. Ряды Красной Армии постепенно стали пополняться военнослужащими бывшей царской армии, откликнувшихся на патриотические призывы о защите страны. К 15 августа 1920 г. в рядах РККА насчитывалось уже 314 180 бывших офицеров и унтер-офицеров» [7,98].

В частности, генерал К.Соснковский, заместитель министра по военным делам Польши своем выступлении 2 июля 1920 г. перед руководящим составом польской армии отмечал: «...обращение Брусилова сделало свое дело, оно оказалось желательное действие, все офицеры бывшей русской армии влились в ряды большевистской армии, и война приобрела характер войны за Россию» [8,121].

Выбранная руководством РСФСР пропагандистская модель и созданные для ее реализации соответствующие советские органы агитации и пропаганды базировались на основе идей классовой борьбы пролетариата против мировой буржуазии и позиционировались в качестве антиподы польской модели пропаганды, ориентированной исключительно на национальные интересы и защиту Отечества. В силу объективных обстоятельств, использование классового подхода в содержании внутриполитической пропаганды РСФСР, а также патриотических лозунгов и призывов, рассчитанных на гражданское население РСФСР и военнослужащих РККА, было наиболее эффективно на территории РСФСР в годы Гражданской войны в России и на территориях Советской Белоруссии и Советской Украины в 1919–1920 гг.

В тоже время, на заключительном этапе советско-польского противостояния в 1920 году проводимые агитационно-пропагандистские мероприятия РСФСР, рассчитанные на оказание эффективного воздействия на гражданское население Польши и военнослужащих поль-

ской армии, в целом не смогли достичь первоначально ожидаемых результатов. По мере развертывания частей и подразделений РККА на территории «этнографической» Польши к лету 1920 г. военнослужащих РККА было гораздо сложнее мотивировать для участия в боевых действиях вдали от родных мест на территории иностранного государства, поскольку подобные боевые действия сложнее было увязывать с задачами защиты своего Отечества. Большинство поляков поддержали не просоветских лидеров из числа лиц, в том числе польской национальности, а польского национального лидера Ю.Пилсудского.

По мнению советского исследователя П.В.Суслова, «...нашим частям приходилось сталкиваться с качественно иным уже неприятелем: националистический туман застилал перед ним классово-освободительное знамя Красной армии» [9,89].

Все же, с течением времени и изменением международного положения Советской России к лету 1920 г., произошла корректировка стратегии агитационно-пропагандистской деятельности в отношении использования в ней революционных лозунгов, связанных с «мировой пролетарской революцией», в которых использовались политические принципы «патриотизма» и «интернационализма». Более существенными и безотлагательными стали решения, связанные с обеспечением международного признания РСФСР и налаживанием международного сотрудничества, завершением Гражданской войны в России.

Литература и источники

1. Известия ЦИК. 1917. № 235. 25 ноября.
2. Ленин В.И. Несколько тезисов // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т.27. М.: Издательство политической литературы. 1969. С.48-51.
3. Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 1917. №1. 10 ноября (28 октября).
4. Плакаты // Военное обозрение: [сайт]. - URL: <https://topwar.ru/12591-kartinki-warspot-voyna-neopravdavshihsy-a-ozhidaniy> (дата обращения: 06.11.2025).
5. Наш Западный фронт // Звезда. 1920. 17 сентября.
6. Правда. 1920. 7 мая.
7. Геллер, М.Я., Некрич, А. Утопия у власти / М. Геллер, А. Некрич. – М.: МИК, 2000. – 855 с.
8. См. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. Т.3. М.: Издательство АН СССР, 1965. С.121.
9. Суслов П.В. Политическое обеспечение советско-польской Кампании 1920 года. М., Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы. 1930. С.89.

Н. А. Жукова, А. В. Тихомиров
N. A. Zhukova, A. V. Tikhomirov

**Проведение Патриотических вечеров М. И. Долиной
в период с 1914 по 1917 год и участие в их организации
П. В. Якобсона, ставшего в 1924 году начальником
Ленинградского Дома Красной Армии и Флота**

*Conducting Patriotic Evenings by M. I. Dolina from 1914 to 1917
and participation in their organization of P. V. Yakobson, who became
the head of the Leningrad House of the Red Army and Navy in 1924*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения в 1914–1917 годах патриотических вечеров (концертов) М. И. Долиной. Приводится список участников концертов и военно-благотворительных организаций, афиша 94-го патриотического концерта. Авторы впервые в историографии дают сведения о проведении концертов в 1917 году при участии П. В. Якобсона, который в 1924 году применил полученный опыт для организации деятельности Ленинградского Дома Красной Армии и Флота.

Ключевые слова: Петроград, патриотический концерт, М. И. Долина, П. В. Якобсон, Офицерское Собрание Армии и Флота, Ленинградский Дом Красной Армии и Флота.

Abstract. The article examines the specifics of the patriotic evenings (concerts) held by M. I. Dolina in 1914-1917. The list of concert participants and examples of military charity organizations, the poster of the 94th patriotic concert are given. The authors, for the first time in historiography, provide information about the holding of concerts in 1917 and the participation in their organization of P. V. Yakobson, who in 1924 applied the gained experience in organizing the activities of the Leningrad House of the Red Army and Navy.

Keywords: Petrograd, patriotic concert, M. I. Dolina, P. V. Yakobson, Officers' Assembly of the Army and Navy, Leningrad House of the Red Army and Navy.

В годы Первой мировой войны в Петрограде получают популярность патриотические вечера М. И. Долиной. Совместно с коллегами – Н. И. Приваловым, хормейстером И. А. Смолиным, военными капельмейстерами А. Б. Гордоном и Ф. Ф. Шолларом [1, с. 79] – она задумала проведение патриотических вечеров в форме концертов для сбора средств на нужды военно-благотворительных организаций.

Мария Ивановна Горленко-Долина – певица, которая обладала редким по красоте и сочности голосом теплого бархатистого тембра с насыщенным нижним регистром (контральто). Она дебютировала 21 апреля 1886 г. на сцене Мариинского театра, где и проработала в течение 18 лет, в 1901 г. получив звание Солистки Его Императорского Величества [2].

Для организации вечеров М. И. Долина обратилась с предложением о безвозмездном участии к артистам, а также к композиторам, имеющим произведения на патриотические темы. Специально для концертов она организовала Большой Патриотический хор, размер которого доходил до 100 человек, в числе которых были хористы Императорской оперы, Театра музыкальной драмы, участники полковых хоров, учащиеся бесплатных музыкально-хоровых классов Народного дома, а также частные лица, необходимым условием участия для которых было свободное чтение нот и знакомство с хоровым пением. М. И. Долина задумала провести эти концерты с большим размахом с привлечением до 600 участников. Для проведения «Патриотических концертов» удалось бесплатно получить помещение зрительного зала Цирка Чинизелли, где 24 августа 1914 г. состоялся первый концерт [1, с. 80].

Организаторы много потрудились над режиссурой концертов. «Патриотические вечера» строились по единому сценарию. Концерты начинались с исполнения гимна, затем зачитывались телеграммы с обзором военных событий, исполнялись сольные, хоровые, оркестровые музыкальные номера, читались стихи [1, с. 80].

После обращения М. И. Долиной к командованию Петроградского гарнизона в патриотических вечерах стали принимать участие полковые музыканты [1, с. 80], а концерты периодически стали проводиться в Зале Офицерского Собрания Армии и Флота. Так, 13 января 1916 г. в этом зале прошел 81-й грандиозный вечерний патриотический концерт [3].

В ходе концерта не только исполнялись музыкальные номера, но и демонстрировались кинематографические картины о военных событиях фирмы «Глобус» (издания Скобелевского Комитета), туманные картины работы А. Д. Мин («гуманными картинами» называли изображения, которые получались на экране в результате воспроизведения на стеклянных пластинах при помощи проекционного «волшебного» фонаря). Билеты можно было приобрести у швейцара Офицерского Собрания Армии и Флота. В концерте принимали участие коллективы соединенных военных оркестров лейб-гвардии Волынского и лейб-гвардии Гренадерского полков, а также Запасного пехотного Батальона, под руководством В. А. Павелка, В. И. Ивановского и П. В. Якобсона (старшина музыкальной команды 1-го Запасного пехотного Батальона Петр Васильевич Якобсон принимал участие в Патриотических вечерах М. И. Долиной с 1914 г. [4, л. 2]). Сбор от концерта был передан Отделу Трудовой Помощи раненым и больным воинам в лазаретах Петрограда и Царского Села, организуемому Об-

Рис. 1. Афиша. Зал Офицерского Собрания Армии и Флота.
Патриотические вечера М. И. Долиной. 94-й грандиозный вечерний
патриотический концерт. 4 марта 1916 г.

ществом Трудовой Помощи Образованным Лицам [3].

4 марта 1916 г. в Зале Офицерского собрания Армии и Флота прошел 94-й грандиозный вечерний патриотический концерт М. И. Долиной при участии: солистки Его Величества М. И. Долиной, артистки Императорской оперы М. Я. Будкевич, артистов императорских театров Н. В. Ростовой и И. К. де Лазари, артистов Русской оперы А. Е. Карпова (бас), К. Л. Арсеньева (тенор), Е. И. Мальской, З. В. Струнова-Баратова (тенор), А. В. Зиминой, Н. А. Горского, К. И. Тарасова (декламация), вокального квартета, соединенных хоров: Большого Патриотического хора М. И. Долиной и хоров певчих Семеновского, Егерского, Измайловского, Гренадерского, Московского, Павловского, Петроградского и Волынского полков под управлением И. А. Смолина, хора гусляров Смоленского и соединенных военных оркестров лейб-гвардии Волынского полка, лейб-гвардии Гренадерского полка и 1-го Запасного пехотного Батальона под управлением П. В. Якобсона (всего более 300 человек). Аккомпанировали А. В. Таскин и М. О. Николаевский на роялях фабрики «Братья Р. и А. Дидерихс».

Весь сбор был отдан в распоряжение Командира 1-го Запасного пехотного Батальона полковника К. Ф. Неслуховского для передачи «Дамскому Кружку» 145-го пехотного Новочеркасского полка на приобретение пасхальных подарков для чинов этого полка на передовых позициях. Билеты можно было приобрести в канцелярии 1-го Запасного пехотного Батальона в казармах 145-го пехотного Новочеркасского полка и в главном подъезде Офицерского Собрания Армии и Флота [5] (рис. 1).

Театральная программа 94-го патриотического концерта была выпущена на четырех страницах, при этом, в отличие от концертной афиши, нумерация на программе была сделана римскими цифрами: «ХСIV-Й ПАТРИОТИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТЪ М. И. ДОЛИНОЙ. Сезонъ 1915–1916 г.» [6].

100-й юбилей грандиозный дневной «Георгиевский» Патриотический концерт М. И. Долиной состоялся в воскресенье 27 марта 1916 г. в зрительном зале Цирка Чинизелли. Весь сбор был отдан состоящему под почетным председательством Его Императорского Величества Государя Императора Высочайше учрежденному «Георгиевскому Комитету» Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича [7]. За предыдущие 99 концертов сбор для военно-благотворительных организаций составил 290 тыс. руб. [8], включая особый сбор (по 100 руб.) с каждого концерта в пользу лазарета лейб-гвардии Преображенского полка.

По случаю проведения 100-го патриотического концерта многие участники были поощрены. Идейному вдохновителю, организатору и участнику концертов – Марии Ивановне Долиной – была Высочайше пожалована золотая нагрудная медаль «За усердие» на Анненской ленте [9] и Высочайший подарок – браслет, усыпанный бриллиантами [1, с. 85]. Среди награжденных был и Петр Васильевич Якобсон [4, л. 21об.].

30 марта 1916 г. состоялся последний в «Сезоне 1915–1916 г.» 101-й «Павловский» грандиозный прощальный патриотический вечер в зале Первого Кадетского Корпуса. Весь сбор был отдан «Дамскому Кружку» Павловского военного училища на приобретение пасхальных подарков и необходимого для «наших чудо-богатырей передовых позиций» [7]. Кроме традиционной концертной программы была выпущена художественно оформленная программа на шести страницах, скрепленных розовой шелковой лентой, с акварельным рисунком на обложке [10].

В театральном сезоне 1916–1917 гг. проведение патриотических вечеров М. И. Долиной было продолжено, но они проходили уже значительно реже. 109-й Патриотический концерт М. И. Долиной прошел 5 февраля 1917 г. [11]. После октябрьских событий 1917 г. Мария Ивановна уехала с мужем в Париж, где скончалась 2 декабря 1919 г. [2].

В завершение отметим, что в 1917 г. активный участник патриотических вечеров П. В. Якобсон поддержал революционные события, в 1918 г. вступил в члены ВКП(б) [4, л. 1], а в 1924 г. начал работать в здании бывшего Офицерского Собрания Армии и Флота [12], где с успехом реализовал полученный опыт при организации многоплановой деятельности Ленинградского Дома Красной Армии и Флота.

Литература и источники

1. Акулович В. И., Брунцев В. А. Н. И. Привалов и солистка Его Величества М. И. Горленко-Долина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. СПб., 2011. Т. 191. С. 60–88.
2. Жетон «Патриотические вечера М. И. Долиной» // Коллекционирование как хобби. URL: https://vk.com/wall-142563041_31292 (дата обращения: 20.10.2025).
3. Афиша. Зал Офицерского Собрания Армии и Флота. 81-й грандиозный вечерний патриотический концерт. 13 января 1916 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10775046> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 278204.
5. Афиша. Зал Офицерского Собрания Армии и Флота. Патриотические вечера М. И. Долиной. 94-й грандиозный вечерний патриотический концерт.

- 4 марта 1916 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10775058> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Программа 94-го патриотического концерта М. И. Долиной. 4 марта 1916 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=36172647> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Афиша двух патриотических концертов М. И. Долиной: в Цирке Чинизелли 27 марта и в зале Первого Кадетского Корпуса 30 марта. 1916 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=25334271> (дата обращения: 20.10.2025).
8. Русскому Баяну, Солистке Его Величества М. И. Горленко-Долиной // Петроградский листок. 1916. 27 марта (9 апреля). С. 10.
9. Солистка Его Величества М. И. Горленко-Долина // Петроградский листок. 1916. 3 (16) апреля. С. 6.
10. Программа 101-го патриотического «павловского» концерта М. И. Долиной. 30 марта 1916 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41501435> (дата обращения: 20.10.2025).
11. Программа 109-го патриотического концерта М. И. Долиной. 5 февраля 1917 г. Петроград [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=36660559> (дата обращения: 20.10.2025).
12. Жукова Н. А. «...Основная задача оставалась прежней: организация культурно-досуговой и образовательной деятельности военнослужащих, гражданского персонала и членов их семей, а также жителей города на Неве». Ленинградский Дом Красной Армии и Флота в период его становления в 1924 году // Военно-исторический журнал. 2025. № 4. С. 40–47.

*Е.В. Ильин, Т.Е. Сохор
E.V. Ilyin, T.E. Sokhor*

«Оборонная работа» в Ленинградском университете в период советско-финляндской войны (по материалам университетской газеты)

*“Defense work” at Leningrad University during the Soviet-Finnish War
(according to the materials of the university newspaper)*

Аннотация. В статье на материалах газеты «Ленинградский университет» рассказывается о проводимой патриотической работе со студенчеством в 1939–1940 гг. В период недолгой советско-финляндской войны на страницах газеты отразились все методы патриотической работы с молодежью.

Ключевые слова: газета «Ленинградский университет», патриотическое воспитание, советско-финляндская война, подарки на фронт, школа медсестер, военная подготовка членов ОСОАФИАХИМа, спортивно-оборонные комплексы

Abstract. The article based on the materials of the Leningrad University newspaper describes the ongoing patriotic work with students in 1939–1940. During the short-lived Soviet-Finnish war, the newspaper's pages reflected the methods of patriotic work with young people.

Keywords: Leningrad University newspaper, patriotic education, Soviet-Finnish war, gifts to the front, nursing school, military training of OSOAFIAKHM members, sports and defense complexes

Пропаганда патриотизма осуществлялась в России постоянно, периодически меняя вектор направленности. Отринув почти всех военных героев императорской России, в Советском государстве до начала Великой Отечественной войны делали упор на события войны Гражданской. Для Ленинграда в 1930-е гг. важным историческим событием являлась «Оборона Петрограда в 1919 г.». Термин «оборонная работа» поддерживался указанным историческим фактом, и неоднократно отражался в периодической печати. Газета «Ленинградский университет», выходившая в 1930–1940-е гг. один раз в 7–10 дней посвящала несколько материалов 20-летию обороны Петрограда. Так в октябрьском номере газеты были помещены две статьи, посвященные истории этого события и сохранения памяти о нем. Статью «Разгром Юденича» представил С.С. Хесин, тогда еще студент вечернего отделения ЛГУ, позднее участник Второй мировой войны и научный сотрудник Института истории СССР АН СССР [10], напомнив, что Петроград был награжден орденом Красного Знамени — «наш город первым стал городом орденоносцем»[38]. На этой же странице в статье «Хранить боевые традиции питерских пролетариев!» сообщалось,

что на всех факультетах 22 октября были проведены митинги, а также 150 университетов участвовали в городских массовых соревнованиях ворошиловских стрелков, готовых «в любую минуту встать на защиту родины» [39]. В начале ноября в газете были названы имена победителей соревнований, активистов оборонной работы, опубликованы цифры обученных оборонному делу за год: «550 ворошиловских стрелков, 44 пулеметчика, 800 гранатометчиков, 550 значкистов ГСО первой ступени и 350 — второй, 109 мотоциклистов, 37 парашютистов» [27]. Кроме того, рассказано о школе медсестер, куда были отправлены для обучения 55 человек с биологического факультета [13]. Здесь же председатель совета ОСОАВИАХИМа филологического факультета М. Коган рассказал о проведении «Дня военной учебы», во время которого студенты были освобождены от учебных лекций и слушали доклады на военно-технические темы «Артиллерия в современной войне», «Фронт и тыл в современной войне», «Авиация и средства ПВО в современной войне», «Военное прошлое русского народа», «20 лет разгрома банд Юденича» [12].

В следующем номере газеты более подробно были расписаны имена победителей стрелковых соревнований, среди которых упоминалась студентка географического факультета З.М. Аверина, набравшая 46 очков из 5 попаданий [36].

Последнее упоминание об Обороне Петрограда прозвучало в декабрьском номере газеты в связи с юбилеем И.В. Сталина, где ему была посвящена большая статья «Сталин — руководитель обороны Петрограда» [1].

Одной из граней «оборонной работы» можно считать лекции по истории Гражданской войны и ее героях, проводимые в Актовом зале Главного здания. Объявления о таких лекциях печатались на последней странице газеты в качестве анонса. Так, например, лекцию о М.В. Фрунзе (к 14-летию со дня смерти) прочитал 29 октября «старший политрук Военно-морского училища им. Фрунзе тов. Дубовик» [18]. Не пропускала газета и прославление руководителя государства. Так, в уже упоминаемой «юбилейной сталинской газете», сообщается о проведении 25 декабря 1939 г. вечера на тему «Товарищ Сталин в борьбе с врагами партии и народа» [16]. К XXII годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота были запланированы различные лекции: «Ленин и Сталин — организаторы и руководители обороны социалистического отечества», «Герои боев с белофиннами», «Краснознаменный Балтийский флот», «Красная Армия — освободительница финского народа». Газета сообщала, что также «будут проведены лекции о тт. Ворошилове, Буденном, Щор-

се, Чапаеве, Лазо, Котовском, Пархоменко, беседы о деятельности на фронтах гражданской войны тт. Кирова, Орджоникидзе, Куйбышева» [2]. Универсанты не только слушали лекции, но и сами читали их. Газета сообщает, что «Сектор научно-технической пропаганды ЛГУ организует лекции в частях действующей Красной Армии», среди которых «Западная Белоруссия и Западная Украина», «Суворов» и «Лермонтов» и др. [15]

Наиболее многочисленная группа статей в газете посвящена военной подготовке или «оборонной работе». В разделе «Отличной учебой встретим XXII годовщину Октября» приведены две заметки в которых студенты химического факультета II курса в ответ на призыв студентов филологического факультета обязуются подготовить «6 новых значков ВС-1 и 10 человек к сдаче на значок ПВХО-1», а студенты этнографического (славянского) цикла филфака, обязались получить по два оборонных значка каждый, подготовить «двух медсестер, 8 ворошиловских стрелков 1-й ступени и одного ворошиловского пулеметчика» [29].

Почти целая страница в газете отведена работам оборонных кружков на факультетах: кружок ручного пулемета на филфаке и кружок по подготовке стрелков первого класса на геолого-почвенном факультете [14]. Есть и критическая статья «Навести порядок в оборонном хозяйстве ЛГУ», в которой автор сетует, что «за год в ЛГУ при громадной людской и материальной базе подготовлено только 359 значков ВС-1 и 10 ВС-II, 5 снайперов, 53 пулеметчика, 18 парашютистов» [11].

Об оборонной работе студентов-русистов III курса филологического факультета сообщила комсорг группы В. Макеева: «Большая часть студентов нашей группы очень успешно сочетает отличную учебу с общественной работой, с настойчивым повышением знаний в области обороны страны» [25]. Она рассказала о двух самых лучших юношах группы — Сергее Максимове (член комитета ВЛКСМ факультета) и Андрее Домнине (военный работник при профкоме факультета): их любовь к Родине была не красивыми словами или попытками получить славу и стипендию.

Начало советско-финляндской войны совпало с 5-летием гибели С.М. Кирова. Для ленинградцев имя Кирова означало возвышение города по всем параметрам и эту память о нем руководство страны всячески поддерживало: «Его героическая жизнь будет всегда вдохновлять массы трудящихся на дальнейшую борьбу за победы коммунизма, за окончательное искоренение всех врагов советского народа» [9]. На первой полосе газеты от 30 ноября 1939 г. соседствуют статьи о Кирове, предыстории советско-финляндской войны и поддержки уни-

версантами внешней политики СССР.

Уже на следующий день газета вышла с сообщением о начале войны с Финляндией. Она пестрела пафосными статьями «Финские правители играют с огнем», «Поможем финскому народу вновь обрести свою независимость», «Конец политике провокаций» и т. д., а визуальным подкреплением написанного была фотография, на которой изображено огромное количество танков, уходящих за пределы объекта с подписью «Самой передовой техникой оснащена армия страны социализма». Все это с одной стороны успокаивало население Ленинграда, с другой — подталкивало на новый виток «оборонной работы», который не замедлил последовать.

Меньше чем через две недели газета от 13 декабря выделила целую полосу для особого вида «оборонной работы» среди студентов ЛГУ — подготовки медицинских сестер. «Если двинет армии страха моя, — будем санитарами во всех боях!» — красовался заголовок на 4-й странице. Здесь были размещены пять заметок о студентках, получивших вторую специальность медсестры и девять фотографий отличниц школы медсестер: Озол, Дедова, Черемисина, Люблинская, Стрижкова, Серебрякова, Мухина. Зингер, Мещерская.

В одной из этих небольших заметок была раскрыта история появления школы медсестер, похожая на движение сестер милосердия в императорской России. «Борясь за укрепление обороны нашей страны, жены танкистов обратились к девушкам Советского Союза с призывом организовать подготовку медсестер без отрыва от производства. Ленинградский университет вместе с другими вузами откликнулся на этот призыв организацией медшколы», — написала студентка филфака А. Островская [28]. Из статей становится ясно, что студентки проходили практические занятия в больнице В.И. Ленина, приходя туда по два раза в неделю на 5–7 часов. Срок обучения расчитан на 10 месяцев, но в связи с неудачными прикреплениями к врачам и медсестрам в больнице практические занятия студенток сильно растягивались по времени.

В связи с начавшей советско-финляндской войной газета отмечала, что международная обстановка требует от всех готовности защищать свою страну, и потому оборонная работа становится интенсивней, появляются дополнительные кружки «Ворошиловских стрелков», организуются группы противовоздушной обороны [17], становятся более частыми стрелковые соревнования [16; 19; 23], поднимается вопрос о создании кружка радиосвязи [37].

После окончания войны оборонная работа не затихла, а получила большую специализацию и расширила круг студентов: появились но-

вые кружки — планерные, группы самозащиты, пулеметные [3].

Кроме непосредственно оборонной работы в газете отмечается о сборе подарков для воинов Красной Армии. Так, в самом начале войны комсомолки 8-й группы IV курса истфака проявили хорошую инициативу приняв решение о посылке подарков нашим бойцам-героям [34]. Через неделю об отправке подарков на фронт сообщил филологический факультет [31], географический факультет также отрапортировал о сборе денег на подарки [32]. Но только в № 1 газеты была помещена заметка, рассказывающая о том, какие подарки передавали универсанты на фронт. Здесь были продукты, папиросы, шоколад, предметы личной гигиены, деньги и др. «Исключительно любовно отнеслись к сбору подарков студенты геофака ЛГУ. По инициативе оборонного работника комитета комсомола геофака тов. Новицкого, они сами закупили шерсть, связали из нее теплые вещи и передали в комиссию для пересылки бойцам», — сообщил автор заметки [26]. Как видим, в сложные для страны времена, население самоорганизуется, стараясь помогать фронту по мере своих возможностей.

Какая бы помошь не поступала от студентов, всегда была обратная связь с фронта [30] или госпиталей, и в газете с удовольствием публиковали слова благодарности от красноармейцев. В одной из первых опубликованных заметок-благодарностей есть простые, но очень искренние слова: «Мы считаем, что та кропотливая работа, которую выполняют ваши студенты, доглядая нас, раненых, будет отмечена вами, дорогой товарищ директор, ибо они заслуживают награды» [8]. Награда, действительно, последовала в виде благодарности в приказе директора и денежной премии. Благодарности медсестрам появлялись в газете до конца войны [20; 21, 22]. Так, врач госпиталя написал такие слова: «Слово “студентка” ассоциируется у наших больных со словом “сестра”, с хорошей родной сестрой. Дорогие сестры, вы делаете большое хорошее дело. Помогая восстанавливать здоровье бойцов, вы укрепляете оборону нашей родины» [35].

Окончание войны в марте 1940 г. было отмечено публикацией документов Мирного договора между СССР и Финляндской республикой [23; 24]. Почти одновременно с этим событием стала появляться информация о наградах универсантов и возвращении победителей. Так, об одном из первых награжденных, преподавателе кафедры физкультуры Георгии Николаевиче Кулакове, газета сообщила спустя месяц после награждения его орденом «Красное Знамя». В газете опубликованы часть письма Г.Н. Кулакова в партком ЛГУ и письмо его многодетной матери Е.А. Кулаковой, где русская женщина написала, что «партия и комсомол, научили моих детей больше всего на свете

любить свою Родину, быть беспощадными в борьбе с ее врагами» [7].

Через месяц газета сообщила о награде студента математико-технического факультета лейтенанта Василия Павловича Токарева, также награжденного орденом «Красное Знамя» [33].

В марте 1940 г. военнослужащие стали возвращаться в университет. Одна из первых публикаций об этом вышла в конце марта 1940 г. В ней было представлено коллективное письмо студентов-лыжников, вернувшихся с советско-финляндской войны, где отмечалось, что именно на фронте они поняли необходимость оборонной работы и призывали универсантов «еще больше крепить оборонную работу в университете, получить такую военную закалку, чтобы по первому зову нашей партии и правительства мы все могли встать на защиту своей Родины» [6].

После окончания войны, интенсивность публикаций об «оборонной работе» резко снизилась. Две небольшие заметки почти вскользь отметили, что возвратившиеся с фронта студенты-лыжники 33 человека, были отмечены директором университета премиями и путевками в дома отдыха, организовав в их честь ежегодные лыжные соревнования в марте [5].

И лишь в конце апреля 1940 г. в заметке расположенной на первой полосе газеты [4], посвященной очередному награждению, были перечислены фамилии героев-универсантов, награжденных высокими государственными наградами и отмечено, что более 600 студентов работали в госпиталях. Анна Ефимовна Островская (героиня заметки) студентка IV курса филфака была награждена (в заметке не сказано чем) орденом «Знак почета»; Г.Н. Кулаков (орден Красное Знамя); В.П. Токарев (орден Красное Знамя); Федор Яковлевич Первееев (орден Красная Звезда); Гладкий (?).

Весь период советско-финляндской войны газета довольно подробно освещала оборонную работу, проводимую на разных факультетах университета, что позволяет сделать вывод о наличии серьезного подхода и успешного освоения военно-патриотического обучения и воспитания среди молодежи в рассматриваемый период.

Литература и источники

1. Алексеев-Попов В. Стalin — Руководитель обороны Петрограда // Ленинград. ун-т. 1939. № 47, 21 декабря. С. 3.
2. Беседы и лекции // Ленинград. ун-т. 1940. № 5, 19 февраля. С. 4.
3. Больше массовости в оборонной работе! // Ленинград. ун-т. 1940. № 13, 1 апреля, С. 3.
4. Брацлавский Д. Высокая награда // Ленинград. ун-т. 1940. № 17, 23 апреля. С. 1

5. В помощь Красной Армии; Премирование лыжников // Ленингр. ун-т. 1940. № 13, 1 апреля. С. 2, 3.
6. Возвращение победителей // Ленингр. ун-т. 1940. № 12, 17 марта. С. 1.
7. Достойный сын народа // Ленингр. ун-т. 1940. № 4, 12 февраля. С. 2.
8. Дроздов. «Вы можете гордиться своими студентами» // Ленингр. ун-т. 1940. № 1, 8 января. С.2.
9. Имя Кирова бессмертно! // Ленингр. ун-т. 1939. № 42, 30 ноября. С. 1.
10. Интернет-проект по увековечиванию памяти воинов-евреев. URL: <https://www.jewmil.ru/biografii/item/1325-khesin-samuil-semenovich> (дата обращения: 17.10.2025)
11. К. П. Навести порядок в оборонном хозяйстве ЛГУ // Ленингр. ун-т. 1939. № 39–40, 19 ноября. С. 6.
12. Коган М. День военной учебы // Ленингр. ун-т. 1939. № 38, 7 ноября. С. 4.
13. Кратин Ю. Патриотки великой Родины // Ленингр. ун-т. 1939. № 38, 7 ноября. С. 4.
14. Кутушев Б. Меткие стрелки; Максимов С. Ворошиловские пулеметчики // Ленингр. ун-т. 1939. № 39–40, 19 ноября. С. 6.
15. Лекции бойцам РККА // Ленингр. ун-т. 1939. № 41, 23 ноября. С. 4.
16. Ленингр. ун-т. 1939, № 47, 21 декабря. С. 4.
17. Ленингр. ун-т. 1939. № 46, 17 декабря. С. 3.
18. Ленингр. ун-т. 1939. № 36, 16 октября С. 6.
19. Ленингр. ун-т. 1940. № 5, 19 февраля. С. 4.
20. Ленингр. ун-т. 1940. № 2, 15 января. С.4;
21. Ленингр. ун-т. 1940. № 4, 12 февраля. С.4;
22. Ленингр. ун-т. 1940. № 7, 20 февраля С. 4.
23. Ленингр. ун-т. 1940. № 9, 14 марта.
24. Ленингр. ун-т. 1940. № 10, 16 марта.
25. Макеева В. Наша вторая специальность // Ленингр. ун-т. 1939. № 39–40, 19 ноября. С. 6.
26. Миркин А. Незабываемы дни // Ленингр. ун-т. 1940. № 1., 8 января. С. 4.
27. Овладевают техникой обороны // Ленингр. ун-т. 1939. № 38, 7 ноября. С. 4.
28. Островская А. Дадим без отрыва от учебы сотни медсестер! // Ленингр. ун-т. 1939. № 45, 13 декабря. С. 4.
29. Отличной учебой встретим XXII годовщину Октября // Ленингр. ун-т. 1939. № 36, 20 октября. С. 2.
30. Письма из действующей армии (в ответ на подарки и письма студентов, профессоров, преподавателей, рабочих, служащих и общественных организаций ЛГУ) // Ленингр. ун-т. 1940. № 6, 23 февраля. С.2.
31. Подарки бойцам нашей доблестной Красной Армии // Ленингр. ун-т. 1939. № 45, 12 декабря. С.1.
32. Посыпаем подарки бойцам // Ленингр. ун-т. 1939. № 47, 21 декабря. С.4.
33. Почетная награда // Ленингр. ун-т. 1940. № 9, 14 марта. С. 1.
34. Пошли подарки бойцам действующей армии // Ленингр. ун-т. 1939. № 44, 9 декабря. С.1.
35. Спасибо, товарищи студентки! // Ленингр. ун-т. 1940. № 6, 23 февраля. С. 3.
36. Тарасов. Стрелковые соревнования в честь 20-летия обороны Петрограда // Ленингр. ун-т. 1939. № 39–40, 19 ноября. С. 8.
37. Уколов А. Забытое дело // Ленингр. ун-т. 1940. № 9, 14 марта. С. 4.
38. Хесин С. Разгром Юденича // Ленингр. ун-т. 1939. № 36, 26 октября. С. 4.
39. Хранить боевые традиции питерских пролетариев! // Ленингр. ун-т. 1939. № 36, 26 октября. С. 4.

А. А. Поярков, Д. М. Сычев
A. A. Poyarkov, D. M. Sychev

«Незнаменитая» война. Психологический аспект советско-финского конфликта (1939-1940)

The “Unknown” War. The Psychological Aspect of the Soviet-Finnish Conflict (1939-1940)

Аннотация. Психология всегда имела решающее воздействие в вооружённых конфликтах, одним из таких является «Зимняя война». Про советско-финляндскую войну исследователям известно достаточно много, даже больше чем про Великую Отечественную войну. Однако, данный конфликт даже в 21 веке является «непопулярным» в массовом сознании людей, а в информационном поле про него стараются вовсе не вспоминать. В чем же дело? В данной статье рассмотрим про психологический аспект данного конфликта, и почему данная война является «непопулярной» в массовом сознании людей.

Ключевые слова: психология, пропаганда, СССР, Финляндия, Зимняя война.

Abstract: Psychology has always played a decisive role in armed conflicts, one of which is the Winter War. Researchers know quite a lot about the Soviet-Finnish War, even more than about the Great Patriotic War. However, even in the 21st century, this conflict remains “unpopular” in the public consciousness, and the media tends to ignore it altogether. What is the matter? This article examines the psychological aspect of this conflict and why it remains “unpopular” in the public consciousness.

Keywords: psychology, propaganda, USSR, Finland, Winter War.

Предыстория конфликта

Советско-финские отношения имели необычную специфику в 20 веке. До 1917 года Финляндия находилась в составе Российской империи в качестве «Великого княжества». Финляндия в составе Российской империи имела достаточно широкую автономию, собственный парламент и валюту, а финский язык, наравне со шведским и русским, имел официальный статус. Все изменилось после великой октябрьской революции 1917 года, когда 6 декабря 1917 года финский парламент принял декларацию о государственной независимости.

Последующие отношения между СССР и Финляндией были крайне напряженными. Так, в период с 1917 года по 1920 год финские отряды активно вторгались на территорию восточной Карелии с целью расширения территорий, что и послужило началу первого советско-финляндского вооруженного конфликта. Даже после подписания Тартуского мирного договора финны не оставили попыток создать «Великую Финляндию», что и привело ко второму вооруженному советско-финляндскому конфликту (1921-1922). Конфликт закончился подписанием

в Москве «Соглашения между правительствами РСФСР и Финляндии о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финской границы» [1].

После прихода к власти Гитлера, Советское правительство с тревогой наблюдало за усилением симпатий к гитлеровскому режиму в Финляндии и опасалось, что страна может присоединиться к странам «Оси» и их потенциальных союзников. Так, например, правая пресса в Финляндии активно выступала за сближение с Германией, представляя ее как «естественного союзника» в борьбе против «восточного врага». Среди правых политиков и части офицерского корпуса (например, из числа ветеранов «егерей») звучали призывы к ориентации на Берлин. Они считали, что Германия рано или поздно вступит в конфликт с СССР, и Финляндия должна быть на ее стороне. Ультраправые движения в Финляндии, такие как профашистское «Патриотическое народное движение» (IKL) [2], вовсе открыто восхищались тоталитарными режимами Муссолини и Гитлера, видя в них образец для подражания и барьер против коммунизма. В этой связи основной задачей советского руководства было – отодвинуть советско-финскую границу от Ленинграда, находящегося всего в 32 км от нее.

В 1939 году Советский Союз инициировал дипломатические переговоры с Финляндией, предлагая переместить государственную границу для повышения безопасности Ленинграда. Финляндское правительство отвергло эти предложения, опасаясь, что уступки могут ослабить его стратегические позиции. Этот отказ привел к началу Советско-финской войны, известной как «Зимняя война», которая завершилась в 1940 году. В результате был подписан мирный договор, по которому Финляндия передала СССР часть своих территорий.

Пропагандистский аспект войны.

Демонизация Финляндии.

Накануне начала Советско-финской войны советское правительство предприняло ряд пропагандистских мероприятий, направленных на формирование общественного мнения и обоснование необходимости военных действий. Среди них были:

1. Активное освещение угрозы, исходящей от Финляндии, в средствах массовой информации.
2. Пропаганда, подчёркивающая важность обеспечения безопасности Ленинграда и советских границ.
3. Демонстрация якобы агрессивных намерений Финляндии и её нежелания идти на компромисс.
4. Создание образа врага и обоснование правомерности действий СССР в глазах населения.

5. Информационная кампания, направленная на мобилизацию граждан и поддержку правительства в преддверии войны.

Первая пропагандистская атака произошла 26 ноября 1939 года. Именно в тот день, согласно официальному заявлению СССР, в 15:45 по местному времени финская артиллерия совершила семь орудийных выстрелов по советской территории. По утверждению советской стороны, в результате обстрела, были убиты четверо и ранены девять советских военнослужащих. По версии Финляндии в районе местечка Майнилы у финских вооруженных сил артиллерии не было вообще. Несмотря на инициативу в расследовании со стороны Финляндии, СССР отверг любые предложения и 29 ноября 1939 года разорвал дипломатические отношения с Финляндией. А 30 ноября 1939 года Советская Армия вовсе перешла в наступление, начав Зимнюю войну. По мнению многих историков, обстрел являлся лишь поводом для начала боевых действий.

Советское руководство активно использовало средства массовой информации (СМИ) для демонизации Финляндии и создания образа врага. Это включало пропаганду, которая формировала негативное восприятие финского народа и правительства. Характерными заголовками газетных публикаций того времени были: «Советский народ ответит тройным ударом на удар поджигателям войны» и «Провокаторам несдобривать!» [4]. Эти фразы подчеркивали решимость СССР противостоять возможной агрессии и мобилизовать население на защиту страны.

Однако считается, что Майнилийский инцидент является пропагандистской неудачей СССР. Официальная версия о «вероломном нападении» финнов была настолько грубой и неправдоподобной, что в неё плохо верили даже собственные солдаты и командиры. Многие понимали, что война начата под ложным предлогом. Это подрывало моральный дух советских военнослужащих.

Другим немаловажным пропагандистским аспектом Советского союза стал образ «белофина». По версии СМИ «белофинны» [5] - наследники белых сил, которые утопили в крови финскую революцию 1918 года. Их лидер, Карл Густав Маннергейм, представлялся в газетах как «кровавый палач финского народа», «английский шпион» и «прислужник мирового империализма». В карикатурах «белофинна» часто изображали карикатурно: толстый, с сигарой в зубах, в форме, похожей на немецкую или английскую, недалекий и алчный. Это был классический образ классового врага. После начала войны его образ пополнился новыми чертами, особенно после первых поражений Красной Армии. Их изображали как подлых и вероломных врагов, которые не

воюют честно, а используют партизанские методы, засады, снайперский террор («кукушки» — миф о финских снайперах на деревьях) [6].

Впрочем, организованная СССР психологическая война столкнулась с жесткой реальностью первых поражений. Финляндия явно было недооценена советским руководством. Считалось, что Финляндия — маленькое, слабое государство, которое не окажет серьезного сопротивления, капитулируя после короткого мощного удара. Расчет был на быструю и победоносную войну. Реальность показала, что финны были мотивированы, хорошо подготовлены и вели войну на уничтожение, что явно противоречило мнению советской пропаганды.

Недооценена была и линия Маннергейма. Советская разведка и командование считали финские укрепления на Карельском перешейке слабыми и устаревшими. На деле они оказались современными, хорошо продуманными и умело вписанными в местность. Штурмовать их пришлось «в лоб», что привело к колоссальным потерям. На фоне этих потерь многие красноармейцы разочаровывались в войне и склонялись под воздействием вражеской пропаганды.

Были выявлены и другие недостатки Красной армии. В частности, нерациональное использование артиллерии. Несмотря на огромное количество орудий, артподготовка часто велась по площадям, а не по конкретным целям (ДОТам). Танковые части вовсе бросали в бой без поддержки пехоты и разведки. Они легко подрывались на минах, застревали в лесах и болотах и становились легкой добычей для финских противотанковых команд, использовавших противотанковые орудия и «коктейли Молотова». Войска не были экипированы должным образом для действий при температурах до -40°C. Не хватало белых маскахалатов, утепленного обмундирования, лыж. Красноармейцы в темных шинелях были идеальными мишениями на снегу. Таким образом, Красная Армия, обученная для наступательных операций на открытой местности в Европе, оказалась не готова к действиям в густых лесах, глубоких снегах и на замерзших болотах.

Успех финской пропаганды.

Финская пропаганда была более эффективно организована, нежели советская при учете того, что специализированного пропагандистского отдела в стране не было вовсе. Лишь в 1934 году был создан информационный центр при министерстве обороны, позже получивший название «Государственный совет по сбору и доставке внутренней и международной информации» [7]. Для нужд вооруженных сил были обучены 68 профессиональных журналистов, способных организовать пропаганду, направленную на потенциального противника.

Во время «Зимней войны» финская пропаганда в агитационных

материалах выдерживала уникальный нарратив, соблюдающий образ «маленькой героической Финляндии» против «большого советского агрессора». Но главное преимущество финской пропаганды – международная журналистика. Финляндия активно приглашала и возила по фронту корреспондентов из нейтральных стран (Швеция, США, Великобритания). Они могли видеть разрушения от советских бомбардировок и героизм финских солдат. Репортажи журналистов, таких как американка Марта Геллхорн [8] формировали в мире образ Финляндии-жертвы и героя. О бурной реакции мировой прессы советский дипломат А. М. Коллонтай записала в дневнике: «Ни о боях на Карельском перешейке, ни о травле нас всемирной прессой записывать не хочу. «Печенка пухнет», — говорил мой отец в таких случаях» [9].

Финляндия активно демонстрировала свои успехи на фронте западным журналистам. Так, например, на севере, в районе Суомуссалми и Раате, несколько советских дивизий (44-я и 163-я стрелковые дивизии) были полностью окружены и разгромлены меньшими по численности, но мобильными финскими лыжными частями [10]. Журналистам удалось запечатлеть множество подбитой и трофейной бронетехники, сделать сенсационные интервью с пленными. Фотографии с разгромленными колоннами красноармейцев облетели самые знаменитые западные газеты.

Финская пропаганда в «Зимней войне» была чрезвычайно успешной по ряду множества причин. Во-первых, ее убедительность. Основной тезис «мы защищаемся от неспровоцированного нападения» делал пропаганду очень правдоподобной. Во-вторых, адресность и всесторонность. Она по-разному работала на внутреннюю аудиторию (сплочение) и на внешнюю (сочувствие и помощь). В-третьих, создавала яркие, запоминающиеся образы, такие как «Белая смерть», «Коктейль Молотова», «Перчатка Карелии». И последний, но очень важный аспект, демонстрация военных успехов в газетах. Благодаря этому, в Финляндию прибыли тысячи иностранных добровольцев, а также значительная материальная и финансовая помощь из Швеции, Великобритании, США и других стран.

Выводы

Несмотря на свои первые неудачи, Красной армии удалось одолеть Финляндию. Однако цена победы над Финляндией была слишком высока. По современным оценкам, погибло и пропало без вести от 126 до 167 тысяч человек [10]. Для советских людей, чьи родные и близкие гибли или возвращались инвалидами, война быстро превратилась из «освободительного похода» в кровавую мясорубку. Многие команди-

ры, получившие тяжелейший опыт в Финляндии, смогли применить его в Великой Отечественной войне. Уроки Зимней войны помогли Красной Армии выстоять в 1941-1942 годах под Москвой.

В 1943 году военный корреспондент Александр Твардовский написал стихотворение, в котором были такие строки: «С чего — ума не приложу, Мне жалко той судьбы далекой, как будто мертвый, одинокий, как будто это я лежу, Примерзший, маленький, убитый на той войне незнаменитой, Забытый, маленький, лежу» [11]. Основной смысл стихотворения — «Война, как трагедия, а не подвиг». Забытой, или же непопулярной войну прозвали за ее огромные жертвы. А уже через год 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, затмившая собой советско-финский конфликт.

Действия Финляндии — стали примером успешной пропаганды и контрпропаганды. Ее эффективная работа позволила привлечь военную и экономическую помощь со стороны западных стран, демонизировать оппонента в глаза мирового сообщества, поднять волну национального сопротивления «захватчикам». Помимо прочего, удалось добиться исключения СССР из Лиги наций, тем самым, продемонстрировать Советский союз «страной-изгоям». Похожий прием использует современная западная пропаганда в 21 веке и в ходе специальной военной операции по дискредитации Российской Федерации на международной арене.

Основной недостаток советской пропаганды в «Зимней войне» — ее отрыв от реальности. Идеологические клише («народное правительство», «освободительная миссия») полностью провалились при столкновении с национальной консолидацией финнов и реальным ходом боевых действий. Несмотря на это, есть и достоинства, а именно ее гибкость. После первоначальных провалов пропагандистская машина частично сменила риторику, сделав акцент на классическом патриотизме и образе внешнего врага, что было более эффективно для мобилизации собственного населения и армии.

Зимняя война оказалась значительным ударом по репутации СССР на международной арене и серьезным уроком, который был учтен к началу Великой Отечественной войны. Масштаб событий Второй мировой войны затмил этот конфликт, а после ее завершения о нем старались не вспоминать, чтобы не обострять дипломатические отношения между СССР и Финляндией.

Литература и источники

1. Соглашение между правительствами РСФСР и Финляндии о принятии мер по обеспечению неприкосновенности советско-финской границы // <https://>

- doc20vek.ru/node/1387 (дата обращения 16.09.2025).
2. Ультраправые движения в Финляндии // https://ru.ruwiki.ru/wiki/Патриотическое_народное_движение (дата обращения 16.09.2025).
 3. И. И. Кравченко. Определение пропаганды // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH9f5fb4da7eb2bcabb05e9f> (дата обращения 16.09.2025).
 4. Статья «Пропаганда и контрпропаганда в Советско-финляндской войне». // <https://history.milportal.ru/propaganda-i-kontrpropaganda-storon-v-sovetsko-finlyandskoj-vojne-1939-1940-gg/?print=print> (дата обращения 16.09.2025).
 5. «Белофина в пропаганде». // <https://dzen.ru/a/Ya9RfJ--2mR8bOsz>
 6. Листовки Советско-финляндской войны. // https://pikabu.ru/story/listovki_sovetskofinskoy_voyny_19391940_godov_4313837 (дата обращения 16.09.2025).
 7. Репортажи Марты Геллхорн – бомбежках Финляндии <https://web.archive.org/web/20241219174509/https://holod.media/2023/01/28/gellhorn/> (дата обращения 16.09.2025).
 7. «Нет, Молотов!». Пропаганда Финляндии во время Второй мировой войны. // <https://topwar.ru/28446-finskie-listovki-dlya-sovetskikh-soldat.html> (дата обращения 16.09.2025).
 8. Советский блицкриг // <https://www.kommersant.ru/doc/5795928> (дата обращения 16.09.2025).
 9. Трагедия под Суомуссалми // <https://topwar.ru/38695-tragediya-pod-suomussalmi.html> (дата обращения 16.09.2025).
<https://rodina-history.ru/2024/11/28/kakie-poteri-v-zhivoj-sile-i-tehnike-ponesla-krasnai-armiya-v-finskoj-kampanii.html> (дата обращения 16.09.2025).
 10. Итоги битвы за Суомуссалми. // <https://funeralportal.ru/library/1068/168630.html> (дата обращения 16.09.2025).
 11. А. Твардовский «Две строчки». // <https://www.culture.ru/poems/6957/dve-strochki> (дата обращения 16.09.2025).

B. H. Бенда
V. N. Benda

Предатели и пособники немецко-фашистских оккупантов на белорусской земле

Traitors and accomplices of the Nazi occupiers in the Belarusian land

Аннотация. Явление патриотизма предусматривает наличие у общества такого феномена как «историческая память». Немецко-фашистские оккупанты и их пособники в годы Великой Отечественной войны оставили кровавый след на советской земле. Поэтому нашему обществу необходимо помнить не только о тех зверствах и преступлениях, совершенных немецко-фашистским

оккупационным режимом на белорусской земле, но и о тех, кто помогал нацистам в реализации их плана по порабощению и уничтожению нашего народа.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, Белоруссия, оккупационный режим, преступления против мирного населения, предатели и пособники.

Abstract. The phenomenon of patriotism presupposes the existence of such a phenomenon as “historical memory” in society. The Nazi occupiers and their accomplices left a bloody trail on Soviet soil during the Great Patriotic War. Therefore, our society needs to remember not only the atrocities and crimes committed by the Nazi occupation regime on Belarusian soil, but also those who helped the Nazis in implementing their plan to enslave and destroy our people.

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, Belarus, the occupation regime, crimes against civilians, traitors and accomplices of the fallen people.

Изучение архивных и других источников, а также воспоминания непосредственных очевидцев, переживших весь ужас и страх немецко-фашистского оккупационного режима, предоставляют много информации о тех, кто ступил на путь предательства и сознательно стал сотрудничать с оккупационными властями, о тех, на чьей совести сотни и тысячи жизней расстрелянных, повешенных, замученных и сожжённых живьем стариков, женщин и детей.

Первые подразделения местной полиции и самообороны начали создаваться в Белоруссии еще до организации на ее территории генерального округа. Как правило, подобная инициатива исходила от соответствующих органов вермахта, заинтересованных в увеличении охранных войск в тыловом районе группы армий «Центр». В результате к осени 1941 года на территории Белоруссии было создано несколько десятков мобильных и стационарных подразделений, получивших в целом название «службы порядка», или «оди» (*Ordnungsdienst; Odi*). Эти подразделения представляли собой кавалерийские или пехотные отряды, командирами которых назначались советские офицеры, специально освобожденные для этого из лагерей военнопленных. Численность каждого из них колебалась в пределах 100 – 150 человек. Обычно для привлечения местного населения в эти отряды применялся целый комплекс мер: от принуждения до освобождения от повинностей, налогов и реквизиций. Тем не менее идеологический (антисоветский) момент в этом процессе также нельзя отбрасывать. К слову, главными организаторами белорусской «службы порядка», например, на востоке республики, были такие известные белорусские националисты, как М. Витушка и Д. Космович. В некоторых случаях отряды «службы порядка» без помощи немцев очищали целые районы от советского присутствия. Например, так было на Полесье (юго-западная Белоруссия), где в августе 1941 года белорусская самооборона и отряды украинского атамана

Т. Бульбы-Боровца («Полесская сечь») провели настоящую войсковую операцию против остатков советских войск, партизан и отрядов НКВД. В своем роде это была уникальная в тех условиях акция, так как немцы в ней вообще не участвовали, а только наблюдали за ходом событий. Операция началась 20 августа 1941 года. В ходе нее 10 тысяч украинцев и 5 тысяч белорусов, разбитые на так называемые летучие бригады, вытеснили остатки советских войск (примерно 15 тыс. человек) с территории Полесья и соединились в районе Мозыря [1, с.105]. В сентябре 1941 года в западной и центральной частях Белоруссии был создан генеральный округ. Соответственно, сразу же была проведена унификация местных частей охраны правопорядка. В результате уже к концу осени все «службы порядка» были реорганизованы в формирования «вспомогательной полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei; Schuma). Первыми были созданы подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности – аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. Следует сказать, что их не создавали заново. Фактически они были организованы на базе уже имевшихся частей «оди», которые действовали при всех местных городских, районных или сельских управлениях. В принципе в них остались те же кадры и тот же персонал и при тех же обязанностях. Основные же изменения произошли в системе управления этими частями, хотя, по сути, ничего нового придумано не было. Как и прежде, эта система оставалась двухуровневой. Формально ими продолжал руководить начальник полиции городского и районного управления или староста, если речь шла о сельском управлении. На деле же реальная власть продолжала оставаться в немецких руках. Однако если раньше шефом начальника полиции был соответствующий армейский комендант, то теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции (Schutzpolizei), а в сельской местности – начальнику жандармерии (Gendarmerie). Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших городах и районных центрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было разным и находилось в зависимости от площади района и плотности населения в нем (в среднем это соотношение не должно было превышать такую пропорцию: 1 полицейский на 100 жителей) [1, с.108]. Этот тип полиции немцы формировали первоначально на добровольной основе. Желающих отбирали после строгой проверки на благонадежность. Как правило, большинство таких полицейских было из сельской местности. Уволиться со службы в этот период также можно было по собственному желанию, что свидетельствует о ее добровольном характере. Полицейские

могли обращаться с просьбой об увольнении только «в случае крайней необходимости по причинам личного или экономического характера». И такие просьбы иногда удовлетворялись. На практике же для этого нужно было подкупить врача, чтобы он выдал справку о непригодности к полицейской службе. В целом первые месяцы существования Schuma принцип добровольности при наборе распространялся на всех, кроме переводчиков, которых усиленно разыскивали, так как полиция не могла без них функционировать. Приблизительно с лета 1942 года, когда партизанское движение стало приобретать серьезные масштабы, немцы стали прибегать к принудительному набору во «вспомогательную полицию порядка», после чего ее численность значительно увеличилась. Кроме того, большую часть новобранцев стали теперь переводить в части следующего типа этой полиции – батальоны Schuma. В таблицах 1 и 2 нами приведены некоторые данные о численности полицейских формирований дислоцировавшихся на территории нынешних Брестской, Минской, Могилёвской и Гомельской областей Белоруссии.

Таблица 1
Национальный и количественный состав полицейских гарнизонов в Брест-Литовском округе [2, с.183]

Полицейские гарнизоны	Национальность и численность полицейских				
	украинцы	поляки	русские	белорусы	всего
Брест	26	16	3	3	48
Волчин	12	8	-	1	21
Домачево	23	14	2	1	40
Жабинка	38	13	2	3	56
Леоновка	4	2	-	1	7
Малорита	54	1	2	1	58
Мотыкалы	13	4	1	4	22
Томашовка	12	1	-	-	13
Чернавчицы	8	3	-	1	12
Всего	190	62	10	15	277

Таблица 2
Силы полиции на территории некоторых районов Минской, Могилёвской и Гомельской областей [3, с.59]

Населенный пункт на оккупированной территории БССР	Численность полицейских формирований
Бобруйск	200 полицейских

Рогачёв	240
Осиповичи	400
Жлобин	400
Паричи	800
Кличев	40
Бобруйский район	493
Марьина Горка	148
Кировск (Могилевская область – В.Б.)	233
Стрешин (Гомельская область – В.Б.)	145
Озаричи	300

С осени 1942 года полицейские начали принимать присягу – они клялись «быть верными, смелыми, послушными, честно выполнять свой долг в борьбе против кровавого большевизма», а также выражали готовность «отдать свою жизнь за эту клятву, принесенную во имя Господа». Новобранцы присягали после четырех недель службы. Письменный текст присяги полицейского находился в его личном деле, которое хранилось в канцелярии соответствующей структуры по охране порядка [1, с.106].

Конечно же, на наш взгляд, особую память мы должны сохранять о тех пособниках, которые совершали акты насилия или предательства по отношение к населению, проживавшему на оккупированной территории. Находились и такие, которые совершили акты предательства по отношению к своим соседям, односельчан и даже родственникам. Так, например, некий Б., изменник и предатель (полные наименование фамилий и имён этих людей автором сознательно опущены – В.Б.) будучи заместителем старосты деревни Цна Лунинецкого района (ныне Брестская область Республики Беларусь – В.Б.), выдал оккупационным властям 21 человека из числа бывших активистов советской власти, комсомольцев и коммунистов [4, л.13]. Другой предатель, некий Б., староста Белоушской сельской управы Лунинецкого района, выдал карателям на уничтожение 700 человек еврейской национальности [4, л.30]. В массовых казнях и других преступлениях, совершенных против мирного населения, проживавшего на оккупированной территории Пинской области принимали участия изменники и предатели, такие, например, как некий Г. – крестьянин, исполнитель совершенных злодеяний против

еврейского населения в д. Погост-Загородское Логишенского района Пинской области (ныне входит в состав Брестской области- В.Б.) [4, л.52]. Другой изменник и предатель, некий М. являясь полицейским Ивановской районной полиции Пинской области, принимал непосредственное участие в массовом уничтожении еврейского населения на территории района [5, л.6]. На наш взгляд, особое место в этом списке занимает жена старосты Ляховичской волости некая Демидович Матрёна которая лично принимала участие в массовом уничтожении еврейского населения [4, л.60]. Среди изменников и предателей были и такие, которые оказывали помощь немцам в проведении карательных экспедиций против партизан [4, л.37]. Практически в каждом из изученных нами актов, составленных комиссиями по содействию в работе Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков, отмечался тот факт, что наряду с карателями из состава немецких подразделений СС и СД, в массовых казнях мирных граждан, в т.ч. и еврейского населения, принимали участие местные жители [4, л.32]. В этом же архивном источнике содержаться сведения о двенадцати «Агитаторах убийств» (более подробных пояснений или разъяснений сути этого термина в документе не приведено – В.Б.), проживавших в г. Столине. Среди них указаны фамилии и имена трёх женщин, а также некий «Добринец Наум и его жена Добринец Зоя» [4, л.32].

В завершение отметим, что в настоящее время предпринимаются попытки превозносить и выдвигать в ранг героев предателей и изменников Родины, на совести которых тысячи загубленных жизней стариков, женщин и детей. Более того, они, в некоторых случаях, ставятся в пример для подражания нынешнему молодому поколению. У людей, сознанию которых не присущи нелюбовь и неуважением к своему народу и своей Родине вряд ли могут найтись оправдания измене и предательству своего Отечества в трудный для него период. Едва ли можно найти какие-либо причины или объяснения тому, что предатели и изменники, сознательно перешедшие на сторону врага и служившие в полицейских или карательных подразделениях, вели вооружённую борьбу против своего народа, принимали участие в массовых расстрелях и казнях советских людей, осуществляли геноцид еврейского населения.

Литература и источники

1. Романько О. В. Белорусские коллаборационисты: сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии, 1941-1945 / Олег Романько. М.: Центрполиграф, 2013. 301 с.

2. История белорусской государственности. В 5 т. Т.4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939-1953 гг.) / А.А.Коваленя и [др.]. Минск: Беларуская наука,2019. 567 с.
3. Белорусские отарбайтеры: историко-аналитическое исследование / Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.Д. Селеменев; Под ред. Г.Д. Кнатько. Мин.: НАРБ, 2001. 336 с.
4. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской обл. Ф.118. Оп.1. Д.40.
5. Зональный государственный архив в г. Пинске Брестской обл. Ф.118. Оп.1. Д.8.

A. B. Зотова, С. Н. Полторак
A. V. Zotova, S. N. Poltorak

Патриотизм банковских сотрудников в Ленинграде в 1941-1944 гг.

Patriotism of bank employees in Leningrad in 1941-1944

Аннотация. На основе архивных документов рассмотрена деятельность банковских служащих Ленинграда в период блокады. Отмечается, что их повседневная деятельность представляла собой специфическую форму проявления любви к родному городу и стране в целом. Делается вывод о том, что патриотизм был движущей силой защитников города, вносявших своим самоотверженным трудом вклад в дело Победы.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, Великая Отечественная война, патриотизм, 1941-1944, отечественная история

Abstract. Based on archival documents, the activities of bank employees in Leningrad during the siege are examined. It is noted that their daily activities represented a specific form of expression of love for their hometown and the country as a whole. It is concluded that patriotism was the driving force behind the city's defenders, who contributed to the cause of Victory through their selfless labor.

Keywords: Siege of Leningrad, Great Patriotic War, patriotism, 1941-1944, Russian history

Патриотизм ленинградцев, находившихся в блокированном городе в 1941-1944 гг., проявлялся и в их самоотверженном труде, который нередко был незаметен. Среди почти неисследованных вопросов блокады Ленинграда следует назвать деятельность кредитных учрежде-

ний – банков и сберегательных касс. Из-за того, что в городе во время блокады процветал натуральный обмен, работали многочисленные «блошиные рынки» может сложиться ошибочное впечатление, что финансовая деятельность ни жителями, ни предприятиями не осуществлялась. К сожалению, о работе ленинградских банков в те годы есть лишь скромные воспоминания сотрудников Ленинградской конторы Госбанка. Между тем, сотрудники ленинградских банков и сберегательных касс всю блокаду жили напряженной жизнью, подчиняя всю свою работу не только интересам города, но и всей страны.

В блокированном Ленинграде действовали 6 кредитных учреждений с многочисленной сетью филиалов и агентств: Ленинградская контора Госбанка, Ленпромстройбанк, Леноблконтора сельхозбанка, Леноблконтора банка финансирования строительства, торговли и кооперации, Ленкомбанк и система сберегательных касс [1].

Когда войска противника заняли Петергоф и Пушкин, местные сберкассы успели переместиться в Ленинград, слившись с городскими сберкассами [2, л. 36]. В начале сентября 1941 г. в Ленинграде действовали 116 сберкасс [3, л. 23]. К концу 1942 г. в результате слияния этих учреждений их осталось в городе 53 [3, л. 24]. К концу 1943 г. в Ленинграде работала только 51 сберкасса [3, л. 5]. Деятельность их сотрудников стала настолько востребованной горожанами, что большинство работников сберкасс трудилось по полторы смены [3, л. 20].

Многочисленные архивные документы подтверждают удивительный парадокс: в период блокады отчетность кредитных учреждений города стала гораздо лучше, чем в довоенное время. Несмотря на хаос военного времени, который особенно был заметен в деятельности банков и сберкасс на рубеже 1941-1942 гг. [3, л. 7, 10], в остальное время отчетные документы готовились почти образцово. Вероятно, военное время устанавливало железную дисциплину во всех управленических структурах государства.

Банкам и сберкассам блокадного города была присуща своя специфика. Она касалась как профессиональной, так и общественной жизни этих учреждений. Их сотрудникам вменялось в обязанность постоянно контролировать затраты предприятий. Появлявшиеся у фабрик и заводов свободные средства мгновенно изымались и поступали в доходную часть бюджета города, чтобы вскоре быть перечисленными на военные нужды государства [4, л. 17].

Сотрудники банков знали производственные возможности предприятий и состояние выпуска продукции. Благодаря этому банки оперативно кредитовали предприятия «под конкретный заказ» и были заинтересованы в том, чтобы выпускавшаяся продукция как можно

быстрее была реализована как в условиях города, так и за его пределами, в первую очередь – на фронте.

За каждым банком был закреплен госпиталь, которому кредитное учреждение было обязано оказывать шефскую помощь [5; 6, л. 8]. Кроме того, они постоянно выделяли деньги семьям тех банковских сотрудников, которые воевали на фронте.

В 1942 г. СНК СССР и Минфин СССР и РСФСР объявили об организации всесоюзного социалистического соревнования среди республиканских, краевых и областных финансовых отделов на обеспечение лучшего выполнения государственного бюджета. Победителем в соревновании должен был стать тот финансовый отдел, который добивался лучших показателей в выполнении планов по государственным доходам, налогам и сборам, государственному страхованию, вкладам и займам. Победителям в соцсоревновании выдавались премии: первая премия – переходящее красное знамя ЦК Союза финансово-банковских работников НКФ СССР и 100 000 руб. для премирования лучших работников; две вторые премии – по 75000 руб.; три третьих – по 50000 руб.

Итоги Всесоюзного соцсоревнования подводились ежеквартально, не позднее 25 числа следующего после истечения квартала месяца, итоги областных соревнований – не позднее 15 числа [7, л. 15-16]. Также помимо этих сумм еще выдавались премии по 60000, 40000 и 25000 руб. [7, л. 17-18]

В целях поощрения лучших работников финансовых органов Государственных кредитных организаций, Госстраха, а также банков долгосрочных вложений приказом № 448 НКФ СССР от 22 июля 1942 г. был учрежден нагрудный значок «Отличник финансовой работы» [7, л. 19-20].

Для того, чтобы обеспечить победу Ленинградского городского финансового отдела на Всесоюзном соцсоревновании на протяжении всей блокады, соцсоревнование в банках не прерывалось ни на день [6, л. 4; 8, л. 2]. Между сотрудниками подписывались индивидуальные и коллективные договоры. Ленинградская контора Госбанка в мае 1942 г. вызвала Московскую контору Госбанка на соцсоревнование [9, л. 3]. Были выработаны критерии оценки успехов и неудач.

Важной для государства и очень большой для населения проблемой были государственные займы. За время блокады их было не менее восьми: военный заем 1942 г. [10, л. 65], шеститипроцентный заем для нужд на укрепление обороны, шеститипроцентный заем третьей пятилетки (подписка осуществлялась на первый, второй, третий и четвертый годы), венчевые денежные лотереи [2, л. 85; 11, л. 26].

Городские власти пытались всячески пропагандировать идею государственных займов. Только на их рекламу в 1942 г. было выделено 6862633 руб., но использовано 4369464 руб. [2, л. 43] Сотрудники сберкасс провели за тот год с ленинградцами 1669 бесед, выступали с докладами, посвященными необходимости вкладов в госзаймы, помещали заметки в стенные и многотиражные газеты на темы займов и вкладов. Также они организовали 300 выходов в организации и домохозяйства для того, чтобы довести до населения информацию о госзаймах. По тому же вопросу было опубликовано 187 заметок в стенгазетах и многотиражных газетах. В газете «Ленинградская правда» два раза в месяц публиковались материалы, в которых разъяснялась государственная необходимость участия ленинградцев во вкладах и займах. Регулярно издавались сводные справочные таблицы тиражей выигрышей по всем госзаймам. Тираж таблиц составил 15 000 экземпляров.

В условиях блокадного города печатались различные агитационные материалы: лозунги, красочные плакаты, призывающие подписываться на государственные военные займы, афиши и красочные плакаты с условиями проведения денежно-вещевых лотерей, листовки, рекламировавшие участие жителей города в госзаймах. Особенно действенной была красочная реклама вкладов в трамваях, которую сами ленинградцы называли «трамвайками». 10000 экземпляров этих «трамваек» размещали в вагонах по всем маршрутам. Сотрудниками сберегательных касс в тяжелейших условиях блокады был организован ряд радиопередач, посвященных вкладам в госзаймы [2, л. 32].

В результате, работники управления сберкасс и государственного кредита обеспечили значительное превышение установленного плана подписки. Так, в 1942 г. сберкассы провели работу по подготовке и размещению 2-й денежно-вещевой лотереи. При плане в 10000000 руб., сумма составила свыше 22000000 руб. Кроме того, было реализовано билетов на 3000000 руб. наличными. Всего было размещено свыше 22000000 руб. и обеспечен полный сбор средств по подписке. Во втором полугодии было организовано возобновление подписки на военные займы по новому месту работы. Сберкассы приняли деньги у 42000 человек на сумму 10790000000 руб. [12, л. 10 об.] В 1943 г. сберкассы перевыполнили план по привлечению вкладов на 79%. То есть вместо 16000000 руб. по плану, сберкассы удалось собрать 28688000 руб. Достижению таких результатов способствовали, в частности, 5500 бесед и докладов о роли и значении госзаймов, с которыми сотрудники выступали на ленинградских предприятиях. Чаще всего сотрудники сберкасс приходили в организации или домохозяй-

ства, где прямо на месте выплачивали выигрыши по займам и заодно проводили агитационные и разъяснительные беседы. Как правило, те мероприятия заканчивались новым приливом вкладов [13, л. 46-47].

Злоупотребления служебным положением сотрудников кредитных учреждений города были в период блокады относительно невелики [2, л. 13, 14]. В 1943 г. они составили около полумиллиона руб. [13, л. 46] То были хищение наличных денег на сумму 219733 руб. 30 коп., хищение облигаций – 9636 руб. 60 коп., злоупотребления по вкладным операциям – 170914 руб. 26 коп., просчеты кассиров по операциям с наличными деньгами – 20381 руб. 21 коп. Переплата по операциям составила 37603 руб. 03 коп. [13, л. 46]

На протяжении всего периода блокады руководство банков старалось проявлять заботу о своих подчиненных. Так, в Ленинградской городской конторе Госбанка Фрунзенского района для выявления бытовых нужд молодежи была организована бригада из пяти человек. Они были обязаны изучать бытовые условия комсомольцев и молодежи и оказывать возможную помощь нуждавшимся в ней (посещать их на дому, беседовать с молодежью, оказывать материальную помощь и др.). Группе молодых сотрудников в составе четырех человек было поручено заниматься организацией общежития при конторе [4, л. 1 об., 2].

Многие кредитные учреждения в Райсовете получали разрешение на использование земельных участков в городе для разведения огородов [4, л. 4; 14, л. 1 об.; 15, л. 2]. Райздравотдел выделил сотрудникам этой конторы определенное количество мест для размещения заболевших и ослабших коллег в больнице [4, л. 5]. С начала войны в армию ушло из конторы 234 сотрудника. За 1943-1944 г. контора оказала материальную помощь их семьям в размере 25450 руб. Руководство конторы распорядилось заплатить из собственных средств за путевки в лагеря для детей военнослужащих 1830 руб., выдать 170 промтоварных ордеров, оказать медицинскую помощь, поместить нуждавшихся в лечении в больницу, направить в дом отдыха двух подростков [16, л. 26].

За зиму 1941-1942 г. операционное здание, жилой фонд и система канализации городка НКФ СССР сильно пострадали из-за выхода из строя системы центрального отопления, запущенной канализации и значительной порчи водопроводной системы. К концу зимы санитарное состояние было угрожающим. Весной, начиная с марта, парторганизации Ленгорфо и Леноблфо обеспечили приведение территории и зданий городка в надлежащее состояние. Были очищены, дворы, лестницы, чердаки, канализации, исправлен водопровод, созданы

оборудованные общежития для бойцов команд МПВО. В зимний период 1942-1943 г. в связи с выходом из строя системы парового отопления, имевшиеся служебные помещения не могли быть пригодны для эксплуатации, многие сотрудники нуждались в предоставлении им квартир вблизи от места работы. Поэтому были проведены следующие мероприятия: переезд аппарата Горфо, Ленгоргосстраха, КРУ и управления Гострудсберкасс в отремонтированные, освященные, отопленные помещения; полный ремонт жилфонда; предоставление квартир и организация для сотрудников общежитий, подготовленных к зиме в зданиях городка НКФ СССР.

Из 50 сотрудников управления сберкассами в городке проживало 3 человека. Все жители городка были полностью обеспечены дровами. В помещении Ленгорфо в столовых осуществлялась выдача кипятка, так что все были полностью им обеспечены. Была оборудована комната на 4 человека для сотрудников, задерживавшихся на работе, или не имевших возможности по каким-либо причинам уйти с работы домой. Также в городке было организовано обслуживание сотрудников по ремонту обуви и стирке белья, действовала парикмахерская. В городке было общее огородное хозяйство, но в связи с постоянной утомляемостью мало кто на нем работал [12, л. 12, 13].

До октября 1943 г. при Ленгорфо работал штаб МПВО, объединявший все организации, находившиеся на территории городка и состоявшие из 6 команд, которые в свою очередь включали в себя 132 человека. Им вменялось в обязанности несение круглосуточного журдства [5, л. 44].

В 1943-1944 гг. в сберкассах не прерывалась работа по обучению и повышению квалификации персонала [13, л. 48].

Весь комплекс мер по обеспечению деятельности кредитных учреждений города позволил труженикам банков и сберкасс справиться с поставленными задачами и обеспечить в условиях блокады население и предприятия денежным довольствием в необходимых размерах. В этом проявился патриотизм служащих банков, с честью справившихся с возложенными на них обязанностями.

Литература и источники

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.). Ф. 1126; Ф. 1136; Ф. 1289; Ф. 9494; Ф. 2033; Ф. 7279; Ф. 9823.
2. ЦГА СПб. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 141.
3. Подсчитано на основе ЦГА СПб. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 151.
4. Центральный государственный архив Историко-политических документов Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА ИПД СПб.). Ф. 3856. Оп. 1. Д. 9 б.
5. ЦГА ИПД СПб. Ф. 3856. Оп. 1. Д. 16. Л. 46.

6. ЦГА ИПД СПб. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 11.
7. ЦГА СПб. Ф. 1853. Оп. 7. Д. 171.
8. ЦГА ИПД СПб. Ф. 1668. Оп. 2. Д. 1.
9. ЦГА ИПД СПб. Ф. 3856. Оп. 1. Д. 8.
10. ЦГА СПб. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 162.
11. ЦГА СПб. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 140.
12. ЦГА ИПД СПб. Ф. 1636. Оп. 1. Д. 8.
13. ЦГА СПб. Ф. 9823. Оп. 1. Д. 152.
14. ЦГА ИПД СПб. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 6.
15. ЦГА ИПД СПб. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12.
16. ЦГА ИПД СПб. Ф. 3856. Оп. 1. Д. 12.

*C. B. Федулов, B. Э. Руденко
S. V. Fedulov, V. E. Rudenko*

Патриотическое воспитание военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)

*Patriotic education of military personnel during the Great Patriotic War
(1941-1945)*

Аннотация. В статье кратко освещены основные направления деятельности руководства Советского Союза, командования армии и флота по патриотическому воспитанию военнослужащих в годы Великой Отечественной войны, которые носили систематический, целенаправленный и многоплановый характер.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотическое воспитание, военнослужащие, политическое управление, политический отдел, политработники.

Abstract: This article briefly outlines the main areas of activity of the Soviet Union leadership and the army and navy command in promoting patriotic education among military personnel during the Great Patriotic War, which were systematic, targeted, and multifaceted.

Keywords: Great Patriotic War; patriotic education, military personnel, political administration, political department, political workers.

Великая Отечественная война (1941-1945) была серьезнейшим испытанием советского народа, в ходе которой проявились лучшие качества его защитников – воинов армии и флота, а именно: воинская

добрость, мужество, самопожертвование, героизм, отвага. При этом особо следует отметить такое качество, как патриотизм, аккумулирующий любовь и преданность своему Отечеству, своему народу.

Работа по патриотическому воспитанию, организатором которой являлось руководство СССР, осуществлялась систематически и многопланово. Основным направлением данной работы было воспитание на традициях русского воинства, его полководцев и военачальников. Так, например, в кабинете Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина помимо портретов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в начале Великой Отечественной войны были размещены портреты А. В. Суворова и М. И. Кутузова.

Для награждения генералов, адмиралов, офицеров, красноармейцев и краснофлотцев, отличившихся в боях с немецко-фашистскими захватчиками, начиная с 1942 года были учреждены ордена: Александра Невского, Суворова, Кутузова I, II и III степеней, Богдана Хмельницкого I, II и III степеней, Нахимова, Ушакова I и II степеней, медаль Ушакова [1].

Вместе с тем, важнейшая роль в патриотическом воспитании руководством страны отводилась кинематографии. Накануне Великой Отечественной войны снимались кинофильмы об истории русского народа, исторических героях и полководцах: «Броненосец Потемкин» (1925), «Арсенальцы» (1925), «Мы из Кронштадта» (1936), «Балтийцы» (1937), «Александр Невский» (1938), «Великий гражданин» (1939), «Минин и Пожарский» (1939), «Щорс» (1939), «Суворов» (1940). Съемки аналогичных кинофильмов продолжались и в ходе войны, а именно: «Богдан Хмельницкий» (1941), «Валерий Чкалов» (1941), «Котовский» (1942), «Александр Пархоменко» (1942), «Царицын» (1942), «Кутузов» (1943), «Давид-Бек» (1943), «Иван Грозный» (1944), «Иван Никулин – русский матрос» (1944) [2] и другие. Демонстрация данных кинофильмов в воинских частях и на кораблях, в перерывах между боями и боевыми походами вызывала большой патриотический подъем у личного состава.

Следует отметить, что руководством страны к патриотическому воспитанию привлекались не только работники кинематографии. Уже 24 июня 1941 года на страницах центральных газет был напечатан текст песни «Священная война» выдающегося поэта В. И. Лебедева-Кумача, а композитором А. В. Александровым написана музыка к этой песне. В дальнейшем, на протяжении всей войны, центральные, армейские и флотские газеты публиковали стихи на патриотические темы как маститых, так и ранее неизвестных поэтов.

Важную роль в формировании патриотизма и высоких мораль-

но-боевых качеств личного состава играли выступления концертных бригад перед военнослужащими в период Великой Отечественной войны. Концертные бригады формировались как из актеров ведущих театров, так и создавались по итогам проведения смотров-конкурсов художественной самодеятельности флотов и фронтов. В репертуарах профессиональных концертных бригад преобладали классические произведения, отражающие героическое прошлое нашего народа. В свою очередь концертные бригады, составленные из непрофессиональных артистов-самородков, включали номера, направленные на организацию культурного досуга и организацию отдыха личного состава. Так, в заключительный концерт Краснознаменного Балтийского флота, состоявшийся в октябре 1943 года, были включены следующие номера: хоровое пение, дуэт аккордеонистов, ритмический вальс, оперная ария, чтец, народные песни, жонглер, ритмический фокстрот, пародийные частушки, ковбойский танец, театрализованная сценка, гимнасты на турнике, рассказ Зощенко, танец «Весенний вальс», песни, политические карикатуры, злободневные частушки, струнный ансамбль, цыганские романсы, краснофлотский перепляс [3].

Непосредственно работу по патриотическому и воинскому воспитанию в воинских частях и на кораблях осуществляли политические структуры. Руководили данной работой Главное политическое управление (Глав ПУ) РККА и Главное политическое управление (Глав ПУ) ВМФ СССР. Ими разрабатывались планы и основное содержание воспитательной работы, тематика и содержание мероприятий, направленных, в том числе, на патриотическое воспитание, в ходе которого, во-первых, воспитывалась вера в победу над немецко-фашистскими захватчиками и их сателлитами и справедливость борьбы за свободу и независимость Родины. Во-вторых, пропагандировалась экономическая и военно-политическая мощь Советского Союза. В-третьих, освещались боевые традиции народа, полководцев, героев, армии, флота. В-третьих, популяризовались подвиги военнослужащих.

Политические управления фронтов и флотов, выполняя указания Глав ПУ РККА и Глав ПУ ВМФ через политические отделы объединений и соединений осуществляли руководство работой по патриотическому воспитанию непосредственно в частях и на кораблях.

Особое внимание уделялось обучению политработников и актива низового звена (частей и кораблей). В ходе занятий с активом проводились лекции, освещавшие следующие вопросы:

- международное положение СССР в современных условиях;
- творчество советских писателей;
- деятельность полководцев и военачальников;

- ненависть к фашистским захватчикам;
- армия и флот в Великой Отечественной войне;
- итоги боевых действий с начала войны [4, с. 119].

Непосредственно с политработниками проводились занятия по основам марксизма-ленинизма, истории СССР, руководящим документам, истории армии и флота. Проводились лекции по следующим темам:

- основы марксизма-ленинизма;
- военно-политическое и экономическое положение СССР;
- военный, политический и экономический обзор стран-союзниц СССР и государств-противников;
- литературные произведения советских писателей;
- военная и военно-морская история;
- положение на фронтах и флотах;
- положение на театре военных действий [5, с. 131].

Занятия проводили лекторы политических управлений фронтов и флотов, представители политических отделов армий. Данные занятия и лекции способствовали получению новых и систематизации имеемых знаний политработников и актива. Полученные и систематизированные знания позволяли на высоком уровне осуществлять патриотическое и воинское воспитание личного состава частей и кораблей в ходе политических занятий с рядовым и сержантским составом, военно-политической подготовки офицеров, политбесед, политических информаций. В ходе данных занятий рассматривались темы: «Преимущество и незыблемость социалистического строя СССР», «Проблемы войны и мира», «Победы Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны», а также рассматривались задачи, стоящие перед личным составом.

Важное место в патриотическом воспитании занимали обобщение и пропаганда подвигов защитников Родины. Политическими отделами издавались бюллетени с боевым опытом отличившихся военнослужащих с описанием боевых эпизодов и результатов их боевой деятельности [4, с. 120]. Особая роль отводилась пропаганде подвигов Героев Советского Союза.

Важнейшим ресурсом патриотического воспитания в годы Великой Отечественной войны являлись фронтовые, флотские и армейские газеты, корреспонденты которых всегда были на передовой линии, вникали в боевую деятельность и быт военнослужащих. В них публиковались сводки Совинформбюро, статьи, освещавшие боевую деятельность частей и подразделений, подвиги военнослужащих, очерки о традициях русского воинства, тексты песен, стихи. Военнос-

лужащие хранили вырезки с изданными материалами. В соединениях политическими отделами выпускались радиогазеты, в которых освещались успехи боевой деятельности соединений и частей, выступления отличившихся военнослужащих, граммофонные записи [4, с. 121-122]. В свою очередь, в воинских частях осуществлялся выпуск стенной печати. При этом одной из основных задач средств массовой информации являлось патриотическое воспитание военнослужащих.

Таким образом, патриотизм, присущий нашему народу, приобрел особую актуальность в годы Великой Отечественной войны. Развитию системы патриотического воспитания руководство страны, командование армии и флота уделяло первостепенное внимание. Развитие данной системы носило систематический и многоплановой характер и стало одним из духовных источников Великой Победы.

Литература и источники

1. Ордена и медали, учрежденные в 1941-1945 гг. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/ordena-i-medali-uchrezhdennye-v-1941-1945-gg/ (дата обращения 13.10.2025).
2. Советские исторические фильмы - советские фильмы - Кино-Театр. Ру. URL: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/g12/ussr/m28/> (дата обращения 13.10.2025).
3. Художественная самодеятельность в годы войны. URL: https://studopedia.su/7_32756_hudozhestvennaya-samodeyatelnost-v-godi-voyni.html (дата обращения 28.02.2025).
4. Федулов С., Тарасов А., Муксинов К. Политическая работа в авиационных частях в битве за Ленинград. // КЛИО. 2025. №9 (225). С. 117-123.
5. Федулов С., Тарасов А., Соловьев Д. Политическая работа на Бригаде подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота (1944). // КЛИО. 2025. №4 (220). С. 129-134.

A. M. Войнов, B. B. Оточкин
A. M. Voinov, V. V. Otochkin

Духовные факторы победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): к историографии вопроса

Spiritual Factors of Victory in the Great Patriotic War (1941-1945): To the Historiography of the Issue

Аннотация. В статье рассматривается историография исследования духовных факторов победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.) в пе-

риод с 50-х до 2000-х годов, заложивших фундамент современных подходов к изучению этой важнейшей темы. Это важно и актуально при построении методологии изучения этой проблемы в свете сложившихся современных реалий во время проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: массовый геройзм, духовный фактор, история Великой Отечественной войны, историография, моральный облик.

Abstract. The article examines the historiography of the study of spiritual factors of victory in the Great Patriotic War (1941–1945) in the period from the 1950s to the 2000s, which laid the foundation for modern approaches to the study of this important topic. This is important and relevant when building the methodology for studying this problem in the light of the current modern realities during the special military operation.

Keywords: mass heroism, spiritual factor, history of the Great Patriotic War, historiography, moral factor.

В работах по истории Великой Отечественной войны содержится огромный массив информации о ее народном характере, о массовом героизме, проявленном советским народом в военных событиях и в различных сторонах жизни и деятельности.

В российской исторической науке значимое место занимают вопросы изучения духовного облика народа, его массового сознания в войне, морально-политического единства советского общества, дружбы народов, других условий и факторов достижения победы.

В историографии Отечественной войны в рассматриваемый период существует деление на два периода. По мнению исследователей М.С. Плетушкова и А.С. Якушевского первый период продолжался с момента окончания Великой Отечественной войны до второй половины 80-х годов. Второй период, постсоветский, начался с провозглашения перестройки и гласности [1]. На наш взгляд, современный период, в новейшей истории, начавшийся в двухтысячных годах и продолжающийся по настоящее время, еще ждет своих исследователей.

Для исторических исследований и литературы первого периода было характерно подчинение государственной идеологии и политике, определенная задогматизированность и выделение преимущественно положительных аспектов и итогов. Формировалась в определенной степени «сглаженная» версия истории войны [2].

Однако было бы не научно и безнравственно отрицать многое положительное, что было сделано в изучении проблем формирования духовного фактора в Великой Отечественной войне в 40 - 80-е годы. Работы этого периода внесли большой вклад в накопление и расширение историографической и источниковой базы, раскрытие содержания военных событий. Они дали объективную оценку многим сложнейшим страницам противоборства с захватчиками, ввели в научный

оборот обширный документальный материал, сформировали многие научные идеи, выводы и оценки.

Это, конечно, такие фундаментальные труды по истории Великой Отечественной войны А.М. Самсонова, Г.А. Куманева, В.Т. Анискова, В.А. Ежова, А.В. Митрофановой, Г.Л. Соболева и работы других авторов, посвященные проблемам борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Решая свои задачи, авторы затрагивали меры руководства страны по поддержанию морального духа народа, формированию духовных факторов победы, характеризовали их состояние и проявления. В шестой том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» (История Великой Отечественной войны Советского Союза. – М., 1965. Т. 6. С. 151–172) включен раздел, посвященный духовному облику советского народа. Выполненные на большом документальном материале, эти труды сохраняют свое значение и в настоящее время.

В первом периоде сравнительно больше внимания массовому сознанию и духовному облику уделяется в трудах, посвященных идеологической деятельности КПСС в годы войны. Историки дали историографический анализ исследований идеологической, агитационно-пропагандистской и массово-политической работы партийных и государственных органов и организаций. Выделим работы Г.Д. Комова, В.Н. Маина, Н.А. Горохова и других [3]. Исследователи изучили идеологическую, агитационно-пропагандистскую работу и в советском тылу, среди рабочих промышленных (оборонных) предприятий и тружеников сельского хозяйства, интеллигенции, старшего поколения и молодежи, населения оккупированных и освобожденных территорий, отдельных регионов страны. На архивных документах, материалах периодической печати, свидетельствах очевидцев воссоздали яркую и убедительную картину мужества и героизма, раскрыли духовные факторы как источники самоотверженности и патриотизма советского народа.

В работах этого направления преимущественно выделяются усилия государственных органов власти, направленные на разъяснение характера войны и укрепление дружбы народов, на разоблачение врага и воспитания ненависти к нему, мероприятия по укреплению патриотизма и интернационализма.

Значительный вклад в разработку теоретико-методологических проблем моральных сил внесли работы Д.А. Волкогонова [4]. Он выделял два уровня в моральном факторе – рационально-идеологический и общественно-психологический, подчеркивал и доказывал решающее значение первого. Исследуя развитие военно-этической

мысли в годы войны, моральный фактор как специфическое проявление общественного сознания, определяющую роль в формировании духовных сил народа и армии автор отводил идеологической работе КПСС.

Вместе с тем следует отметить, что социальные, психологические, ментальные условия и особенности оказывают огромное воздействие на позиции и деятельность, как отдельных людей, так и целых слоев населения, всего народа. Без учета этого сложно понять и правильно объяснить события и явления, процессы характерные для индивидуального и массового сознания военного времени. В исследованиях и исторической литературе первого периода, до начала 90-х годов освещались лишь отдельные аспекты этой важной проблемы.

Второй этап отечественной историографии войны начинается после кардинальных преобразований в политической, социально-экономической структурах нашего общества. Традиционные исследовательские концептуальные схемы, основанные на постуатах марксистской теории, претерпели значительные изменения. Появились другие подходы, получили известность положения зарубежной исторической науки. Свобода и плюрализм мнений и концепций сыграли свою позитивную роль в стимулировании научных дискуссий. Однако, вместе с тем наметилась тенденция некритического восприятия, проявления исторического нигилизма, а в ряде случаев и фальсификации истории научного подвига. Внимание исследователей привлекли те проблемы и сюжеты войны, которые в предшествующий период не изучались, а нередко и не выдвигались. Расширилась, стала более доступной источниковая база исследований, больше стало публиковаться документов личного происхождения, которые полнее доносят до нас внутренний мир людей, их настроения, социально-психологическую и духовную атмосферу того времени.

Монография Л.М. Савушкина посвящена проблемам и противоречиям идеологии советского тыла 1941-1945 годов [5]. Она представляет собой одну из первых попыток в условиях отсутствия идеологического диктата, на большом фактическом материале проследить в обществе военного времени развитие демократической и авторитарной тенденций. В работе анализируются задачи, формы и методы идеино-политической работы в тылу, среди рабочих и жителей села.

Глубиной анализа, обоснованностью выводов и заключений заметно выделяется монография В.Т. Аникова [6]. Исследование охватывает все стороны жизни и деятельности крестьян в годы войны, содержит анализ их взаимоотношений с партией и государством, мотивации поведения поступков. Отдельная, 3-я глава посвящена быту

и духовной жизни деревни военного времени. Автор отмечает, что война потребовала «круто перестроить и даже изменить весь уклад жизни нашего народа, подчинить интересам фронта не только материальные, а и моральные силы людей, их культуру, не только вековое, российское, христианское, но совершенно новое, манящее, советское» (с.174) и приходит к выводу о том, что не бездумный фатализм, а патриотизм и жертвенность, как духовные факторы, стали одними из определяющих источников Победы.

Заслуживает внимания монография Н.И. Кондаковой и В.Н. Майна «Интеллигенция России 1941-1945 гг.», которая посвящена изучению духовно-идеологического фактора победы через деятельность российской интеллигенции. Авторы выяснили содержание понятия «духовная культура», раскрыли роль интеллигенции в формировании духовно-идеологической атмосферы на фронте и в советском тылу, ее вклад в идейно-политическую борьбу с фашизмом и возрождение духовной жизни на освобожденной территории.

В рассматриваемый второй период проблемная тематика истории Великой Отечественной войны обновилась, стали разрабатываться новые темы, классовые и государственные интересы все явственнее уступают приоритет ценностям гуманистическим, общечеловеческим.

Анализ историографии рассматриваемого периода вооружает историков и читателей новыми подходами к решению источниковедческих проблем. Побуждает к нетрадиционным суждениям, нестандартным оценкам и обобщениям, возрастанию, что особенно важно, интереса к человеку на войне.

Изучение общественного сознания, духовных сил народа, анализ роли социальной психологии масс, социально-психологических и идеологических явлений, убеждений и позиций людей, являются одним из важнейших направлений исследования истории Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Плетушкин, М.С., Якушевский, А.С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (Историография) – М., 1995. С.3.
2. Самсонов А.М. Недостойные методы в спорах с инакомыслящими // Вопросы истории. 1989. № 11. С.178.
3. Комов, Г.Д. На идеологическом фронте Великой Отечественной...1941-1945. – М., Наука. 1983. 136 с.; Майн, В.Н. Историко-партийная литература об идейно-политической работе КПСС с интеллигенцией в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1980. № 10; Горохов, Н.А. Идеологическая работа Коммунистической партии на фронте в годы Великой

- Отечественной войны // Вопросы истории КПСС. 1984. № 5.
4. Волкогонов Д.А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 24.; Он же. Воинская этика. М.: Воениздат, 1976. 96 с.; Он же. Феномен героизма. О героях и героическом. – М.: Политиздат, 1985. 86 с.
5. Савушкин, Л.М. Идеология советского тыла: проблемы и противоречия 1941-1945 (Опыт деятельности партийных организаций тыловых районов РСФСР). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990.
6. Аников, В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1993. 245 с.

*E. A. Головин
E. A. Golovin*

«Сталинская забота» о работниках транспорта как фактор формирования патриотизма

“Stalin’s concern” for transport workers as a factor in the formation of patriotism

Аннотация. В статье характеризуются основные направления ведомственной социальной политики на железнодорожном транспорте, реализация которых нашла отражение в решениях профсоюзных органов Московско-Курской железной дороги за 1945 год. Показано влияние мер материального и морального стимулирования на формирование патриотизма.

Ключевые слова: Московско-Курская железная дорога, социальная политика, рабочее снабжение, жилищное строительство, удовлетворение потребностей.

Abstract. The article describes the main directions of departmental social policy in railway transport, which were reflected in the decisions of the trade union bodies of the Moscow-Kursk Railway in 1945. The article shows the impact of material and moral incentives on the formation of patriotism.

Keywords: Moscow-Kursk Railway, social policy, working supplies, housing construction, and meeting needs.

В 1930-е гг. на отечественном железнодорожном транспорте сложилась система социальной поддержки работников, которая обеспечивала удовлетворение повседневных потребностей специалистов, выполнявших профессиональные функции, связанные с обслуживанием стратегически важной для жизнеобеспечения советского государства.

дарства отрасли производства.

Для тружеников железных дорог были созданы ведомственные механизмы медицинского, торгового и бытового обслуживания, организовано общественное питание на предприятиях, действовали образовательные и культурно-просветительские организации различного уровня, осуществлялось строительство и распределение жилья [1].

Реализацией отраслевой социальной политики занимались не только административные структуры Наркомата путей сообщения, но и профсоюзные организации предприятий железнодорожного транспорта. Именно профсоюзные активисты занимались контрольно-распорядительной деятельностью, направленной на решение задач по созданию достойных условий труда в производственных коллективах.

Даже в условиях военного времени социальная защита железнодорожников, обеспечивавших транспортировку материальных и людских ресурсов оборонного значения, не прекращалась.

Так, на II пленуме Дорожного совета профсоюзов (Дорпрофсожа) Московско-Курской железной дороги, состоявшемся 26-27 июня 1945 г., отмечалось, что «Сталинская забота о работниках транспорта как в годы мирного труда, так и в годы Великой Отечественной войны повседневно чувствуется в повышении заработной платы, улучшении снабжения и питания, расширении подсобных хозяйств, развитии индивидуального коллективного огородничества, строительстве и ремонте рабочих жилищ, культурно-бытовых учреждений» [2, л. 1].

За годы Великой Отечественной войны на Московско-Курской железной дороге было введено в эксплуатацию во вновь построенных и восстановленных домах 26 451 квадратных метров жилой площади. В 1945 г. на жилищное строительство было отпущено 3700 тыс. рублей [2, л. 1]. Значительный объем работ выполнили транспортные строители по восстановлению, капитальному и текущему ремонту жилищ, бань и других коммунальных и культурно-бытовых предприятий.

За время войны для восстановления здоровья в отраслевые санатории и дома отдыха удалось направить 459 железнодорожников. Только в 1944 г. в ведомственных пионерских лагерях и на оздоровительных площадках отдыхало 3872 чел., из них 1472 – дети фронтовиков и 126 сирот; 605 семей получили материальную помощь на сумму 151 307 рублей. В 1945 г. более 5 тыс. детей железнодорожников смогли отдохнуть в пионерских лагерях. Культурные потребности работников Московско-Курской ж.д. обслуживали 10 киноустановок, 7 радиоузлов, 10 библиотек, 94 коллектива художественной самодеятельности [2, л. 6].

В рамках совершенствования торгового обслуживания, организации питания и общественного контроля над работой столовых, магазинов и подсобных хозяйств на дороге предполагалось заслушать доклады начальников отделов рабочего снабжения (ОРС) по вопросам основной деятельности, организовать их проверку профсоюзовыми органами.

Президиуму Допрофсожа, райпрофсожам и месткам предписывалось в их повседневной практической работе особое внимание уделять жилищному и культурно-бытовому строительству, установить постоянный контроль за ходом нового жилищного строительства, восстановления жилищ, капитального и текущего ремонта. Принимать активное участие в комиссиях по приемке домов, распределении жилфонда и кредитов на ремонт и жилищное строительство.

На райпрофсожи и месткомы возлагалась обязанность оказывать практическую помощь индивидуальным застройщикам из числа железнодорожников в оформлении получения кредитов, земельных участков и потребовать от начальников хозяйственных единиц неуклонного выполнения постановления СНК СССР от 29 мая 1944 г. и приказа НКПС № 475/ЦЗ об оказании практической помощи начальниками хозяйственных единиц строительными материалами, транспортом для перевозки их, рабочей силы, не допуская затягивания строительства домов застройщиками [2, л. 1].

Проблемы продовольственного обеспечения железнодорожников предполагалось решить через ужесточение контроля комиссий по рабочему снабжению при райпрофсожах над распределением фондов продовольственных товаров по точкам торговли, общественного питания и государственного снабжения [4, с. 44]. В свою очередь, местным комитетам и огородным комиссиям предлагалось добиться дальнейшего повышения урожайности индивидуальных коллективных огородов, оказать практическую помощь железнодорожникам в развитии садоводства, увеличении поголовья и продуктивности скота и птицы, находящихся в их личном пользовании, а также дальнейшего расширения пчеловодства.

Перед руководителями ОРСов и хозяйственных единиц ставилась задача расширения сети сапожных, швейных, трикотажных и других мастерских, улучшения их работы, а также организации на предприятиях изготовления из отходов производства предметов широкого потребления, а от представителей профсоюзных органов требовалось установить контроль за расширением сети мастерских бытового обслуживания и их работой [2, л. 2].

Каждая профсоюзная организация несла ответственность за чут-

кое и внимательное отношение к запросам семей погибших воинов, военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны, оказывая нуждающимся материальную помощь, содействие в трудоустройстве, повышении квалификации, ремонте и строительстве индивидуальных домов [2, л. 3].

Наряду с позитивными достижениями в социальном обслуживании железнодорожников, выявлялись и серьезные проблемы, изжить которые не удавалось на протяжении всего периода функционирования системы. Так, в общежитиях работников станций Москва-Горьковская и Москва-2, Ореховской и Дубненской дистанций пути, паровозных депо Тула, Белев, Орел и других отмечались антисанитарное состояние и некомплект постельных принадлежностей, отсутствие необходимой мебели и посуды. Проверявшие эти объекты общественные контролеры указывали, что «не создавая нормальных жилищно-бытовых условий рабочим, проживающим в общежитиях, они не способствуют повышению производительности труда и безаварийной работе, создают законные возмущения рабочих» [2, л. 14].

Особое место в бытовом обслуживании железнодорожников занимали бани. Секретариат ВЦСПС постановлением от 22 февраля 1945 г. обязал профсоюзные организации добиться нормальной и бесперебойной их работы, установить контроль за работой бани, душевых, санпропускников, дезкамер, не допуская перебоев. На Московско-Курской дороге в 1945 г. имелось 55 бань, работавших с перебоями в Курске, Орле, Подольске, Скуратово, Железнодорожной, Горбачево, Паточной. Здесь фиксировалась антисанитария, нерегулярная подача горячей воды, отсутствие потребного количества тазов и продажи мыла по 25 гр. нормативам. Низкое качество банно-прачечных услуг способствовало распространению гнойничковых заболеваний (4698 случаев за 1944 г., или 36409 человеко-дней нетрудоспособности). Имелись серьезные нарекания и к работе парикмахерских, организованных ОРСами, в отдельных из них отмечались грязь, отсутствие элементарного уюта, дефицит белья, дезинфицирующих средств и одеколона [2, л. 16].

Формированию патриотического мировоззрения железнодорожников были призваны способствовать не только меры материального стимулирования. Моральная поддержка ударного труда на транспорте осуществлялась через систему наград и почетных званий, поощрение стахановского движения и социалистического соревнования [3]. Немалое значение в результативности такого подхода имело повышение идеино-политического уровня работников и активизация культурно-массовой работы в коллективах, расширение агитационно-идео-

логического воздействия и пропаганды естественно-научных, а также технических знаний, методов работы новаторов транспорта и их последователей. В клубах и красных уголках предприятий ж.д. транспорта, на страницах дорожных периодических изданий регулярно отражались ход социалистического соревнования, оформлялись доски почета стахановцев и передовых рабочих и служащих производства, итоги производственных показателей, в помещениях клубного типа проводились вечера и конференции по обмену опытом работы и организации культурного отдыха железнодорожников и членов их семей. Перечисленные выше меры предусматривались постановлением коллегии НКПС и ЦК Профсоюзов от 3 августа 1944 г. «Об улучшении культурно-просветительной работы на ж.д. транспорте» [2, л. 4].

Таким образом, меры, предпринимаемые государственными, отраслевыми, партийными и профсоюзными органами по отношению к работникам железнодорожного транспорта, реализуя ведомственную социальную политику, укрепляли патриотическое сознание трудающихся. В условиях военного времени советские железнодорожники на практике ощущали заботу о них, стремясь в ответ добиваться ожидаемых производственных показателей. В то же время, отраженные в архивных документах факты нарушений и злоупотреблений, имевшие место со стороны снабженческо-обслуживающих структур, снижали эффективность реализуемой социальной политики, что ставило под сомнение авторитет государственных и общественных институтов.

Литература и источники

1. Головин Е.А. Социальная политика на отечественном железнодорожном транспорте: исторический опыт и современность // Личность. Общество. Государство: проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2024. С. 152-156.
2. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. Р-2760. Оп. 1. Д. 15.
3. «Прославил труд страну свою и время...»: социалистическое соревнование на железных дорогах курского региона в 1930-е – начале 1940-х гг. / Авт. Кол.: В.В. Коровин, А.Н. Манжосов, Е.А. Головин, В.А. Беспалов, П.С. Потапенко. Курск: Университетская книга, 2025. 158 с.
4. Головин Е.А. «Обеспечить бесперебойное снабжение качественными товарами в полном ассортименте...». Документы РГАЭ об организации ведомственной торговли на железнодорожном транспорте. 1950-1951 гг. // Исторический архив. 2024. № 1. С. 42-50.

A. N. Злобин
A. N. Zlobin

Отношение рабочих и колхозников Центрально-Чернозёмной области к официальной идеологии советского патриотизма

The attitude of workers and collective farmers of the Central Chernozem region to the official ideology of Soviet patriotism

Аннотация. В статье рассказывается о восприятии крестьянами и рабочими ЦЧО идеологем советской пропаганды в условиях ускоренной коллективизации, трудностей снабжения и низких доходов. В работе исследуются разные точки зрения на мероприятия советской власти и коммунистической партии, подчёркивается сложность настроений, выражавшихся в поддержке одних идеологем и отрицании других.

Ключевые слова: коммунистическая идеология, советский патриотизм, крестьянство, пролетариат.

Abstract. The article describes the perception of the ideology of Soviet propaganda by the peasants and workers of the Central African Republic in conditions of accelerated collectivization, supply difficulties and low incomes. The work explores different points of view on the activities of the Soviet government and the Communist Party, emphasizing the complexity of sentiments expressed in support of some ideologies and denial of others.

Keywords: communist ideology, Soviet patriotism, peasantry, proletariat.

Многие крестьяне в условиях ускоренной насильтственной коллективизации высказывали негативные мнения по отношению к советской власти и проводимым ей мероприятиям. Некоторые, в основном те, кто приобрели определённые выгоды в первые годы советской власти, столкнувшись с перегибами коллективизации высказывали сложные позиции. Некто Гусков в заметке «Голос народа. В плена в своём Отечестве» поёт хвалебные дифирамбы в адрес В.И. Ленина: «Нам всем известно, да и всему пролетарскому миру, что сделал наш незабвенный, наш дорогой и славный вождь Владимир Ильич. Он всю жизнь трудился для нас и безвременно лишился её среди трудов своих, он, так сказать, отобрал царскую власть и отдал народу. И теперь каждым шагом, каждым своим действием мы должны помнить, кому мы обязаны, благодарить и почитать его память...» [1].

При этом к партийным начальникам низового звена крестьянские корреспонденты относятся с недоверием, считают их карьеристами, заботящимися только о собственном благополучии, глупыми и безответственными людьми, которые, злоупотребляя своим положением, наносят вред делу строительства социализма. Как отмечает П.В.

Загоровский: «чертой общественного сознания сельского населения ЦЧО стало открытое недовольство советской властью. Крестьянство противопоставляло себя органам власти на местах, традиционно воспринимая их как инструмент государственного насилия» [2, с.39].

Гуськов пишет: «Но люди выборные, стоящие на страже у нашей власти не пользуются его указаниями и довели страну до разорения, водворили полную разруху и голод во всех продуктах, ни одежды, ни обуви, ни пищи. Прислушайтесь какие каждый день стоны и вопли от этого ужасного голода, притеснения и издевательства и вы поймёте весь ужас нашего общего бедняцкого положения. Но наши правители стоящие у власти, не хотят прислушиваться, а воображают, что они творят великое социалистическое строительство, что они действуют по Ленински. Товарищи, представители Советской власти. Куда вам действовать по Ленински, не с вашими барабанными головами так действовать, как действовал Ленин, вы старайтесь только работать по его указанию, как он приказывал и то будет отлично...» [3].

По справедливому замечанию П.В. Загоровского: «негативное отношение к существующей власти проявлялось и в позиции рабочих, сохранявших тесные связи с деревней» [2, с.40].

Недовольство тяжёлым материальным положением, солидаризуясь с крестьянством, высказывали и городские рабочие. Характерна реакция транспортников на волнения крестьян Купянского округа в 1930 г. Приведём некоторые характерные высказывания: «Скоро власть дойдёт до того, что крестьян и рабочих будут менять на собак, крестьяне правы, что восстали, им ничего за это не сделают, а даже наоборот, после восстания, начали доставлять на село кожу и другие товары, очевидно испугались».

«Если бы Сов власть не обижала крестьян, то они бы и не восставали, а то ведь крестьян совсем пообдирали, насильно гонят в колхозы для того, чтобы комиссарам с портфелями над кем было распоряжаться...как только создадутся колхозы, там появятся и портфели, а крестьяне будут гнуть свою спину, глупые мужики, кого то послушали, а теперь будут парится в ДОПРе»[4].

В частных разговорах часто встречалось мнение, что в прежние царские времена простому народу жилось лучше и богаче: «Это они какую-то новую утку подпускают, я им не верю, они на картинках показывают как раньше рабочим плохо жилось, да рабочих рисуют худыми...а вот сейчас посмотришь на рабочего – они как раз подходят под эту картинку, т.к. приходится покупать хлеба по 3 р.60 к.» [5].

Член партии Арельев Матвей, машинист депо Курск своему ребёнку (ученику ФЗУ №1 Курска) дома говорил: «Что вы нам поёте, при

царе лучше жилось, т.к. пирожное стоили 3 копейки, булок не поедали и всего было много, а вы нам тут пёёте другое» [6].

Интересны, зафиксированные в сводках ОГПУ 1933 г., высказывания работников транспорта. Один из них говорил: «Не знаешь как работать и что от тебя хотят, каждый день по новому, а толку всё меньше. Очень много развелось начальников, не знаешь чьи распоряжения выполнять...теперь всё время подтягивают, а пользы от этого слишком мало, раньше как не тянули работа шла лучше. Вообще с каждым годом работа на транспорте делается тяжелее, а условия работы всё не улучшаются, только слышишь со стороны администрации уволить, а со стороны МК исключить из членов союза, ожидай тут хорошей работы при таких отношениях к работникам. Администрация тебя жмёт на собраниях только и слышно поднять работу, поднять труддисциплину, как худую лошадь всё время кнутом стегают» [7].

«Теперь деньги имеют большую роль и их мало, заявляя, я такой коммунист, что к карьере не стремлюсь, а чтобы лезть дальше нужно обманывать быть нахалом, как делали все остальные коммунисты. Иметь ответработу я не хочу, т.к. будешь иметь выговора и другие наказания. Лучше работать без ответственности, отработал 8 часов и домой» [8].

Характерно, что в целом, несмотря на недовольство тяжёлым материальным положением многие крестьяне к советской власти и коммунистическим властям были настроены в целом положительно. Так селькор газеты «Новая деревня» И.Д. Тараторкин из села Крупино Орловского округа в письме главе области И.М. Варейкису писал: «Приветствую я всех областных сотрудников ВКП(б) советского аппарата. Я, дорогие товарищи, до некоторой степени обращаюсь ко всем Вам со своим отзывом, в том, что в нашей рабочей крестьянской стране является руководительницей рабочим крестьянским классом – партийная линия, которая своей организацией и своим руководством строит коммунистическое общество и социалистическое строительство к новым условиям жизни» [9].

Многие жители ЦЧО высказывали полное удовлетворение своей жизнью, советской властью и переменами, происходящими в государстве. При этом трудности, испытываемые другими людьми они считали надуманными, нуждающихся и недовольных обвиняли в лентяйстве и неумении пользоваться преимуществами советского строя. Так на совещании колхозниц в 1932 г. крестьянка Кривоплясова из Ендовищенского района говорила: «некоторые колхозники здесь говорили, что сидят голодные. Это позор говорить. Мы снабжаем свои ясли овощами, мы продали овощей на 18 тысяч рублей. Всем не секрет, что

теперь даром никто не даёт... если здесь говорили, что сидят с голоду, то извините за грубое выражение их гнать, у них пропал хлеб [10].

Значительное количество колхозников искренне поддерживали колхозный строй и советскую власть, связывали с ними свои надежды на лучшее обеспеченное будущее. Приведём ряд характерных высказываний: «Все колхозы по советскому Союзу представляют одну семью и если один колхоз управлялся с работой, а другой нет, то ему надо помочь»; «Одну пятилетку мы пережили, а другая для нас не страшна, лишь бы не поддаваться подпевалам, которые до настоящего момента нашёпывают в уши»; «Да здравствует Советская власть. Да здравствует Коммунистическая партия и её вождь тов. Сталин» [11].

Среди лояльного советскому строю населения, как отмечает А. Лившин: «часто встречается требование не смягчать, а ужесточить политику, применять массовое насилие по отношению к кулакам и всем иным антисоветским элементам» [12, с.298,300]. Например, крестьянка Кастронова из Кастренский района говорила: «у нас есть вступившие в колхоз, что у него нога в колхозе, а голова у буржуазного класса и я бы просила, чтобы нам помогли вычистить таких и дать полётный билет из нашего колхоза. Я знаю, что у каждого сердце наболело и каждому известно, что сделано не хорошо, но выходили и говорили, что наши колхозы растут на все 100 %. А ведь это не верно, ведь есть вредители, есть многие в агитационном порядке, есть в животноводстве у них недокорм, тут не докормил, не допоил, а говорят всё гладко и хорошо. И вот возьмите, мы вычищаем негодные элементы, кулаков, наша высшая власть приходит на разбор, разбирают, мы указываем причины, что кулаки посевкампанию сорвали...нам говорят: нет, товарищи, давайте работать дальше. И вот опять они кулаки входят в колхоз и в коммуну. А я просила бы, чтобы их ликвидировали как класс, чтобы им дали полётный билет туда где дубы пилият» [13].

Зачастую проявлявшееся человеческое отношение органов советской власти к людям, возможность добиться восстановления справедливости на разных уровнях руководства укрепляли авторитет коммунистической партии, повышали её легитимность в глазах граждан.

И если многие видели в колхозах новую барщину и крепостное право, то другие им возражали: «но нас барин не учил, он не рассказывал нам как надо ухаживать за хозяйством, а говорил, что вам нечего учиться знай работай на поле, а нам теперь говорят пожалуйста учись...мы женщины увидели жизнь только на колхозном хозяйстве» [14].

Большое количество заводских рабочих также связывало с советской властью свои личные перспективы, жизненные и карьерные

планы. Как отмечает Ш. Фицпатрик: плодом программы выдвижения пролетариев на должности «стала целая когорта инженеров, управленицев и партийных чиновников – выходцев из низов, чувствовавших себя “молодыми хозяевами” Советского Союза и всегда готовых благодарить Сталина и революцию за выпавшую им удачу» [15, с.105]. Рабочий завода им. Тельмана на одном из совещаний, думается совершенно искренне, говорил: «мы видим, что если мы на нашем заводе добились улучшения бытовых вопросов, то мы имеем такой подъём среди рабочих, что они говорят, что они видят. Что на их глазах происходит бурный рост. Рабочие видят, что их дети, комсомол занимают передовые шеренги, занимают большие посты и тем самым рабочие видят. Что дело их в надёжных руках. Да здравствует наш великий Ленинец тов. Сталин!» [16].

Литература и источники

1. ГАОПИ ВО (Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области) Ф. 2. Оп.1. Д.501. Л.50.
2. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Чернозёмной области: 1928-1934 гг. Воронеж: ВГУ. 1995. 148 с.
3. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.501. Л.50-51.
4. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.971. Л.56.
5. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.1979. Л.86.
6. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.1979. Л.109.
7. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.2473. Л.80.
8. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.2473. Л.82.
9. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.501. Л.32.
10. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д. 2131. Л. 31-32.
11. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д. 2131. Л. 14, 40.
12. Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН: Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 344 с.
13. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.2071. Л.41.
14. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.2131. Л. 31-32.
15. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН. 2008. 336 с.
16. ГАОПИ ВО Ф. 2. Оп.1. Д.2135. Л.55.

В. Д. Климов

V. D. Klimov

Научный руководитель: **Н. А. Шабельникова**,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный сотрудник
органов внутренних дел Российской Федерации

**Периодическая печать как источник в изучении деятельности
органов внутренних дел по противодействию преступности на
юге Дальнего Востока России (1991-2011 гг.)**

*Periodicals as a Source for Studying the Activities of Internal Affairs
Agencies to Combat Crime in the Southern Russian Far East (1991-2011)*

Аннотация. В статье на основе анализа материалов федеральной и региональной периодической печати исследуются источники информации о деятельности органов внутренних дел по противодействию транснациональной преступности на юге Дальнего Востока России в период 1991–2011 гг. Рассматриваются основные направления борьбы с преступной деятельностью и реконструируется образ сотрудника милиции. Отмечается значительный потенциал прессы как исторического источника, а также необходимость её изучения в связи с пропагандистской составляющей, цензурой и трудностями верификации.

Ключевые слова: органы внутренних дел, Дальний Восток, транснациональная преступность, периодическая печать, региональные СМИ.

Abstract. This article examines sources of information on the activities of law enforcement agencies to combat transnational crime in the southern part of the Russian Far East from 1991 to 2011, based on an analysis of federal and regional periodicals. The article examines the main areas of combating criminal activity and reconstructs the image of the police officer. It notes the significant potential of the press as a historical source, as well as the need for critical analysis due to its propaganda component, censorship, and difficulties in verification.

Keywords: internal affairs agencies, Far East, transnational crime, periodicals, regional media.

Период с 1991 по 2011 год стал для России временем глубоких и тяжелых трансформаций, которые довольно остро отражались на периферийных регионах, таких как юг Дальнего Востока. Прекращение существования СССР и последующее «открытие» границ привели к взрывной активизации преступности [1, 2]. Изучение противодействия этому вызову со стороны органов внутренних дел требует привлечения различных источников, среди которых особое, хотя и недооцененное, место занимает периодическая печать, посвященная работе правоохранителей. Данная статья рассматривает эти материалы как ценный ресурс для исторического анализа, позволяющий реконструировать как образ сотрудника органов внутренних дел, так и ответные меры

государства на новые вызовы.

Периодическая печать в контексте данного исследования рассматривается как комплексный источник, позволяющий реконструировать деятельность органов внутренних дел в период трансформаций. При этом понимание её роли и функций в научной литературе неоднозначно: для одних исследователей это оперативность обнародования информации (с уточнением, что данное качество относится лишь к газетам) [3, с. 191], для других – «осведомление современников о наиболее важных событиях и явлениях действительности» [4, с. 7], для третьих – функциональное назначение, то есть «организация (структурообразование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности...»[5, с. 452]. Учёт этого многообразия подходов позволяет критически оценивать материалы прессы, выделяя не только фактологическую составляющую, но и элементы государственной риторики, пропаганды и формирования общественного мнения.

Вышеуказанные материалы можно разделить на несколько групп:

- фиксация конкретных событий и операций, а именно репортажи о задержаниях, ликвидации каналов контрабанды, задержании преступных группировок предоставляют;
- реконструкция методов работы ОВД: через описание оперативно-розыскных мероприятий можно проследить эволюцию международного сотрудничества в области борьбы с транснациональными угрозами;

- отражение публичной риторики государства: такие публикации формировали образ героя-милиционера, противостоящего организованной преступности, что также отражает публичную политику того времени. Этот образ был не просто инструментом пропаганды, но и отражением реального профессионального и патриотического долга сотрудников ОВД, которые в условиях ослабления государственных институтов и криминализации общества продолжали выполнять свою работу, защищая граждан и безопасность страны.

Анализ тематики публикаций позволяет выделить ключевые направления преступной деятельности, которые находились в рамках особого внимания ОВД и, соответственно, прессы:

- незаконный оборот наркотиков, в виде публикаций, посвященных переходу крупных партий наркотиков, которые демонстрируют масштабы проблемы и международный характер наркотрафика [6];

- незаконная миграция и торговля людьми, то есть сообщения о пресечении каналов нелегальной миграции и освобождении людей из рабства [7];

- контрабанда природных ресурсов. Юг Дальнего Востока богат лесными и биоресурсами. Публикации о борьбе с незаконной вырубкой леса и выловом рыбы указывают на попытки ОВД противодействовать истощению экономической базы региона [8, 9, 10, 11].

При изучении деятельности органов внутренних дел юга Дальнего Востока России по противодействию преступности за указанные период, огромное количество публикаций на данную тематику можно обнаружить в региональных газетах, таких как: «Золотой рог», «Утро России», «Тихоокеанская звезда», «Приамурские ведомости», «Амурская правда»

Несмотря на свой потенциал, этот источник требует критического подхода.

Публикации часто носили пропагандистский характер, замалчивая неудачи ОВД. Образ «героя» мог создаваться для поднятия престижа правоохранительных органов в периоды падения общественного доверия. С другой стороны, после «распада» СССР, некоторые независимые СМИ, получив возможность свободно выражать свое мнение стали публиковать провокационные статьи в адрес правоохранителей, зачастую, не подкрепляя это какими-либо фактами [12, с. 17].

Цензура и неполнота информации также встречались из соображений оперативной работы или для сокрытия будущих операций. Это не позволяет составить полную картину происходившего. Стоит отметить, что новостные сводки в периодической печати написаны авторами и проверены редакционным отделом, что может привести к искажению изначальной информации, так как присутствует фактор восприятия данных людьми через призму собственного мировоззрения. Не стоит и забывать про человеческий фактор и опечатки.

Также, встречаются и трудности верификации. Иногда факты, изложенные в прессе, нуждаются в перепроверке по другим типам источников — архивным документам ОВД, судебным делам, мемуарам.

Периодическая печать периода 1991-2011 годов представляет собой уникальный, хотя и сложный для интерпретации, исторический источник. Её комплексный анализ в комплексе с другими документами позволяет не просто восстановить хронику борьбы ОВД с преступностью на юге Дальнего Востока, но и понять, как государство через медийный дискурс пыталось осмыслить свои действия перед лицом новых, глобальных вызовов.

Литература и источники

1. Анализ преступности во Владивостоке: 1990-2000 гг. // Владивостокский центр исследования организованной преступности. [Электронный ре-

- cурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20180320143752/http://www.crime.vl.ru/index.php?p=5323&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more5323> (дата обращения: 18.10.2025).
2. Анализ преступности во Владивостоке: 1990-2000 гг. // Владивостокский центр исследования организованной преступности. [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20180320143752/http://www.crime.vl.ru/index.php?p=5323&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more5323> (дата обращения: 18.10.2025).
3. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Учеб. пособие. М., 1997. 191 с.
4. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2008. 398 с.
5. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.
6. В Хабаровске изъят крупный наркотрафик из Китая // Китайский информационный Интернет-центр. [Электронный ресурс]. – URL: <http://russian.china.org.cn/russian/280015.htm> (дата обращения: 19.10.2025).
7. Рабы восточного рынка // Российская газета. 2005. 3 ноября. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2005/11/03/raby.html> (дата обращения: 19.10.2025).
8. У терроризма нет национальности // Тихоокеанская звезда. 2002. 15 августа. [Электронный ресурс]. – URL: https://toz.su/newspaper/arkhiv/2002_08_15_u_terrorizma_net_natsionalnosti/ (дата обращения: 19.10.2025).
9. Полицейские всех стран, объединяйтесь! // Тихоокеанская звезда. 2001. 20 ноября. [Электронный ресурс]. – URL: https://toz.su/special_issues/arkhiv/2001_11_20_politseyskie_vsekh_stran_obedinyaytes/ (дата обращения: 19.10.2025).
10. Контрабанда древесины на Дальнем Востоке приобретает угрожающие масштабы // РИА Новости. 2004. 15 дек. URL: <https://ria.ru/20041215/760275.html> (дата обращения: 19.10.2025).
11. Проблемы освещения деятельности правоохранительных органов в независимых СМИ в 1990-е гг // SAF (PetrSU). [Электронный ресурс]. – URL: <https://saf.petrstu.ru/journal/article.php?id=8981> (дата обращения: 19.10.2025).
12. Кортун Е.А., Федирко О.П. Особенности дальневосточной региональной прессы 1990-х гг. на примере газеты «Дальневосточный Комсомольск» // KANT: Social science & Humanities. 2024. №4(20). С. 16-22.

E. С. Ширина

E. S. Shirina

Научный руководитель: **Н. А. Шабельникова**,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный сотрудник
органов внутренних дел Российской Федерации

Общественные организации как инструмент профилактики преступности несовершеннолетних

Public organizations as a tool for juvenile delinquency prevention

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности общественных организаций как инструмента профилактики преступности несовершеннолетних. Представлена классификация общественных организаций, их социальная направленность. Акцентируется внимание на патриотической направленности деятельности общественных объединений, являющихся неотъемлемой частью организации досуга подрастающего поколения.

Ключевые слова: общественные организации, преступность несовершеннолетних, профилактика, патриотическое воспитание, Приморский край, Российской Федерации.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the activities of public organizations as a tool for the prevention of juvenile delinquency. The classification of public organizations and their social orientation is presented. Attention is focused on the patriotic orientation of the activities of public associations, which are an integral part of organizing leisure activities for the younger generation.

Keywords: public organizations, juvenile delinquency, prevention, patriotic education, Primorsky Krai, Russian Federation.

В целях сохранения исторической памяти Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным 2025 год был объявлен Годом защитника Отечества [6]. Политика нашего государства направлена на профилактику деструктивной идеологии и пропаганду традиционных ценностей среди несовершеннолетних и молодежи, а также на развитие патриотического воспитания посредством восстановления утраченных институтов после распада СССР. Одной из причин девиантного поведения среди несовершеннолетних лиц стала утрата контроля над их досугом со стороны государства, в силу экономической, политической и социальной нестабильности нового государства.

В современный период государство стремиться создавать условия, необходимые для всестороннего развития молодежи, в том числе – несовершеннолетних, их социализации и обеспечения досуговых мероприятий. Участие в секциях и кружках способствует формированию личности несовершеннолетнего. В настоящее время существует мно-

жество и разнообразие спортивных секций, художественных школ, школ танцев, музыкальных и театральных школ, секций по творческим направлениям, например, бисероплетение, вышивание, швейное дело, занятия в сфере ИТ, занятия по вокалу и хору, а также центры детского творчества, в которых находятся одновременно несколько видов секций и кружков по различным интересам и направлениям. Особую роль в данном процессе придается патриотической направленности в развитии несовершеннолетних.

Созданные общественные объединения занимаются воспитанием дисциплины, прививают ответственность и учат ценить время. Общероссийская общественно-государственная организация «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России» (ДОСААФ России) занимается содействием в укреплении обороноспособности страны, национальной безопасностью и решением социальных проблем по различным направлениям, например, организацией патриотического (военно-патриотического) воспитания граждан и содействием органам государственной власти в проведении молодежной политики [7]. Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ» занимается формированием активной гражданской позиции, чувства ответственности за свои действия и поступки, развивает инициативность и самостоятельность. Юнармейское движение создает условия для совершенствования интеллектуального потенциала личности [8]. Также существует всероссийская программа для учащихся начальных классов по воспитанию активных граждан, объединяющая миллионы детей, учителей и родителей. Данная программа носит название «Орлята России» [5], в которой несовершеннолетних учат быть вежливыми друг с другом, помогать с решением школьных задач, учат работать в коллективе и участвовать в мероприятиях.

Образцом создания данных организаций являются патриотические движения, существовавшие в СССР. ДОСААФ России является прямым преемником Всесоюзного добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ СССР), в задачи которого входило пропаганда и распространение военных, военно-технических, авиационных и военно-морских знаний, а также ответственность за военно-патриотическое воспитание, военное обучение и физическую закалку своих воспитанников. Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), целью которое являлось воспитание молодежи в коммунистическом духе, пропаганда идеологии, организация массовых мероприятий и патриотическое воспитание. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина, созданная в

1922 году, на протяжении десятилетий была важнейшим институтом социализации советских школьников. Её ключевые принципы – коллективизм, трудолюбие, патриотизм, взаимопомощь – формировали мировоззрение миллионов детей. Движение «Орлята России», запущенное в 2021 году, не является прямой реинкарнацией пионерии, однако имеет общие ценностные ориентиры: патриотизм, коллективизм, социальная активность, лидерство и самореализация.

Анализируя статистические данные, приведенные ГИАЦ МВД России за 2021 [1], 2022 [2], 2023 [3], 2024 [4] гг. можно сделать вывод о том, что за последние четыре года наблюдается спад преступности среди несовершеннолетних, так, в 2021 году выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступление – 29126, в 2022 году – 26305, в 2023 году – 22340, в 2024 году – 21069, что свидетельствует о положительном опыте досуговых организаций в работе с несовершеннолетними лицами.

Таким образом, работа общественных организаций, цель которых направлена на патриотическое воспитание несовершеннолетних, является неотъемлемой частью в организации досуга подрастающего поколения. Перенимая опыт из истории нашего государства, государство постепенно возвращает верные ориентиры и традиционные ценности, необходимые для воспитания и социализации несовершеннолетних.

Литература и источники

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/?ysclid=m8vodlae5y949347146> (дата обращения: 08.11.2024).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?ysclid=m8vol4dbzj435421849> (дата обращения: 08.11.2024).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2024. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/?ysclid=m8von9cp3s474257432> (дата обращения: 08.11.2024).
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2025. [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/?ysclid=m8vorpqtns802861684> (дата обращения: 25.01.2025).
5. Орлята России // О программе. [Электронный ресурс]. – URL: <https://orlyatarussia.ru/o-programme/> (дата обращения: 08.11.2025).
6. Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». [Электронный ресурс]. – URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnum=0001202501160039> (дата обращения: 08.11.2025).

7. УСТАВ Общероссийской общественно-государственной организации «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dosaaf.ru/files/Ustav_A6.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

8. Юнармия // О движении Юнармия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://yunarmy.ru/history#down-section> (дата обращения: 08.11.2025).

*E. B. Дианова
E. V. Dianova*

От любви к краю – к любви к Отчизне: деятельный патриотизм северных кооператоров

*From love of the region to love of the Fatherland:
The active patriotism of northern cooperators*

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь краеведения и кооперации в воспитании любви к родному краю. Показана роль кооператоров в формировании деятельного патриотизма, изучении и сохранении историко-культурного и природного наследия Русского Севера.

Ключевые слова: краеведение, кооперация, историко-культурное наследие, деятельный патриотизм.

Abstract. This article examines the relationship between local history and co-operation in fostering a love for one's native land. The role of cooperative members in fostering active patriotism and studying and preserving the historical, cultural, and natural heritage of the Russian North is demonstrated.

Keywords: local history, cooperation, historical and cultural heritage, active patriotism.

Всем известно, что патриотизм начинается с любви к малой Родине. В начале XX в. в культурно-просветительной деятельности кооператоров их любовь к родному краю проявлялась в форме деятельного патриотизма, взаимодействии людей на благо общества и страны; познании и сохранении историко-культурного и природного наследия Русского Севера.

Изучение родного края имело большое значение для внешкольного образования. В 1915 г. на курсах при Московском городском университете имени А.Л. Шанявского вопросы по краеведению «Локализационный (местный) метод преподавания. Музеи подвижные и стационарные: местный элемент в них» включались в лекции по «Внешкольному

образованию», которые читали известные педагоги Е. Н. Медынский и А. У. Зеленко [1, с. 7-8]. В 1916 г. на курсах для лекторов-инструкторов по внешкольному образованию занятия по теме «Экскурсионное дело и родиноведение» вел автор учебника «Родиноведение» М.И. Селищенский. Здесь же читали лекции деятели кооперативного движения: А. В. Чаянов – «Аграрный вопрос» и А. Н. Минин – «Кооперация» [2, с. 2-3].

В 1918 г. Вологодское центральное общество сельского хозяйства проводило курсы для районных инструкторов по внешкольному образованию и кооперации, где наряду с другими предметами курсисты изучали «Краеведение (география, история, экономика, этнография и культура Вологодской губернии)». На курсах также читался цикл лекций по русской истории, основанный на местном материале. Лектор «за отправную точку принял Вологодскую жизнь и пытался нарисовать картину постепенного развития жизни русского народа, оперируя по преимуществу с местным материалом» [3; 1917, № 23-24, с. 28; 1918, № 2, с. 21].

Журнал Общества оптовых закупок для потребительных обществ Северной области «Петроградский кооператор» регулярно печатал материалы краеведческого характера. Краевед, литератор и экономист В.Ф. Широкий поместил в двух номерах журнала статью «Художественно-исторические богатства Северной области и роль кооперации в их изучении». Он обращал внимание на дело по собиранию, изучению и распространению произведений устного народного творчества, что выступало, по его мнению, одной из задач культурно-просветительной работы кооператоров. Они могли бы принять деятельное участие «как по своей заинтересованности в разрешении подобных задач культурного строительства жизни, так и потому, что в лице различных сил кооперация имеет на местах подготовленных к этой работе агентов». Приступая к сбору «неизвестного до сих пор богатства былинной поэзии», следовало помнить, что «на пути собирателей встретится не одна былина. Есть и другие произведения художественного творчества народа как в области слова, так и еще более в предметах быта, в церковном искусстве».

Северная область хранила «в глухих деревнях Поморья и Заонежья в церквях и частных собраниях большое количество рукописных книг, разных молитвенников, синодиков, октоихов, святцев, месяцесловов» конца XVII – начала XVIII вв., «остатки того богатого наследия, которое нам оставила древняя благочестивая Русь». Литератор предлагал вести запись старинных названий местностей по речным и волоковым путям колонизации Русского Севера, среди них такие, как: Бор, Выгар,

Гарь, Дегтенцы, Лезье, Пеньки, Смолотечье, Угольное. Они отражали «условия колонизационной работы племен, когда-то с великим трудом преодолевавших непроходимый бор, выжигавших его, промышлявших смолой и дегтем» [4, № 20-21, с. 29].

Краевед восхищался изделиями художественных ремесел, резными предметами из кости, «изукрашенными затейливыми резными узорами». Деревянные доски для набоек, украшения окон, крылечек, дымовых труб, саней, прялок, иконостасы тоже дают «неподражаемые и увлекательно прекрасные образцы чудесной резьбы». В целом «резьба по дереву и кости была областью наиболее яркого выявления народной любви к красивому и сказочно фантастичному». Изделия мастеров говорят о том, «какой богатый запас художественного чувства и фантазии таился на холодном и болотистом севере, передаваясь от одного мастера к другому» [4, № 25, с. 6].

Северная область была богата «образцами старинного каменного зодчества. Достаточно упомянуть церкви Новгорода, Старой Ладоги, чтобы воскресить в памяти ту картину широкого церковного строительства». Требовалась организация систематического и планомерного изучения художественно-исторического богатства Севера. Данную задачу могли выполнить «ответственные кооперативные работники, вооруженные знанием и опытом». Для их подготовки В.Ф. Широкий предлагал ввести в программу обучения в Петроградском кооперативном институте предмет «Обзор художественно-исторических богатств Северной области» и познакомить слушателей с методами «научно-поставленной работы» [4, № 25, с. 7, 8].

Кооператоры призывали изучать и сохранять памятники деревянного зодчества. Так, В. Орлов в статье «Прекрасная Россия», напечатанной в журнале «Общее дело», напоминал, что «наша Родина – богатейшая сокровищница самой разнообразной красоты, чистейший кладезь всяческого искусства». К примеру, «на дальнем севере, в лесах Вологодской и Архангельской губерний, разбросаны там и здесь чудесные деревянные церковки, похожие на лесные сказки». Надобно беречь эту «драгоценную красоту», потому что «строить новую Россию – это значит, прежде всего, строить культурную Россию» [5, с. 7, 8].

Интерес работников местных кооперативных союзов к краеведению определялся их стремлением к кооперированию промыслов и различных отраслей сельского хозяйства. Кооператоры уделяли большое внимание природным ресурсам Русского Севера, о чем свидетельствуют их статьи в кооперативной печати. Так, в статье «Богатства Северной области и кооперативное их использование» на вопрос: «Что нужно для развития северного производства?» ее автор В.Ф. Пекар-

ский отвечал: «Нужны знания, средства и организация» [6, с. 14], т. е. коопeração.

Журнал «Товарищеское дело» Архангельского Союза кооперативов затрагивал проблемы развития производственного использования местных рыбных промыслов в интересах промысловиков и потребителей, их научном обследовании и надлежащей регистрации. Для «правильной постановки беломорских рыбных промыслов» требуется «законное установление времени для лова» и нормы улова рыбы, так как «печальным результатом хищнического промысла по местам, где прежде наблюдались богатейшие уловы», являлось «чуть ли не полное оскудение, крайне тяжело отзывающееся на хозяйстве наших промышленников». Журнал предупреждал об опасности быстрого истощения ресурсов: «Не надо забывать, что и Север можно опустошить, особенно, если использование его богатств не получит рациональной постановки, основанной на предварительном тщательном исследовании» [7, с. 16].

Информацию о развитии морских промыслов публиковали и другие издания Архангельского Союза кооперативов. «Календарь на 1922 год» содержал местный материал в рубриках: «Северный край. Северные рыбо-звериные промыслы в условиях новой экономической политики. Промысловая жизнь Архангельского края. Рыболовство и рыбоводство. Рыболовные артели. Судостроение, траловый промысел». В календаре печатались «Полезные сведения» по животноводству: «Корм для скота – основа богатства. Корни и корнеплоды. Правильное кормление молочной коровы. Торфяная подстилка для скота»; доказывалось значение мелиорации для Севера. Также приводились сведения об оленеводстве, разработке леса, исследовании торфяных болот, полезных ископаемых края.

Кооператоров волновал вопрос: «Может ли Архангельская губерния прокормиться своим хлебом?». В «Календаре на 1922 год» приводились данные о количестве хлеба, выращенного северными крестьянами. В 1913 г. на одного едока приходилось своего хлеба: в Архангельской губернии – 6 пудов 23 фунта, в Вологодской губернии – 19 пудов 10 фунтов, в Олонецкой губернии – 14 пудов 03 фунта. В рубрике «Полезные советы» давались рекомендации по сушению рыбы, выпечке хлеба из овсяной муки, из ржаной муки и рыбы, что было весьма актуально для северного края [8, с. 62, 68].

Кооператоры издавали также краеведческую литературу. В Вологде в типографии Союза Северных кооперативных союзов издавались книги краеведа Н.В. Ильинского «Главнейшие лекарственные растения Вологодской губернии» (1919), «Очерки по Вологодскому

краеведению. К истории села Леденгского (Тотемский уезд)» (1920) и «Вологодский край. Естественно-географический очерк Вологодской губернии» (1923). Ильинский отмечал всплеск интереса местного населения к изучению своего родного края после революции 1905-1907 гг.: «Россия встряхнулась от векового сна. Северяне стали ценить свою родину, свой дикий и угрюмый Север, стали интересоваться им с научной, художественной и практической стороны». Между тем краевед признавал, что «как мало еще известна история отдельных уголков Севера, как необходимо регистрировать родную историю силами местных людей» [9, с. 2].

В Архангельске кооперативное товарищество «Призы» издавало книги по краеведению Л.П. Качанова – пособие «Северный край» (1927) и брошюру о рыбном промысле на Мурмане «В царстве трески» (1928). По мнению сотрудников Учебно-методического совета Наркомпроса РСФСР, Качанов подобрал «картины, живо отражающие подлинных людей Севера в их повседневной трудовой жизни». Краеведческий материал подан «довольно интересно, свежо и разнообразно», в пособии не имелось «того преобладания унылого, мрачного тона, которым обычно окрашены сборники о Севере. Напротив, от многих страниц, отражающих труд и борьбу северян, веет силой и бодростью». Пособие состояло из разделов: «Северный край – богатый край»; «Особенности нашего края: Северное сияние, Полуночное солнце»; «На Кольском полуострове», «Хозяйство тундры», «По лесам и озерам Карелии», «Наши лесные богатства». В пособии рассказывалось об охоте и лесных промыслах: лесозаготовках, углежжении, смолокурении. В главе «Весенние полевые работы» календарь северного земледельца устанавливал порядок полевых и огородных работ. Морским промыслам посвящены главы «На Белом море», «В царстве трески (Мурман)», «Среди океана» [10, с. 2].

Подводя итог, можно сказать, что в культурно-просветительной деятельности кооператоров, в том числе при организации курсов для инструкторов по внешкольному образованию и кооперации, большое значение придавалось изучению родного края. В кооперативных журналах печатались статьи краеведческого характера, кооперативные типографии издавали литературу по краеведению, что способствовало изучению и сохранению историко-культурного и природного наследия Русского Севера, формированию деятельного патриотизма.

Литература и источники

1. Внешкольное образование. Курсы по местному самоуправлению с развитием программы по школьному и внешкольному образованию в 1913/14 академ-

- мическом году. М., 1915. 8 с.
2. Курсы для подготовки лекторов-инструкторов по вопросам внешкольного образования. М., 1916. 4 с.
 3. Северный хозяин. Экономический, сельскохозяйственный и кооперативный журнал. Вологда, 1917-1918.
 4. Широкий В.Ф. Художественно-исторические богатства Северной области и роль кооперации в их изучении // Петроградский кооператор. 1918. № 20-21. С. 24-29; № 25. С. 4-10.
 5. Орлов. Прекрасная Россия // Общее дело. 1918. № 8. С.7-10.
 6. Пекарский В.Ф. Богатства Северной области и кооперативное их использование // Петроградский кооператор. 1918. № 25. С.14-18.
 7. Беломорские рыбные промыслы // Товарищеское дело. 1917. № 1. С. 16-18.
 8. Календарь на 1922 год. Издание Архангельского союза кооперативов. Архангельск, 1922. 88 с.
 9. Ильинский Н.В. Очерки по Вологодскому краеведению. К истории села Леденгского (Тотемский уезд). Вологда, Издание Северосоюза, 1920. 24 с.
 10. Качанов Л.П. Северный край. Книга для детей школьного возраста. Архангельск: Призыв, 1927. 236 с.

*K. A. Дианова
K. A. Dianova*

**Одежда как знаковая система патриотизма:
культурный код национальной идентичности в моде**

*Clothing as a symbolic system of patriotism:
the cultural code of national identity in fashion*

Аннотация. В статье рассматривается одежда как знаковая система патриотизма и как носитель культурного кода национальной идентичности на примере российской моды. Автор анализирует исторические и семиотические аспекты функционирования костюма в контексте формирования образа Родины, начиная с традиционного народного костюма и заканчивая современными дизайнерскими практиками. Показано, что патриотическая мода выступает не только как отражение идеологических установок, но и как форма культурной коммуникации, выражающая коллективную память, ценности и эмоциональную сопричастность к национальной культуре.

Ключевые слова: национальная идентичность, мода, семиотика одежды, культурный код, символика костюма, русская культура, визуальная коммуникация, национальный стиль, эстетика патриотизма.

Abstract. The article examines clothing as a symbolic system of patriotism and as a carrier of the cultural code of national identity, using the example of Russian fashion. The author analyzes the historical and semiotic aspects of the functioning of clothing in the context of the formation of the image of the Motherland, from traditional folk costumes to modern design practices. It is shown that patriotic fashion is not only a reflection of ideological attitudes, but also a form of cultural communication that expresses collective memory, values, and emotional connection to national culture.

Keywords: *National identity, fashion, clothing semiotics, cultural code, costume symbolism, Russian culture, visual communication, national style, and the aesthetics of patriotism.*

История моды всегда являлась отражением не только социального у устройства, но и духовных ориентиров общества. Одежда – это не просто утилитарный предмет, а система знаков, через которую выражаются ценности, представления и коллективная идентичность. Особенно наглядно эта функция проявляется в тех случаях, когда мода обращается к мотивам патриотизма, национальной традиции и культурного наследия. В этом смысле одежда становится не просто визуальным кодом эпохи, но и способом коммуникации между прошлым и настоящим, между индивидуальным и коллективным [2; 41-42].

Феномен патриотизма в моде нельзя рассматривать как нечто сугубо политическое или идеологическое. Он имеет глубокие культурно-символические корни и тесно связан с механизмом самоидентификации общества. «Патриотическая мода» – это форма проявления национального самосознания, выраженная средствами костюма, орнамента, колористики и силуэта [6; 17-18]. В разные исторические периоды она выступала то как официальный язык государственной символики, то как неформальный способ культурного сопротивления и самоутверждения.

В российской истории обращение к национальной теме в одежде носило волнообразный характер. К XVII в., накануне петровских реформ, традиционный русский костюм представлял собой цельную систему, вобравшую в себя архаические формы и символику. Цвет, орнамент, покрой одежды обозначали не только социальное положение, но и принадлежность к определённой культурной традиции [9; 55-56]. В то время костюм был неотъемлемой частью религиозного и обрядового мира: одежда защищала не только тело, но и духовное пространство человека.

Реформы Петра I, ориентированные на европеизацию, стали первым крупным поворотом в восприятии одежды как инструмента государственной идеологии. Европейский костюм, внедрённый насилием, стал знаковой системой «новой России» – символом

прогресса, рациональности и государственной модернизации [4; 82-84]. Однако в этом же процессе проявилось и первое противоречие между внешним подражанием и внутренним самосознанием: старая одежда, отвергнутая как «архаичная», сохранилась в народной среде как хранительница подлинных традиций. Таким образом, уже в XVIII в. складывается двойственность русского костюма: официальный, «государственный» стиль и народный, «самобытный» мир сосуществуют, отражая сложную структуру национального самосознания. Примечательно, что Екатерина II, желая укрепить свою репутацию русской императрицы, с самого начала своего царствования стала одеваться в традиционное русское платье, подавая пример придворным дамам.

XIX век стал временем особого интереса к национальному образу. Появление так называемого «русского стиля» в архитектуре, декоративно-прикладном искусстве и одежде было связано с поисками собственной культурной идентичности [5]. Народный костюм, прежде воспринимавшийся как признак «отсталости», становится источником вдохновения для художников, модельеров и просветителей. Символика орнаментов, крой сарафанов, цветовые сочетания и декоративные элементы переосмысяются как выражение особого русского духа. В этот период формируется представление о традиционном костюме как о носителе национальной памяти, а обращение к нему становится актом патриотического чувства. Отдельные правители регулярно обращались к символике традиционного русского костюма, но, пожалуй, самым известным примером стал бал в честь 290-летия Дома Романовых, на котором все приглашённые должны были прийти на праздник в русском национальном костюме времён правления царя Алексея Михайловича.

В начале XX в., в эпоху социальных и художественных экспериментов, интерес к национальной теме приобретает новое звучание. Художники-авангардисты активно используют мотивы народного костюма и вышивки, превращая их в символ духовного возрождения России. Народное становится не только эстетическим, но и этическим идеалом. Ярким примером такого переосмысливания традиционного костюма становится творчество Надежды Ламановой, модели которой в 1925 г. получили первое место на Всемирной выставке в Париже «за национальную самобытность в сочетании с современным модным направлением» [8; 360-361]. Подобный успех Ламановой на Западе был связан с тем, что она сумела внедрить в свои модели элементы русского традиционного костюма, что во все времена восторженно принималось европейцами и ассоциировалось с экзотикой и национальной

самобытностью. В связи с этим можно отметить сохранение второй тенденции в восприятии отечественной моды на Западе – восхищение одеждой, отражающей «загадочную русскую душу».

В 1920–1930-е годы одежда приобретает особое идеологическое значение, но уже в ином контексте – как форма выражения нового, социалистического патриотизма. Советский костюм призван был демонстрировать коллективизм, трудовую доблесть и единство народа. Парадная форма, гимнастёрка, пилотка становятся знаками новой идентичности, символами героизма и гражданской принадлежности.

Тогда же происходит оформление особого феномена – социалистической моды, которая подчеркнуто ориентировалась на традиционную эстетику [1;10] и опиралась на русское национальное культурное наследие: платья все чаще декорировались народным орнаментом. [1; 105-106] Последнее вновь отсыпало к стереотипу о традиционном русском костюме, считавшемся на Западе экзотикой и в то же время пользовавшемся определенной популярностью.

Современная российская мода активно осмыслияет тему патриотизма как культурного кода. После 1990-х годов, когда глобализация и массовая культура привели к размыванию национальных признаков, дизайнеры всё чаще обращаются к отечественным традициям не из ностальгии, а как к ресурсу самоопределения [7]. Использование мотивов народного костюма, орнаментов северных регионов, символики православной иконографии или элементов военной формы формирует особый визуальный язык – язык «нового патриотизма». При этом одежда перестаёт быть лишь внешним знаком принадлежности: она становится инструментом культурной коммуникации, в котором сочетаются прошлое и настояще, индивидуальное и коллективное.

В модных коллекциях последних лет можно увидеть, как тема патриотизма проявляется в тонких семиотических формах – в выборе фактуры, цветовой палитры, стилистических акцентов. Так, сочетание цветов в одежде, отсылка к традиционным русским тканям, крою косоворотки или образу воина превращаются в своеобразные культурные маркеры [3]. Они не всегда имеют прямое отношение к государственной символике, но формируют эмоциональное ощущение сопричастности к отечественной культуре.

Семиотика патриотизма в моде проявляется прежде всего в способности одежды трансформировать абстрактное чувство принадлежности в наглядную форму. Каждый элемент костюма – от ткани до кроя – способен нести определённое значение: цвет может обозначать идею Родины, орнамент – коллективную память, материал – связь с землёй и природой [6; 58-59]. В этом смысле одежда становится сво-

еобразным «текстом культуры», который можно читать как хронику национальной идентичности.

Современная молодёжь активно вдохновляется прошлым и тематикой ретро в одежде, в том числе – советской эстетикой. Так, в августе 2025 г. министр иностранных дел РФ Сергей Лавров появился в свитере с надписью «СССР» от уральского бренда «SelSovet». Это событие вызвало мощный общественный резонанс: СМИ активно обсуждали жест как символическую отсылку к советскому прошлому, а среди молодёжи начался настоящий ажиотаж вокруг бренда. Производитель сообщил о стремительном росте заказов и увеличении срока ожидания поставок до 60 дней [10]. Данный пример наглядно демонстрирует высокий интерес к поиску национальной идентичности через визуальные коды в одежде.

Подводя итог, можно сказать, что одежда как знаковая система патриотизма представляет собой сложный культурный код, объединяющий историю, символику и психологию самоопределения. Через костюм общество не только выражает свои ценности, но и переживает их заново, переводя идею Родины из сферы абстракций в конкретную, чувственно воспринимаемую форму. В этом заключается уникальная роль моды в культурной системе России: она соединяет эстетическое и идеологическое, индивидуальное и национальное, прошлое и будущее в одном визуальном и смысловом образе.

Литература и источники

1. Бартлетт Дж. *FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе* / пер. с англ. Е. Кардаш. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.
2. Барт Р. *Система моды: Статьи по семиотике культуры*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
3. Васильева Э. В. *Культура моды в контексте российской идентичности* // Общество. История. Современность. № 4 (131), 2014. Омск: ОмГТУ, 2014. С. 212-214.
4. Гуревич А. Я. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство, 1984. 349 с.
5. Кирсанова Р.М. *Русский костюм и быт XVIII–XIX веков*. Москва: Слово, 2002. 219 с.
6. Лотман Ю. М. *Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры* / Ю. М. Лотман. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
7. Неоронова А. П., Ковалева О. В. «Этнохудожественные явления в современном костюме российских брендов» // Технологии и качество. 2021. Т. 52 № 2 (52). С.7280.
8. Руан К. *Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700-1917* / пер. с англ. К. Щербино. Москва: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.
9. Рындина А. В. *Русский народный костюм XVII – начала XX века: традиции и символика*. Москва: Наука, 2006. 248 с.

10. Эксперт раскрыл значение свитера Лаврова с надписью «СССР» // Лента. Ру. URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/15/ekspert-raskryl-znachenie-svitera-sssr-na-lavrove-na-alyaske/> (дата обращения: 07.11.2025).

*B. B. Коровин
V. V. Korovin*

О современных подходах к патриотическому воспитанию студентов: региональный аспект¹

On modern approaches to the patriotic education of students: regional aspect

Аннотация. На основе собственного педагогического опыта работы по патриотическому воспитанию подрастающего поколения автор раскрывает региональные особенности вовлечения студентов в активную общественную деятельность.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, студенческая молодежь, военно-мемориальная работа, образовательный процесс, общественное объединение.

Abstract. Based on his own pedagogical experience in patriotic education of the younger generation, the author reveals the regional features of involving students in active social activities.

Keywords: patriotic education, student youth, military and memorial work, educational process, public association.

Патриотическое воспитание студентов высшей школы становится сегодня неотъемлемой частью образовательного процесса. Возвращение «Отечественной истории» в число обязательных дисциплин, введение нового предмета «Основы российской государственности», разработка специализированного курса «Организационно-правовые основы формирование патриотизма», усиление «патриотического блока» в планах воспитательной работы вузов – все это свидетельства коренных изменений в подходах к реализации государственной

политики в сфере подготовки специалистов с высшим образованием и научных кадров.

Усиление внимания к патриотическому воспитанию молодежи – требование времени. Складывающаяся сегодня геополитическая ситуация указывает на необходимость обращения к традиционным духовно-нравственным и социально-политическим ценностям, без рационального следования которым с учетом современных реалий цивилизационного развития само существование российской государственности может быть поставлено под сомнение.

Практика реализации в Российской Федерации конституционных принципов политического и идеологического плюрализма показала, что в окружении враждебно настроенных соседей выстоять способно государство, властные функции в котором осуществляют профессионалы, отстаивающие интересы собственного народа, а основу государственной идеологии составляет идея патриотизма. Соответствующая законодательная база в нашей стране была успешно подготовлена и вступила в силу.

Отличительной особенностью возрождения патриотического воспитания молодежи в современных условиях является активное взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества. Особую роль в этом процессе, кроме собственно образовательных организаций, играют общественные объединения и учреждения культуры. Вместе с тем, повышенное внимание к вопросам формирования гуманистического мировоззрения и социально ориентированной гражданской позиции требует взвешенного системного подхода. К сожалению, некоторая чрезмерная увлеченность «патриотической составляющей» при проведении воспитательных мероприятий зачастую в погоне за выполнением количественных показателей наносит ущерб их качеству.

Иногда учебные заведения получают от организаций-партнеров и вышестоящих управлеченческих структур такое количество приглашений на всевозможные форумы, конференции, встречи, что при удовлетворении всех поступающих запросов и предложений требуется направлять на проводимые за пределами образовательной организации мероприятия значительную часть обучающихся, что оказывает дестабилизирующее влияние на учебный процесс. Неподготовленность студентов к участию в таких публичных акциях снижает общий педагогический эффект от их проведения и вызывает неприятие молодыми людьми формально назидательных посылок.

Поэтому отсутствие единого координационного центра, регулирующего содержание работы по патриотическому воспитанию под-

растящего поколения, не позволяет унифицировать планирование данного вида педагогической деятельности в масштабах конкретной образовательной организации, муниципального образования, субъекта федерации и даже государства в целом. Решению указанной проблемы могло бы способствовать принятие Федерального закона «О патриотическом воспитании граждан», рассмотрение проектов которого затянулось на десятилетия.

Созданная на федеральном уровне при поддержке Минобрнауки России Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь» была призвана обеспечить внедрение единого системного подхода к организации патриотического воспитания студенческой молодежи, усилив взаимодействие всех участников этого процесса через создание соответствующих молодежных объединений во всех вузах страны. Необходимо признать, что на начальном этапе деятельности Ассоциацией была проведена серьезная работа по организационному оформлению студенческих патриотических клубов и координации их работы. В дальнейшем усилия по обеспечению межклубного взаимодействия в рамках Ассоциации стали носить большей частью формализованный и цикличный характер.

В сложившейся ситуации высшие учебные заведения нарабатывают собственный опыт патриотического воспитания студенчества исходя из сложившихся традиций, уровня теоретической и методической подготовки преподавательского состава, наличия соответствующей материальной базы, а также других факторов и региональных особенностей.

В отдельных случаях организаторы работы с молодежью ограничивают представление о патриотическом воспитании лишь военно-мемориальным направлением, игнорируя гражданское, трудовое, экологическое, историко-культурное и другие виды деятельности по формированию личности патриота. Только широкий спектр форм и методов педагогического воздействия на студента может способствовать успешному достижению поставленной цели.

Высшие учебные заведения Курской области накопили значительный опыт работы по патриотическому воспитанию студенчества. Основное внимание во внеучебной работе советского периода уделялось вопросам идеологического, трудового и героико-патриотического воспитания.

Регион, на территории которого произошло одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны, стала благодатной почвой для организации поисковой работы, сооружения памятников боевой славы, проведения встреч с ветеранами, походов и экспеди-

ций, создания музейных экспозиций. Необходимо отметить, что перечисленные формы увековечения памяти о героическом прошлом родной земли воплощались в практических делах под руководством преподавателей-фронтовиков, чей авторитет был непререкаем для молодых людей.

Смена поколений студентов и педагогов не могла не сказаться на содержании и качестве патриотического воспитания в современных условиях. Сегодня эта работа в вузах проводится либо под руководством преподавателей старшего возраста, либо их совсем молодых коллег. В связи с чем смысловое наполнение и результативность проводимых ими воспитательных мероприятий могут существенно отличаться.

В Юго-Западном государственном университете (ЮЗГУ) эту проблему удается решать благодаря постепенному вовлечению студентов не только в гражданско-патриотическую деятельность, но и научно-исследовательскую работу, основанную на осмыслиении исторического прошлого родного края. В результате вчерашние студенты стали аспирантами и преподавателями, одновременно продолжая заниматься героико-патриотическим воспитанием теперь уже собственных учеников.

Три года назад в рамках Ассоциации «Я горжусь» на базе ЮЗГУ был создан студенческий патриотический клуб «Порубежник». Название молодежного объединения указывает на основное занятие мужского населения Курского края, заключавшееся в многовековой защите рубежей российского государства от внешних врагов (кочевники, крымские татары, польско-литовские вооруженные формирования).

Состав клуба не был многочисленным в силу соблюдения принципа добровольности, отсутствия преференций в учебной работе, стремления к осознанному выбору студентами социально значимого вида деятельности. Вместе с тем, вовлеченность в общее дело и получение конкретных результатов, способствовали формированию костяка клубного объединения.

В силу происходивших в стране событий одним из ключевых направлений работы активистов «Порубежника» стал сбор документальных материалов о земляках, погибших в ходе специальной военной операции. Первым местом упокоения погибших стал мемориал «Павших в годы Великой Отечественной войны», где в течение 2022-2024 гг. было захоронено 88 курян-героев. Встречи с их родными и близкими позволили записать аудио-воспоминания и фотографии, ставшие основой 10 документальных сборников, опубликованных в серии «Герои и подвиги», издаваемой региональным отделением Рос-

сийского военно-исторического общества.

Содержательной особенностью выпущенных книг является максимальное сохранение авторского стиля изложения воспоминаний и желание представить героев очерков как живых людей с их характерами, привычками и увлечениями, отражением отношений с родными и близкими, учителями и одноклассниками, друзьями и сослуживцами. Публикуемые в сборниках фотографии помогают визуализировать образ защитников Отечества, сохраняя светлую память о них.

Успешно апробированной формой работы по гражданско-патриотическому воспитанию стало проведение тематических мемориальных встреч, в организации которых принимают участие сами студенты. Они самостоятельно подбирают исторический материал, посвященный памятным датам и персоналиям, определяют методы его представления аудитории сверстников, приглашают гостей и экспертов. Конечно, наставники не могут оставаться в стороне от консультирования студентов на всех этапах подготовки и проведения подобных мероприятий, но при обязательном условии сохранения за подопечными их активной роли в реализации задуманного проекта.

С повышенным интересом студенты относятся к участию в военно-мемориальной работе на местах былых сражений. Традиционные субботники у памятных знаков, установленных на северном фасе Курской дуги по инициативе и силами коллектива ЮЗГУ, привлекают внимание обучающихся не только дополнительным погружением в события военной истории, но и осознанием значимости выполняемой ими работы. Активисты клуба «Порубежник» прошли подготовку в «Школе экскурсовода» по военно-историческим маршрутам родного края, представив самостоятельно сверстникам отдельные экскурсионные объекты.

Таким образом, современная образовательная среда позволяет успешно решать задачи по патриотическому воспитанию студенческой молодежи, используя для этого весь арсенал традиционных и инновационных педагогических технологий. Функции властных и административных структур в этом вопросе следует унифицировать и систематизировать.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

*O. N. Ерошкина
O. N. Eroshkina*

Патриотизм как традиционная ценность русской интеллигенции

Patriotism as a traditional value of the Russian intelligentsia

Аннотация. В работе на основании архивных материалов и личных документов представителей русской интеллигенции, внесших своим творчеством значительный вклад в различные сферы отечественной культуры, науки, искусства, определяется влияние патриотических настроений на их общественно-политический выбор в период революционного кризиса 1917 года.

Ключевые слова: *русская интеллигенция, нравственные ценности, патриотизм, революционный кризис 1917 года.*

Abstract. *Using archival materials and personal documents of representatives of the Russian intelligentsia, who made significant contributions to various spheres of Russian culture, science, and art through their work, this work determines the influence of patriotic sentiments on their socio-political choices during the revolutionary crisis of 1917.*

Keywords: *Russian intelligentsia, moral values, patriotism, revolutionary crisis of 1917.*

«Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России [1].

Патриотизм в мировоззренческом измерении представляет собой важную ценностною константу. Ее значение определяется просто — любовь к Родине. Но значимость патриотизма различна для различных этнокультурных общинстей.

Для русского человека любовь к Родине является традиционной безусловной ценностью. «Но люблю тебя, родина кроткая! А за что — разгадать не могу», — заметил в своих стихах С.А.Есенин [2, с.211]. Особенно рельефно и ярко она проявлялась в кризисные времена, когда Россия оказывалась на перепутье и надо было выбирать куда, с кем и как следует двигаться дальше. В этих условиях любовь к Родине становилась важным нравственным ориентиром.

На рубеже XIX-XX веков зародился один из самых острых кризисов в цивилизационном, общественном развитии России. Кульминация его пришлаась на 1917 год. В приближении грозных испытаний С.А.Есенин определил для себя: «Если крикнет рать святая: / «Кинь

ты Русь, живи в раю!» / Я скажу: «Не надо рая, / Дайте родину мою» [2, с.52].

Любовь русского человека к Родине, будучи безусловной, проявлялась в конкретных решениях и поступках. События 1917 года многих представителей отечественной интеллигенции поставили перед выбором: остаться в России или уехать от стремительно нарастающего хаоса и неопределенности. Как же при этом соотносились критерии выбора с патриотическими чувствами? А.А.Блок рассуждал так: «... писатель, верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болеет ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспинается с нею ...» [3, с.13]. Для самого Блока Родиной во все времена являлась Россия: «Недаром, может быть, только внешне наивно, внешне бессвязно произношу я имя: Россия. Ведь здесь – жизнь или смерть, счастье или погибель» [3, с.173]. Смысл приведенных строк из письма А.А.Блока к К.С.Станиславскому, написанного в 1908 году, в полной мере раскрылся в 1917 году. Блок остался в России и принял участие в обновлении страны. К.И.Чуковский в своем дневнике свидетельствовал о многих вызовах, с которыми пришлось столкнуться А.А.Блоку. Так, например, он описал, как в феврале 1921 года в Доме литераторов отмечали очередную пушкинскую дату. В вечере принимали участие многие писатели, поэты, руководители культурных и образовательных ведомств. После тусклых, безликих выступлений, слово взял Блок: «Он в белой фуфайке и в пиджаке. Сидел за столом неподвижно. Пошёл к кафедре, развернул бумагу и матовым голосом стал читать о том, что Бенкендорф не душил вдохновенья поэта, как душат его теперешние чиновники, что Пушкин мог творить, а нам (поэтам) теперь смерть» [4, с.158]. Любовь к своей стране побудила А.А.Блока стойко, не сдаваясь, пройти с нею через все испытания до самого последнего дня своей жизни.

Да и сам К.И.Чуковский разделил судьбу соотечественников, оставшихся в стране. Он в полной мере испытал крушение всего привычного, понятного, намеченных планов и перспектив. Состояние неопределенности и потерянности долго не покидало Чуковского. Даже в 1923 году он по-прежнему чувствовал себя неприкаянно: «Я – без гнезда, без друзей, без идей, без своих и чужих. Вначале мне эта позиция казалась победной и смелой, а сейчас она означает только круглое сиротство и тоску» [4, с.240]. Но все новое, созидательное воодушевляло К.И.Чуковского, возвышая над материальными трудностями и оправдывая все лишения. В 1922 году после посещения кружка почитателей Уитмена Чуковский с изумлением и восхищением отметил

в дневнике: «*Нет, цела Россия! ... здесь сидели истомлённые бесхлебьем, бездрожьем, безденежьем ... и жаждали – не денег, не дров, не эстетических наслаждений, но – веры*» [4, с.195].

Демократические убеждения и любовь к Родине были главными критериями в жизненном выборе и для М.М.Зощенко. В ответ на предложение французского полковника уехать из России он заявил: «Я не могу и не хочу уезжать из России. Я ничего не ищу в Париже» [5, с.29]. А объяснил М.М.Зощенко свой ответ так: «*Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив, я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал. Я хотел, чтоб вокруг меня были здоровые, цветущие люди. Никаких, так называемых «социальных расхождений» я не испытывал. Я приветствовал новую жизнь, которая сулила лучшее. И понимал, что пользу людям можно принести через литературу*» [5, с. 44].

Главное проявление патриотических настроений для многих специалистов, исследователей, ученых заключалось в чувстве ответственности за культурное и научное наследие России, в профессиональном долге сохранить как это наследие для будущих поколений соотечественников, так и место России в мировой культуре и науке. «... я уже неоднократно говорил о своем решении держаться в стороне от политики и политических деятелей; вступил же я с ними в контакт исключительно с целью охраны художественных ценностей», – отмечал в своем дневнике известный художник, музеевед и коллекционер, исследователь искусства А.Н.Бенуа [6, с. 483-484]. Ответственность за культурное наследие России, которой он посвятил многие годы жизни и творчества, определяли его выбор. «*Я считал нужным ехать, но мне не хотелось*», – записал А.Н.Бенуа в своем дневнике в августе 1921 года [6, с. 278].

Похожие чувства любви к России, которая сформировала его как гражданина и ученого, определяли выбор и С.Ф. Ольденбурга. Он был ярким представителем российской школы востоковедения. Окончив санскритско-персидский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, с 1889 г. он стал приват-доцентом, а с января 1897 г. – профессором факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1900 г. С.Ф. Ольденбург стал сотрудником Императорской академии наук, пройдя путь от адъюнкта по литературе и истории азиатских народов Императорской академии наук до ординарного академика в 1908 г. Одновременно с 1904 г. он являлся непременным секретарем Академии наук, оставаясь в этой должности до 1929 года.

Потрясения, вызванные революционным кризисом 1917 г., грози-

ли разрушением не только его личного научного наследия, но и всей России. В декабре 1917 г. С.Ф. Ольденбург, выступая на заседании Российской академии наук, непременным секретарем которой он являлся, заявил: «*Россия стала на край гибели... люди науки не могут не сознавать, что без их работы немыслимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование*» [7]. Пример такого поведения подавал сам С.Ф. Ольденбург. Его организаторские способности, установленный деловой контакт с А.В. Луначарским, возглавлявшим Наркомат просвещения, которому подчинялись все научные учреждения Советской России, помогли не только сохранить отечественную науку, но и обеспечить ее дальнейшее развитие. Однако, став выдающимся организатором и деятелем советской науки, С.Ф. Ольденбург «вынужден был жертвовать своими научными интересами» [8, с. 7]. И.Ю. Крачковский отмечал: «*Как ученого его, несомненно, постигла трагическая судьба*» [8, с. 11]. Тем самым, во имя сохранения и преумножения научного наследия России С.Ф. Ольденбург поступил личными интересами ученого-востоковеда.

Патриотическое отношение к России, невозможность соотнести себя с другой культурой, кроме российской, побудила тех представителей отечественной интеллигенции, которые покинули страну в период революционных потрясений 1917 года, вернуться на Родину. Похожие настроения переживал философ И.А. Боричевский: «*Россия единственная страна, где я могу работать не для одного себя*» [9]. Много было и таких, как экономист Д.А. Лутохин, призывавший ранее уехавших из России возвращаться назад. «...становясь гражданами Советской России, мы приобретаем возможность большего воздействия на ее будущее, чем разбросанно живя по всему земному шару», – убеждал он [10].

Таким образом, патриотические настроения русской интеллигенции, ответственность за судьбу России, отечественное культурное наследие стали для нее главным ориентиром при выборе личной гражданской линии поведения в период революционного кризиса 1917 года.

Литература и источники

1. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 22 октября 2025 года).
2. Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2 т. Т.1. Стихотворения. Поэмы. М.: Сов.Россия: Современник, 1990. 480 с.

3. Русь моя, жизнь моя. Александр Блок. Фотоальбом. М.: Издательство «Планета», 1993. 303 с.
4. Чуковский К.И. Дневник (1901-1929). М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
5. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф.469. Оп.1. Д. 9.
6. Бенуа А.Н. Дневник. 1916 – 1918. М.: «Захаров», 2010. 768 с.
7. Отчет о деятельности РАН по Отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный непременным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 года. Петроград, 1917. URL: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/751/> (дата обращения: 21.03.2023).
8. Ольденбург С.Ф. Культура Индии. М.: Наука, 1991. 280 с.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Далее – ОР РНБ). Ф.93. Д.15. С. 5 об.
10. ОР РНБ. Ф.445. Д.4. С.12.

*H. K. Гуркина, A. B. Гуркин
N. K. Gurkina, A. B. Gurkin*

**«Значит, нужные книги ты в детстве читал!»
(книга и патриотизм)**

“So you read the right books as a child!” (book and patriotism)

Аннотация. Одним из важнейших факторов Победы в Великой Отечественной войне стал массовый героизм молодого поколения («беспрецедентное количество пассионариев» - С. Громов). В работе рассматриваются место и роль книги в формировании мировоззрения и патриотического сознания будущих фронтовиков, участие в этом процессе государства, школы, педагогов, формы и механизмы воздействия литературы на молодое поколение.

Ключевые слова. Фронтовое поколение, книга, культурная политика, школа, воспитание, русская и зарубежная классика, советская литература, поэзия.

Abstract. One of the most important factors in the victory in the Great Patriotic War was the mass heroism of the younger generation (“an unprecedented number of passionaries” - S. Gromov). The paper examines the place and role of the book in shaping the worldview and patriotic consciousness of future front-line soldiers, the participation of the state, schools, and teachers in this process, and the forms and mechanisms of literature’s influence on the younger generation.

Keywords. Front-line generation, book, cultural policy, school, education, Russian and foreign classics, Soviet literature, poetry

«Что сформировало этих людей, послужило им ориентиром на пути к беспримерному массовому подвигу, а впоследствии подпитывало их неизбыточное стремление сделать нашу жизнь лучше и чище?» – задается вопросом современный исследователь, перечисляя имена ярких представителей «великого во всех смыслах» поколения – «самоотверженного, бескорыстного племени», принесшего себя в жертву на алтарь Победы: Зоя Космодемьянская, Любовь Шевцова, Ульяна Громова, Юрий Бондарев, Александр Зиновьев, Григорий Романов [5]. «Элита, за которую не стыдно» – назвал свою статью в «Литературной газете», посвященной подвигу Веры Волошиной, журналист Вадим Бондарь, констатируя рождение в предвоенные годы новой элиты страны: «Лучшие представители страны были людьми героической эпохи и не могли ее предать... эта молодая элита красивых, умных, сильных, горячо любящих свою страну вела всех остальных на трудовой и боевой подвиг» [3].

Изучение фронтового поколения во всех аспектах: факторы, формы и механизмы его формирования, особые черты и качества, истории подвига отдельных героев с началом общественно-патриотического подъема в стране (начавшегося гораздо раньше 2014 и 2022 годов) вышло на новый этап. После периода «самобичевания» и «развенчания» прежних героев, идеалов и ценностей, начатого пресловутой «перестройкой», началось возвращение к истокам - изучению несомненных достижений советского периода (главное из которых – Великая Победа), и людей – совершивших невиданный в истории цивилизационный рывок, прославивших свою страну на века. Исследователи справедливо указывают на комплексность факторов и механизмов формирования поколения победителей, подчеркивая роль школы, комсомола, радио и кино, патриотических военизированных объединений и т.п. [8, с.80, 245-246 и др.].

Изучение дневников, воспоминаний, работ писателей, ученых, публицистов – бывших фронтовиков позволили выделить среди важнейших факторов формирования «модального типа личности» особую роль литературы, книги. Известный философ А.С. Панарин писал: «Юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского – уровень, на Западе относимый к элитарному... Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлектирую-

щих «лишних людей»... После этого трудно однозначно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность – советский народ: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее массово тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика» [13, с.142].

Просветительство с первых дней Советской власти стало главным направлением государственной культурной политики. Уже в декабре 1917г. был принят декрет ЦИК о государственном издательстве, по инициативе А.М. Горького в 1919г. создано издательство «Всемирная литература», по всей стране с первых послереволюционных лет открывались новые библиотеки и читальни. В библиотеки поступали переиздаваемые произведения дореволюционных авторов, книги советских писателей – Д.А. Фурманова, А.С. Серафимовича, М.А. Шолохова и др. В 30-е годы в рамках «культурного поворота» в очередной раз были изданы собрания сочинений и отдельные произведения классиков русской литературы- Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, А.И. Куприна, И.А. Крылова, В.М. Гаршина, А.П. Чехова и др., опубликованы новые произведения А.М. Горького, А.А. Фадеева, А.Н. Толстого, А. Новикова-Прибоя, Л.М. Леонова, К.П. Паустовского, В.П. Катаева и др.

«Литературоцентричность» культурной политики демонстрировали широко отмечаемые в стране (с отражением в прессе и радио) юбилеи и праздники: 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина («Пушкина читали или слушали в каждом доме»), 125-летие М.Ю. Лермонтова, 750-летие «Слова о полку Игореве» и др. Открывались литературные музеи (А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Н.А. Островского и др.), которых перед войной насчитывалось около 100 [6, с.54].

В 20-е годы появились первые книги писателей, которых называют основателями советской детской литературы – С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Б.С. Житкова, Л. Сейфуллиной, Г. Белых и Л. Пантелеева и др. В 1933г. было создано первое в мире издательство литературы для детей – Детгиз. Только в 1937 г. для школьных библиотек издали 14 млн. книг [6, с.55] В 1938 г. появилась специальная серия «Школьная библиотека». Огромными тиражами выходили сборники народных сказок, былин, публиковались сказки братьев Гrimm, Андерсена, Шарля Перро, другие произведения зарубежных авторов – Виктора Гюго, Джека Лондона, Жюля Верна, Майн Рида, Марка Твена, Вальтера Скотта и др. Русская и зарубежная классика звучала в радиопередачах, экранизировалась на созданной в 1936г. киностудии «Союздетфильм», других студиях. Слова песни (И. Дунаевский – В. Лебедев-Кумач) из кинофильма «Дети капитана Гранта» (1936 г.): «Кто привык за победу бороться, с нами вместе пускай запоет. Кто

весел - тот смеется, кто хочет – то добьется, кто ищет- тот всегда найдет!» стали настоящим девизом молодого поколения.

Огромную роль не только в приобщении к чтению «детей из народа», но и в «всестороннем развитии», в формировании мировоззрения послереволюционного поколения сыграла школа. Даже в 20-е годы, когда в основе обучения в начальной школе были так называемые «комплексные программы», в которых содержание концентрировалось вокруг трех тем: природа, труд, общество, изучались произведения Некрасова, Кольцова, Салтыкова-Щедрина, в старших классах – Грибоедова, Пушкина, Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского, Короленко, Шекспира. Сервантеса и др. С 1927 г. литература в школе (еще до полного перехода на предметное обучение в 1931 г.) стала самостоятельным предметом, поскольку была признана не только средством классового воспитания, но и «объектом изучения», имеющим «познавательную ценность» [6, с.53].

В 30-40-е годы русский язык и литература стали главными предметами, основой гуманитарного образования в школе. Программа литературы, сформированная в эти годы и включающая русскую классику и произведения советских писателей, просуществовала (с небольшими дополнениями) вплоть до 1991 г. В 1940 г. состоялась специальная конференция по вопросам преподавания литературы (на повестке дня – очищение от схематизма и наукообразия), в 1941 г. появился приказ Народного комиссариата просвещения «О внеклассном чтении учащихся». Охват литературой молодого поколения был огромным, в эти годы благодаря Всеобучу школа стала по-настоящему массовой. В 1940-41 учебном году в школах обучалось 38 млн человек [6, с.55]. Программы семилетней школы (основного типа учебных заведений) были пересмотрены в сторону увеличения часов по истории и литературе.

Значение литературы для всестороннего образования и патриотического воспитания подрастающего поколения осознавалось не только руководителями государства, но и педагогической общественностью. Выступая уже в годы войны на одном из совещаний по народному образованию нарком просвещения РСФСР с 1940 г. В.П. Потемкин назвал «воспитание учащихся в духе патриотизма» основной задачей школы и выделил роль русской литературы: «Школа призвана привить неугасимую любовь к родной стране, к русскому языку, к русской литературе» [14, с.178]. «У нас с первого дня образовалась библиотека... у нас были почти все классики... мы прочитали многое из Пушкина, Короленко, Мамина-Сибиряка, и в особенности Горького», – писал в «Педагогической поэме» А.С. Макаренко [6, с.54]. Препо-

даватели литературы («русской словесности») в годы экспериментов и исканий старались сохранить проверенные методы преподавания, изучали в равной мере классику и современную литературу, использовали еще до революции выработанные для закрепления знаний по литературе и расширения кругозора формы внеклассной работы: литературные и драматические кружки, концерты, экскурсии. «В том, что на всю жизнь полюбил книги – это тоже всецело ее заслуга. Она научила главному – что читать и как читать», – вспоминал свою учительницу И.П. Осадчий [12, с.52].

В репертуаре школьных театров в эти годы преобладала классика, хотя были и современные пьесы («Любовь Яровая» К. Тренева, «Мать» М. Горького). Писатель Федор Абрамов играл главные роли в пьесах Пушкина – «Борис Годунов» и «Цыгане». Авторы – фронтовики вспоминают о поставленных в школах спектаклях – «Каменном госте» А. Пушкина, «Недоросле» Д. Фонвизина, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Женитьбе» и «Ревизоре» Н. Гоголя, пьесах А. Островского – «Гроза», «На всякого мудреца довольно простоты» и др.

Очень популярны в предвоенных школах были литературные кружки и группы. Поэт-фронтовик Сергей Орлов в 1938г. получил первую премию на Всесоюзном конкурсе школьников на лучшее стихотворение. Как и другие члены литературной группы, объединявшей школьников и студентов местного педагогического техникума, свои стихи и заметки публиковал в районной газете. О матери поэта, сельской учительнице литературы и ее влиянии на учеников, пишет Б. Пидемский: «Я не знаю, кто из учившихся в Мегринской школе в те двадцатые-тридцатые годы выходил из нее без любви к художественной литературе России» [16, с.24, 35]. А. Зиновьев вспоминал об организованных в его школе встречах с Александром Фадеевым и Аркадием Гайдаром. Выпускник сельской школы И.Г. Носырев пишет об экскурсии в Ясную Поляну и. д.

Что же читали будущие фронтовики? Прежде всего, русскую и зарубежную классику. «На всю жизнь ощущил какую-то странную, необъяснимую связь с Толстым, постоянный интерес к нему», – вспоминал В. Бушин [4, с.18]. «В детские годы зачитывался произведениями Марка Твена, Виктора Гюго, Вальтера Скотта. Из русских писателей особенно увлекался произведениями Пушкина, Лермонтова, Л.Н. Толстого, Гончарова, Чехова, Шолохова» – пишет И.Г. Носарев [11, с.12]. Писатель Михаил Лобанов вспоминал: «До призыва в армию я прочитал все, что было из русской классики в нашей прекрасной клубной библиотеке» [6, с.57] «Читать Гейне по-русски не лучше, чем Пушкина по-немецки», – отмечает в своем дневнике Женя Руднева (буду-

щий Герой Советского Союза), и дает характеристики произведений Лермонтова, Грибоедова, Толстого, Короленко, Некрасова, Тургенева, Чернышевского, Стивенсона и др. [15, с.55,79,81,87,97,103]. Зоя Космодемьянская перечисляла в своей записной книжке прочитанные книги Пушкина, Лермонтова, Толстого, Диккенса, Байрона, Мольера... «Ночью...в комнате зажжена настольная лампа; Зоя склонилась над «Оводом». И щеки, и руки, и, кажется, страница мокры от слез», - вспоминала Л.Т. Космодемьянская [10, с.112] и т.д.

В последующем фронтовики, ставшие писателями, учеными, пытались сформулировать суть и причины огромного влияния книги и литературы на формирование мировоззренческих установок поколения. «Русская литература, как известно, восстала против буржуазного порядка, основанного на законах права, правах, которые не сделали жизнь людей более человечной, а людей более близкими друг другу. А именно братство всех людей была заветная русская мечта. Русская литература подняла знамя совести, милосердия, сострадания», – писал Федор Абрамов [2, с.471-472]. «Нам рекомендовали книги, героями которых были борцы против язв прошлых общественных устройств... против неравенства, эксплуатации, несправедливости, мракобесия... за претворение в жизнь самих светлых и благородных идеалов... И мы читали эти книги с удовольствием», – вспоминал Александр Зиновьев. [9, с. 40].

Советскими писателями на новой тематике были продолжены лучшие традиции русской классической литературы. Произведения А.С. Серафимовича, Д.А. Фурманова, М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, В. Маяковского, Л.М. Леонова, К.П. Паустовского, В.П. Катаева, В.П. Каверина и других писателей поступали в школьные библиотеки, включались в программы по литературе и внеклассному чтению. Герои Гражданской войны, пограничники, летчики, полярники, стахановцы – смелые, честные, преданные своему социалистическому Отечеству – становились такими же образцами для подражания как Spartak (любимой книгой Володи Дубинина был «Спартак» Р. Джованьоли) или Артур («Овод» Э.-Л. Войнич), давали молодежи нравственные ориентиры.

Поэзии, наряду с прозой, отводилось значительное место как на уроках литературы, так и мероприятиях внеклассной жизни. «На уроках литературы уделялось серьезное внимание художественному чтению. Некоторые ученики хорошо читали Пушкина, Лермонтова, Блока. Маяковского, – вспоминал А. Зиновьев [9, с.37] «Нашей любимой песней была «Каховка» Светлова», – писал Ф. Абрамов [1, с.140]. Поэзия и песня, русская и советская литература

шли рядом, звучали на уроках, праздниках. В пионерском лагере, где отдыхали Зоя и Шура Космодемьянские, вечером у костра, звучали «песня за песней»: начали с песни, «которую в те дни пели повсюду» – «Ревела буря...» («Смерть Ермака» на стихи К. Рылеева) и с пионерской песни «Взвейтесь, кострами, синие ночи!» (А. Жаров) [10, с.97]. Будущие герои «Молодой гвардии» пели русские, украинские и советские песни. «Моими любимыми поэтами были Лермонтов и Маяковский», – вспоминал К.С. Юрьев [7, с.18] и т.д. Владимира Маяковского называют любимым поэтом многие представители фронтового поколения.

Особое место в детской и юношеской литературе занимали книги А.П. Гайдара: «Школа», «Дальние страны», «Военная тайна» (переиздавалась 8 раз), «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда». На титульном листе книги, которую Гайдар подарил Зое Космодемьянской, были слова, которые хорошо знали даже школьники младших классов: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» [10, с.160].

Наибольшее влияние на фронтовое поколение оказала книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Ей посвящены целые страницы в дневниках и воспоминаниях. Полностью выписывали широко известную цитату: «Самое дорогое у человека – это жизнь...». «Овода» держал в своем сердце Корчагин-Островский, а сам он достоин быть образцом для многих поколений... Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим», – записала в дневнике Женя Руднева [15, с.89,91]. «Мое поколение было духовно подготовлено к войне с фашизмом. Мы были воспитаны и взращены на примерах революционной героики великого Октября и Гражданской войны. Наши герои – Чапаев, Павел Корчагин», – писал Федор Абрамов. [1, с.140]. «Я твердо однажды и навсегда решил для себя: идти по пути Павла Корчагина. Он стал для меня всем: самым верным и надежным другом, учителем, наставником, путеводителем, судьей всех дел и поступков», – вспоминал И.П. Осадчий [12, с.49] и т.д.

Книга, литература стали одним из важнейших факторов формирования особой формы патриотизма фронтового поколения: в нем сочетались историческая память и национальное самосознание, идея преемственности с тысячелетней историей страны и гордость, чувство уверенности в правоте и нравственном превосходстве своего социалистического Отечества. Литература и искусство вкупе с идейной атмосферой в стране рождали не просто «великих романтиков-идеа-

листов в самом высоком смысле этого слова». «Люди моего поколения отличались редкой самоотверженностью в труде, в учебе, в боях за Отечество... Мы не ждали повесток из военкомата» – писал Федор Абрамов [1, с.141,146].

Литература и источники

1. Абрамов Ф.А. В СМЕРШе: записки контрразведчика. М., 2018. 240 с.
2. Абрамов Федор. Светлые люди. СПб., 2007. 480 с.
3. Бондарь Вадим. Элита, за которую не стыдно // Литературная газета, 2015, №41.
4. Бушин В.С. От Калуги до Кенигсберга. Фронтовой дневник. М., 2017. 320с.
5. Громов Сергей. Русский характер. Памяти советского десятиклассника // Свой. 2015, май, с.3-5.
6. Гуркина Н.К. Литература в сохранении цивилизационной идентичности советского школьника 20-30-х годов // Международные научно-практические Петербургские чтения. К 100-летию Великой русской революции 1917 года. В 3 ч. СПб., 2017. Ч.1, с.51-59.
7. Гуркина Н.К. Солдат Великой Отечественной. Сельский учитель советской эпохи. СПб., 2016.
8. Делягин М., Ивашов Л., Нагорный А., Проханов А., Тавровский Ю., Фурсов А. и др. Уроки Второй мировой. Восток и Запад. Как пожать плоды Победы? М., 2015. 320 с.
9. Зиновьев А.А. На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. М., 2016. 240с.
10. Космодемьянская Л.Т. Повесть о Зое и Шуре. Л., 1984. 256с.
11. Носарев И.Г. Воспоминания солдата. Одиссей советского воина. Выборг, 2018. 128 с.
12. Осадчий И.П. Мы родом из СССР. Кн.1 Время нашей молодости. М., 2011. 592 с.
13. Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006. 267с.
14. Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л., 1947. 322 с.
15. Руднева Е.М. Пока стучит сердце. М., 2015. 442.
16. Сергей Орлов. Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1984. 320 с.

Д. Е. Балашов
D. E. Balashov

Трансформация патриотического отношения к труду в России (1955–2025 гг.): историко-психологический анализ

The Transformation of Patriotic Attitudes to Labor in Russia (1955–2025): A Historical and Psychological Analysis

Аннотация. В статье представлен историко-психологический анализ трансформации патриотического отношения к труду в России в период с 1955 по 2025 год. На основе анализа ключевых периодов (позднесоветский, переходный, стабилизации и цифровизации) выявлена долгосрочная динамика: от идеологически насижаемого «труда-долга» в позднесоветскую эпоху через полную девальвацию патриотической составляющей в 1990-е годы к современной конфигурации, где патриотический импульс проявляется не через официальную риторику, а через индивидуальный поиск осмыслинного и социально значимого труда, особенно в молодежной среде. Делается вывод о переходе от коллективистской, государственно-ориентированной модели трудового патриотизма к индивидуализированной и ценностно-обусловленной.

Ключевые слова: историческая психология, патриотизм, трудовые отношения, психология труда, ценностные ориентации, молодежь, цифровизация, мотивация, Россия.

Abstract. The article presents a historical and psychological analysis of the transformation of the patriotic attitude to work in Russia from 1955 to 2025. Based on the analysis of key periods (late Soviet, transitional, stabilization, and digitalization), a long-term dynamic is revealed: from the ideologically imposed "labor-duty" in the late Soviet era, through the complete devaluation of the patriotic component in the 1990s, to the modern configuration, where the patriotic impulse is manifested not through official rhetoric, but through an individual search for meaningful and socially significant work, especially among the youth. The conclusion is made about the transition from a collectivist, state-oriented model of labor patriotism to an individualized and value-based one.

Keywords: historical psychology, patriotism, labor relations, psychology of work, value orientations, youth, digitalization, motivation, Russia.

Труд на протяжении истории являлся не только экономической категорией, но и мощным идеологическим конструктом, тесно связанным с формированием национальной идентичности и патриотических чувств. В российской истории XX - XXI веков эта связь претерпела сложную и противоречивую эволюцию. Целью данной статьи является реконструкция и анализ динамики патриотического отношения к труду в России с 1955 по 2025 год, с фокусом на его трансформации от идеологического императива до индивидуального ценностного выбора. Исследование опирается на анализ трудового законодательства (КЗоТ РСФСР 1971 г., ТК РФ 2001 г.), социологических данных и научных публикаций, с применением сравнительно-исторического метода.

Основные периоды трансформации патриотического отношения к труду

1. Позднесоветский период (1955–1985): патриотизм как официальная доктрина и отчуждение.

Данный период характеризовался парадоксом между официальной риторикой и реальной психологией труда. С одной стороны, государство активно пропагандировало идеологию «труда как дела чести, до-

блести и геройства», внедряя в массовое сознание модель трудового патриотизма, где труд на благо государства был высшей гражданской добродетелью. Широкий спектр социальных гарантий, закрепленных в КЗоТ РСФСР 1971 года должен был подкреплять эту связь [1].

Однако в психологическом плане происходила эрозия этой модели. Как отмечал социолог В.А. Ядов, в сознании работников ценность труда как средства существования устойчиво доминировала над ценностью труда как средства самореализации и патриотического служения [9]. Формальный, ритуализированный патриотизм в труде не находил отклика в условиях нарастающей экономической стагнации и формирования «культуры минимальных усилий». Патриотическое отношение к труду, лишенное личностного смысла, превращалось в отчужденную обязанность.

2. Переходный период (1985-2000): *девальвация патриотической составляющей труда.*

Распад СССР и переход к рыночной экономике привели к шоковой девальвации не только социалистических трудовых ценностей, но и самой идеи связи труда с патриотизмом. Труд утратил какое-либо ценностное, в том числе патриотическое, измерение, превратившись в инструмент выживания в условиях «дикого» капитализма. Социолог В.С. Магун охарактеризовал новый тип трудового поведения как «выживательное» и «инструментальное» [4].

Патерналистская модель, в которой государство выступало объектом патриотических чувств через труд, рухнула. Как констатировал журнал «Огонёк» (1989), «Мы привыкли к тому, что государство о нас позаботится... Но теперь мы понимаем, что за свой труд и свою жизнь надо отвечать самому». Патриотизм в сфере труда на этом этапе был практически вытеснен индивидуалистической стратегией выживания.

3. Период стабилизации (2000-2010): *прагматичный индивидуализм как новая норма*

Принятие Трудового кодекса РФ (2001) институционализировало новые рыночные отношения. Экономический рост способствовал смене психологической парадигмы: «выживательная» мотивация сменилась «прагматичным индивидуализмом» (О.С. Советова) [6]. Молодежь была ориентирована на «карьеру вместо стабильности» [12].

На этом этапе не наблюдалось возврата к советской модели трудового патриотизма. Отношение к труду оставалось сугубо прагматичным и индивидуальным. Патриотический дискурс, если и присутствовал, то не был органично вплетен в трудовые отношения, которые определялись карьерными амбициями и материальным успехом. Работник был ориентирован на договорные отношения с работодателем,

а не на служение государству.

4. Период цифровизации (2010-2025): поиск осмыслинности как новая форма патриотизма.

Современный период характеризуется углублением индивидуалистических тенденций и появлением новых феноменов, таких как «тихое увольнение», которое социолог Д.О. Стребков объясняет кризисом смыслов и стремлением к балансу между работой и личной жизнью [7].

Однако именно в этом контексте начинает формироваться новая, имплицитная форма связи труда и патриотизма. Она проявляется не на уровне государственной риторики, а на уровне индивидуальных ценностных ориентаций. Как указывает М.С. Токарская, для поколения Z «все более востребованной становится работа, которая не только обеспечивает доход, но и соответствует личным ценностям, обладает социальной значимостью» [8].

Эта «социальная значимость» зачастую интерпретируется молодыми специалистами как вклад в развитие своей страны, местного сообщества, решение экологических или социальных проблем. Таким образом, патриотическое отношение к труду возрождается, но на новой основе – не как долг перед государством, а как осознанный личный выбор в пользу социально полезной деятельности. Это индивидуализированный, ценностно-обусловленный патриотизм, в котором труд является частью сложной модели самореализации и способом выражения гражданской позиции.

Проведенный анализ позволяет выявить магистральную тенденцию в динамике патриотического отношения к труду в России: переход от внешне навязанной, коллективистской и идеологизированной модели к модели внутренне мотивированной, индивидуалистической и ценностно-ориентированной.

В позднесоветский период патриотизм в труде был официальной доктриной, но на деле – отчужденной формой, что вело к психологическому кризису.

В 1990-е годы произошла полная девальвация патриотической составляющей труда, замещенной стратегией выживания.

В 2000-е труд окончательно стал сферой прагматичного индивидуализма, где патриотизм не играл значимой роли.

В современный период намечается возрождение связи труда и патриотизма на новой, индивидуальной основе – через поиск осмыслинного, социально значимого труда, который воспринимается как способ личного вклада в развитие общества.

Эта трансформация ставит новые вызовы перед системой управ-

ления и трудовым правом, которые должны учитывать не только технологические тренды, но и глубинную психологическую потребность нового поколения в осмысленном труде, являющемся формой современного патриотического самовыражения.

Литература и источники

1. Кодекс законов о труде РСФСР (утвержден Законом РСФСР от 09.12.1971) – Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». <https://consultant-plus.ru/company/vopros-otvet-konsultant-plus/>
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ – Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/?oprd=1&ysclid=mhsz6frgik994361831>
3. Федеральный закон от 08.03.2023 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» – Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/?oprd=1&ysclid=mhsz6frgik994361831>
4. Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Общественные науки и современность. 2006. № 6.
5. Синявская Ю.В. Психология трудовых отношений в современной России: от выживания к самореализации? // Социологические исследования. 2009. № 12.
6. Советова О.С. Ценности труда и карьеры в сознании российской молодежи // Общественные науки и современность. 2008. № 4.
7. Стребков Д.О. Quiet Quitting как социальный феномен: причины и последствия для российского рынка труда // Социологические исследования. 2023. № 5.
8. Токарская М.С. Ценности поколения Z на рынке труда: от карьерного роста к экзистенциальному благополучию // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 1.
9. Ядов В.А., Киссель А.А. Удовлетворенность трудом: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологические исследования. 1974. № 1.
10. «Мы идем в никуда?» // Огонек. 1989. № 52.
11. «Работа на удаленке стала трендом. Надолго ли?» // Ведомости. 2021. 15 окт.
12. «Поколение NEXT на рынке труда: Карьера вместо стабильности» // Секрет Фирмы. 2007. № 24 (210).

М. В. Кузенкова, Е. Г. Щемелева
M. V. Kuzenkova, E. G. Shchemeleva

Роль личности современного преподавателя высшей школы в формировании патриотической позиции студентов

The role of the personality of a modern high school teacher in shaping the patriotic position of students

Аннотация. Авторами поднимается вопрос о значении патриотического воспитания студентов в современных реалиях развития российского общества. Обращается особое внимание на роль личности преподавателя вуза в воспитании патриотизма у молодого поколения.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, гражданская позиция, высшая школа, преподаватель, студенты, история.

Abstract. The authors raise the question of the importance of patriotic education of students in the modern realities of the development of Russian society. Special attention is paid to the role of the university teacher's personality in fostering patriotism among the younger generation.

Keywords: patriotism, patriotic education, civic position, higher school, teacher, students, history.

Патриотическое воспитание утвердилось в качестве важнейшего приоритета государственной политики в новейшее время в России. В современных условиях в рамках государственных проектов особое внимание уделяется вопросу формирования активной гражданской, патриотической позиции каждого человека и, особенно, молодых людей, являющихся наиболее гибкой и работоспособной частью населения.

В этой связи многократно возрастает роль и нравственная ответственность преподавателя высшей школы, личность которого, интеллектуальный и научный потенциал, нравственные принципы нередко ассоциируются в глазах студентов и с изучаемым ими курсом истории России, играющим значительную роль в формировании патриотизма у молодого поколения. Педагог-историк должен обладать здравым отношением к истории и культуре родной страны, служить примером для обучающихся.

Воспитание чувства патриотизма у студентов превращается в главнейшую воспитательную задачу профессиональной деятельности преподавателя. Безусловно, формирование патриотической позиции будущих выпускников вузов может быть успешным, если, в первую очередь, оно опирается на широту интересов профессорско-преподавательского состава, который должен создать условия для подготовки

специалистов с самостоятельным мышлением и широким взглядом на мир.

Это во многом связано с тем, какова личность самого преподавателя, т.е. насколько у него развита гражданская позиция. Именно от педагога во многом зависит, какие мотивы и ценности будут закрепляться в сознании молодых людей. Сотрудничество, творческая деятельность преподавателя и студентов способствуют формированию жизненной активности и сознательности молодежи, ее сопричастности к общим делам государства. Преподаватель имеет возможность нравственного воздействия на своих учеников. Об этом проникновенно написал А.С. Пушкин в своем обращении к А.П. Куницыну: «Он создал нас, он воспитал наш пламень...». «Куницын умел учить и добру учили», – так написал о нем Е. Энгельгардт. Лицеисты «вспоминали А.П. Куницына всегда с восхищением» [1].

Естественно поставить вопрос: каким же требованиям должны отвечать общение преподавателя со студентами и сама личность преподавателя, чтобы наиболее эффективно служить достижению поставленной цели. Преподаватель вуза должен иметь свою собственную систему взглядов, основанную на высоком нравственном уровне. В процессе обучения студенты имеют возможность оценить кругозор преподавателя и его научную компетентность, не только во время проведения лекционных и семинарских занятий. Это возможно, например, при их участии, как в студенческих научно-практических конференциях под руководством своего преподавателя, так и в конференциях профессорско-преподавательского состава. Такие формы работы создают дополнительные возможности для диалога, способствует повышению авторитета и уважения обучающихся к своему педагогу.

Преподаватель должен любить педагогическую деятельность, любить то, что преподает и любить тех, кому преподает. Равнодушным преподаватель быть не может. Особенно зримо это проявляется при изучении гуманитарных дисциплин и, в частности, истории.

Обращая внимание на важное место истории в системе образования, С.М. Соловьев справедливо отмечал, что преподавание истории дело «чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан» [2].

Действительно, занятия по истории Отечества в значительной степени способствуют формированию у студентов чувства сопричастности к судьбе своей Родины, активной гражданской позиции, патриотических настроений.

В программной статье В. Мединского «7 тезисов о том, как изучать

и преподавать историю» выражена важная мысль – к истории нельзя относиться равнодушно или тем более с презрением. Другой истории нет, нужно уважать свою историю, не лакируя и не замалчивая «темные» страницы [3].

История нашего Отечества свидетельствует о том, что недооценка значения патриотизма приводила к ослаблению социально-экономических, духовных и культурных основ развития общества и государства. В нашей стране с 90-х годов XX века незаметно проводилась кампания, которую можно выразить словами «забудь свое прошлое», в ходе которой в отечественной истории искали только негатив. Это представляло угрозу самоидентификации России как самостоятельной страны и цивилизации.

Роль преподавателя заключается в недопущении того, чтобы наши студенты смотрели на свою действительность чужими глазами и через призму чуждых интересов, пренебрегая интересами и ценностями собственной страны. Преподаватель высшей школы готовит граждан с широким кругозором, глубокой гражданской позицией, размышляющих о смысле жизни, исторической правде и социальной справедливости.

Мы столкнулись с тем, что в определенный период либеральные реформаторы настаивали на том, что изучение истории в советский период было догматическим. Они убеждали в том, что преподаватель может обходиться в своих лекциях простым изложением фактов, не выражая собственного мнения. Соответственно, студенты могут выбирать любое личное отношение к этим фактам. Слова звучат красиво, но подобный подход может привести к фальсификации истории, ошибочным ее трактовкам. Студент первого курса, имея весьма слабые исторические познания, вряд ли сумеет самостоятельно выработать научный подход, на котором бы было основано его собственное мнение. История наука сложная, неоднозначная, поэтому представляется очевидным, что без помощи педагога, даже по учебнику, студентам сложно будет познать глубокие причинно-следственные связи исторических событий.

Как отмечал известный французский социолог Эмиль Дюркгейм, «если историк относится ко всем фактам одинаково, без разбора, он оказывается в плена бесплодной эрудиции. Он может заинтересовать небольшой круг эрудитов, но это уже не будет полезным и живым делом» [4]. Историк-преподаватель учит изучать, обсуждать, размышлять, дискутировать, формировать свои взгляды, нащупывать общность интересов при разнообразии мнений искать консенсус, учит толерантности – одной из необходимых компетенций.

Именно для таких задач требуется опытный педагог, который станет проводником по историческим лабиринтам и тупикам, направляя студента на изучение глубинных сил истории, закономерностей, тенденций и противоречий, содействуя, в конечном итоге, формированию у обучающихся объективной картины мирового исторического развития. Такой педагог излагает не курьезные факты и исторические анекдоты, формируя тем самым поверхностные представления об исторических событиях. Ведь подобный подход может привести к чтению безыдейного, универсального курса лекций по истории страны, заменяя полноценный исторический анализ.

Преподаватель – это профессионал, специалист, ученый, это человек, посвятивший своему предмету жизнь, свой труд, свой профессиональный интерес. В статье преподавателей истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета справедливо отмечено: «У опытного преподавателя складывается своя гармоничная трактовка событий, модель исторического процесса, видение прошлого, оценка настоящего» [5].

Кроме того, в отличие от многих других наук, преподавание истории связано с человеческими эмоциями. Эмоциональный фактор является одним из необходимых методов педагогического мастерства, формирующий мировоззрение учащихся, в том числе развивающий любовь к своей стране, чувство патриотизма. В этой связи, надо обратить внимание на широкое использование интернета в современном мире, что имеет и свои плюсы, и свои минусы. Через компьютер патриотизм не передается, зато вполне передается русофobia. Интернет поможет узнать конкретные даты событий, имена государственных и политических деятелей. При этом интернет содержит множество ложных исторических оценок и фактов, в которых студенту подчас сложно разобраться самостоятельно. Они не просто не способствуют патриотической позиции, у еще не сформировавшей свою гражданственность молодежи, а являются инструментом манипуляций ее сознанием. Как правильно пишет в своей статье А.В. Бондаревский: «Патриотизм – это жгучее ощущение предвзятого несправедливого отношения наших «партнеров» к нашей стране, ее истории, народу, возмущение русофобской политикой... Тотальная цифровизация и компьютеризация учебного процесса не всегда способствует улучшению образования, а часто ставит своей целью его удешевление, «оптимизацию» и сокращение преподавателей» [6].

Патриотическое воспитание – это планомерная, разносторонняя, ежедневная работа. Педагог сам должен являться примером патриотичного человека с чёткой гражданской позицией, который на своем

месте служит Отечеству. Только совокупность всех указанных качеств личности преподавателя обеспечивает его профессиональный успех и недопущение деформации исторического сознания молодежи, способствует достижению поставленной цели – формированию патриотической позиции обучающихся.

Литература и источники

1. И.В. Малиновский о Пушкине в лицее // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/s38/s3822133.htm?cmd=p> (Дата обращения 18.10.2025).
2. Соловьев С.М. Избранные произведения в 3-х томах. Т.1.М., 1997. С.34.3. Семь тезисов об истории. URL: <https://dzen.ru/away?to=https%3A%2F%2Frussian.rt.com%2Fopinion%2F792975-medinskii-istoriya-tezisy> (Дата обращения 18.10.2025)
4. Дюргейм Э. Социология. М., Канон. 1995. С. 196.
5. Кузенкова М.В., Щемелева Е.Г. Вузовский курс «Истории» в системе современного Российского образования: проблемные аспекты // КЛИО, 2024. № 2 (206). С. 240.
6. Бондаревский А.В. Отличие вузовского курса «История» от других учебных дисциплин, и его примитивизация цифровизацией. Материалы международной конференции «Гуманитарные науки в современном мире: вчера, сегодня, завтра», СПб, «ЛЭТИ», 2019. С. 42-50.

Дж. Манти
J. Manteith

В поисках этического патриотизма: «Король былого и грядущего» Т.Х. Уайта

The Quest for an Ethical Patriotism: T.H. White's The Once and Future King

Аннотация. Статья рассматривает многослойный патриотизм Т. Х. Уайта, сформировавшийся во время его пребывания в нейтральной Ирландии в военные годы и отразившийся в его артуровских романах. Показано, как Уайт переосмысливает патриотизм через такие понятия, как этическое управление, транснациональные культурные идеалы и связи с природой и человечеством.

Ключевые слова: Т.Х. Уайт, патриотизм, Король былого и грядущего, Артуровская легенда, Ирландия, Вторая мировая война, нейтралитет, этическое управление, культурные идеалы.

Abstract. The article examines T.H. White's multi-layered patriotism, influenced by his wartime retreat in neutral Ireland and expressed through his Arthurian novels. The writer's work can be seen as redefining patriotism via ethical governance, transnational cultural ideals, and connections with nature and humanity.

Keywords: T.H. White, patriotism, *The Once and Future King*, Arthurian legend, Ireland, World War II, neutrality, ethical governance, cultural ideals.

Жизнь и творчество британского писателя Т.Х. Уайта были сформированы его борьбой с вопросами направления патриотизма. Натуралист и ученый, специалист по «Смерти Артура» Томаса Мэлори и других памятников английской литературы [1, с. 75], он искал укоренность через научное исследование и полевую практику [1, с. 19]. Самоизгнание в Ирландию в военные годы укрепило его убеждение, что патриотизм заключается не только в верности нации, а в культивации этического управления и подлинных культурных идеалов, превосходящих племенные границы и человеческую исключительность. Он воплощал это видение в пересказе артуровской саги — «Король былого и грядущего» [2].

Уайт задумал цикл как состоящий из четырех или пяти томов: «Меч в камне» [3] написан в сельской Англии; «Царица воздуха и тьмы», первоначально «Лесная колдунья» [4], завершена уже на ферме в Ирландии, чей нейтралитет сформировал его перспективу. Находясь там, он опубликовал «Рыцаря, совершившего проступок» [5] и подготовил «Свечу на ветру» и «Книгу Мерлина». Однотомное издание 1958 г. существенно переработано; «Книга Мерлина» вышла лишь посмертно [6]. Хотя перенесенный туберкулез мог сделать его негодным к военной службе [7, с. 100], Уайт предлагал себя Министерству информации и Добровольному резерву Королевских BBC [7, с. 108; 8, с. 186, 191]. Он пытался вернуться в Англию в 1942 г., но получил отказ в выезде [8, с. 197] и остался писать в Ирландии. После войны он поселился на острове Олдерни. Эта биографическая дуга задает контекст критики принципа «права сильного» в книгах и убеждения Уайта, что созидание культуры является формой патриотической службы: «Я... решил, что сейчас могу сделать для Цивилизации больше, чем сражаясь за нее, — поскольку могу ее создать» [7, с. 108].

Военные темы Уайтаозвучны позициям его старших британских сверстников Толкина и Льюиса: обращение к прошлому, гуманистальным дисциплинам и воображению для диагностики бед настоящего, где слабое образование делает граждан уязвимыми для пропаганды [9, xv]. Оба, оставаясь в Британии как академики, вносили свой интеллектуальный вклад (в том числе радиопередачи Льюиса) [10, с. 182–185]. Уайт, работая за границей как независимый ученый, подвергался кри-

тике за пребывание вне юрисдикции [8, с. 235]. Внутренний конфликт давил на психику («его уверения в счастье в Эйре были в зависимости от совести или обстоятельств» [8, с. 339]); он страдал от недомоганий и депрессий («медленная меланхолическая интоксикация» [11, с. 111]) и до смерти колебался между печалью и утешением в дружбе, науке и творчестве [8, с. 339–341]. При этом его сочинения раскрывают философские основания его решений.

Цикл подвергает явление войны строгой критике. Она стала наиболее явно выражаться при сочинении четвертого и пятого томов, сочетающая пацифизм с ограниченным признанием принципов «справедливой войны» (самооборона). К завершению цикла Уайт переписал первые три тома в соответствии с двумя последними, что в условиях дефицита бумаги сделало дальнейшую публикацию невозможной [6, с. xxvi]. Кроме этого, могли настороживать мрачный пессимизм четвертого тома и полемическая цель пятого — «повлиять на то, как люди думают о войне, и побудить их заключить новый и более разумный мир» [8, с. 190]. Впоследствии Уайт вплел главы «Книги Мерлина» о муравьях и гусях в однотомник [8, с. 242]; исключение большей части текста пятого тома изменило структуру, тон и прояснение представлений о патриотическом долге. Задержка публикации ослабила непосредственный эффект в военное время, но этика и эстетика цикла сохранили влияние.

Главные фигуры цикла — Артур, его наставник Мерлин и Ланселот — нередко читаются как грани личности самого Уайта [1, с. 83]. Их траектории показывают напряжения между принуждением и совестью, родовой лояльностью и гражданским идеалом, гордыней и смиренiem.

«Меч в камне» вводит тему образования как основы просвещенного управления. Мерлин учит юного Артура, что «право сильного» дает ущербные результаты. Меняя Артуру облик, Мерлин отправляет его к животным, чтобы продемонстрировать альтернативы принуждению и расширить его моральное сообщество. Щука воплощает «право сильного» [2, с. 45]; полет с гусями дает прозрения о нетерриториальном кооперативном образе жизни [2, с. 161–167]; а книголюбивый барсук представляет созерцательную, ученую жизнь [2, с. 179–184]. Эти встречи готовят Артура к признанию, что грубая сила не может создать порядок; справедливые союзы превосходят границы; а вдумчивость может закрепить гражданский смысл — опоры этического, транснационального и межвидового патриотизма.

«Царица воздуха и тьмы» усиливает эти уроки с начала правления: Артур утверждает, что «сила — не право» [2, с. 236], и задумывает братство, где заслуги и единство в служении добру заменяют клановое соперничество и разбой [2, с. 237]. Однако обиды покоренных кланов

поддерживают распри. Круглый стол двора Артура знаменует патриотизм высоких идеалов; кланы —узкую лояльность. Уайт противопоставляет новые поселенческие образования островов старым местным народам. Его портреты гэлов, нередко отмеченные отрицательными обобщениями, частично отражают усиление англо-ирландских напряжений нейтралитетом Ирландии [12, ix]. Хотя Уайт жил среди доброжелательных соседей, он изображает ряд архетипических местных фигур как носителей традиционализма, враждебного рационалистическим и правовым идеалам Артура [1, с. 98]. Сохраненные едкие замечания о гэлах и в издании 1958 г. показывают, что взгляд Уайта на ирландскую тему остался непростым и после войны; при этом главные гэльские рыцари, как у Мэлори, несут трагический потенциал величия. Их расколотые личности тоже отражают другие аспекты личности Уайта [1, с. 86].

В «Рыцаре, совершившем проступок» Ланселот становится главным носителем принципов Артура, но нравственно компрометируется связью с Гвиневрой. Поход за Граалем переориентирует честь в сторону смирения и самообладания; сам Уайт, хотя и пародировал религию, под ирландскими влияниями был близок к обращению в католицизм [8, с. 170], но отступил [7, с. 101], сохранив молитвенную практику при продолжающемся агностицизме [8, с. 271–272]. Ланселот переживает схожие духовные препятствия. Поход обогащает видение трансцендентного патриотизма, углубляющего проект Артура, даже когда клановая вражда использует трещину, открытую неверностью Ланселота.

«Свеча на ветру» показывает, как попытки Артура установить кодекс гражданского права [2, с. 543] рушатся под влиянием конфликта с Ланселотом и гражданской войны Мордреда — племянника и, о чём неведомо королю, сына, рожденного колдовским инцестом. Мордред поднимает британские народы на мятеж, в частности через протопопулистскую партию [2, с. 585], заменяя принципиальный патриотизм Артура манипуляцией и обидами. Книга обрывается накануне фатальной битвы — в шатре Артур передает завет пажу, вероятному юному Мэлори [2, с. 626–629]. Устойчивость культуры становится последним бастионом гражданского идеала.

В «Книге Мерлина», долго остававшейся неопубликованной, Мерлин является накануне битвы, останавливает время, возвращает разум короля к детской пластичности и кратко воссоединяет его с животными, участвовавшими в его воспитании. Значительную часть книги занимают новые наставления Мерлина и животных. Они выносят суровое приговор человечеству: это не *Homo sapiens*, а *Homo ferox*, «самое свирепое из животных» [6, с. 44]. Эта педагогика поддерживает

критику войны и обосновывает включение в патриотизм всех живых существ. При этом Мерлин отвергает проекты унификации-уравниловки, сопоставляя их с тоталитарными практиками, неотличимыми от фашизма (пророческий опыт волшебника позволяет ему пользоваться политической терминологией XX в.) [6, с. 89]. Артур почти отрекается от королевских обязанностей [6, с. 143–144], но принимает их вновь — из любви не только к Англии, но и ко всем, кто готов следовать даже за кажущейся истиной: «не должны быть правы относительно своей истины... Достаточно, чтобы они, малочисленные мученики, установили величие...» [6, с. 156]. Такое наднациональное и надличностное выражение патриотической солидарности, неопубликованное при жизни Уайта, является ключом к мировоззрению, воплощенному в цикле. Наградой Артуру становится ироничное наставление Мерлина о войне как явлении, которое, несмотря на его этическую неприемлемость, имеет некоторые культурные функции — к примеру, «Война — одна из главных движущих сил романтики» [6, с. 164]. Поддержка наставника и животных укрепляет стоицизм короля. Вернувшись на фронт, он прибегает к дипломатии, предлагая даже раздел королевства с Мордредом; нелепая случайность срывает перемирие, и король погибает [6, с. 181–184]. Гвиневра и Ланселот искупают вину, уйдя в монастыри [6, с. 184–185], как и у Мэлори [13, с. 689, 693]. Самоотречение, образующее небольшие «царства Божии», предстает одной из немногих прочных форм земного патриотизма — суррогатом культурно и государственно выверенного идеала, к которому стремилась жизнь Артура.

«Король былого и грядущего» переосмысляет патриотизм:

- 1) отказ от узкой лояльности в пользу общих этических норм, равномерно разделяемых внутри общества и сопоставимых между обществами;
- 2) переходы между сообществами по призванию, не происхождению;
- 3) верность вечным культурным идеалам вне сиюминутной политики;
- 4) верность высшей человеческой природе и природному миру.

Подобно своим героям, Т.Х. Уайту пришлось пройти испытания силами, отчасти превышавшими его возможности. При этом испытания углубили его понимание целостного патриотизма — одно из качеств, которые делают его труды достойными непреходящего внимания.

...

Литература и источники

1. Crane J.K. T.H. White. New York: Twayne, 1974. 202 с.
2. White T.H. The Once and Future King. London: Collins, 1958. *Цит. по изданию* New York: G.P. Putnam's Sons, 1958. 631 с.

3. White T.H. *The Sword in the Stone*. London: Collins, 1938; New York: G.P. Putnam's Sons, 1939. 312 c.
4. White T.H. *The Witch in the Wood*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1939; London: Collins, 1940. 282 c.
5. White T.H. *The Ill-Made Knight*. New York: G.P. Putnam's Sons, 1940; London: Collins, 1941. 291 c.
6. White T.H. *The Book of Merlyn* / предисл. S.T. Warner. Austin: University of Texas Press, 1977. 160 c. *Цит. по изданию* New York: Berkley, 1978. 193 c.
7. White T.H. Letters to a Friend. The Correspondence Between T.H. White and L.J. Potts / ред. F. Gallix. Gloucester: Alan Sutton, 1984. 278 c.
8. Warner S.T. T.H. White: A Biography. New York: Viking, 1968. 352 c.
9. Jacobs A. *The Year of Our Lord 1943*. New York: Oxford University Press, 2018. 256 c.
10. Carpenter H. *The Inklings*. C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams, and Their Friends. Boston: Houghton Mifflin, 1979. 287 c.
11. White T.H. *The White/Garnett Letters* / ред. D. Garnett. New York: Viking, 1968. 318 c.
12. Fisk R. *In Time of War: Ireland, Ulster, and the Price of Neutrality, 1939-45*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982. 565 c.
13. Malory T. *Le Morte Darthur* / ред. S. Shepherd. New York, London: W.W. Norton, 2004. 954 c.

C. И. Малахова
S. I. Malakhova

Для французского министра грех быть итальянцем? Дебаты в памфлетах Фронды

Is it a sin for a French minister to be Italian? Debates in the Fronde pamphlets

Аннотация. Фронда во многом была вызвана недовольством французов действиями первого министра Джюлио Мазарини. Итальянское происхождение политика в негативном ключе подчеркивал и как принц крови Конде, так и авторы многочисленных памфлетов Фронды – мазаринад. В интерпретации Конде Мазарини был злейшим врагом государства, а кардинал обращал внимание на сотрудничество принца с Испанией против партии двора. Правление министра-итальянца заставляло французов чувствовать себя ущемленными.

Ключевые слова: Франция XVII в., Фронда, мазаринады, политическое противостояние, патриотизм.

Abstract. The Fronde was largely fueled by French dissatisfaction with the actions of their first minister, Giulio Mazarin. The politician's Italian origins were emphasized in a negative light by both Prince de Condé and the authors of numer-

ous Fronde pamphlets—the Mazarinades. Condé interpreted Mazarin as the state's worst enemy, while the cardinal drew attention to the prince's collaboration with Spain against the court party. The rule of the Italian minister left the French feeling oppressed.

Keywords: France in the 17th century, the Fronde, Mazarinades, political confrontation, patriotism.

Фронда – гражданская война во Франции (1648–1653 гг.) в период малолетства короля Людовика XIV, в ходе которой Парижский парламент и народ, а также недовольные дворяне активно сопротивлялись политике непопулярного первого министра – кардинала Джюлио Мазарини (1602–1661 гг.). Борьба знатных французских дворян против партии двора и министра иностранного происхождения наводит на мысль о том, что Фронду можно рассматривать в контексте патриотизма и национализма. В данной статье я бы хотела сконцентрировать внимание на двух аспектах:

1. противостояния принца крови Конде и кардинала Мазарини;
2. гиперфиксации памфлетов времени Фронды на иностранном происхождении первого министра.

I. Принц Конде против кардинала Мазарини: сражение в письмах

Образы злокозненного иностранца и мятежного принца во многом сформировались в коллективной памяти французов благодаря необъективным, но очень популярным мазаринадам¹, которые являются источниками для данной статьи. Изучая письма к королю и королеве политических оппонентов – принца Конде и кардинала Мазарини – можно заметить схожие мотивы. Оба утверждали, что они были полностью лояльны французскому престолу, *ставили превыше всего интересы государства и уже оказали короне важные услуги*. Конде подчеркивал свои военные победы в годы Тридцатилетней войны [1, с. 2]². Также принц делал акцент на том, что не выступал против короля – только против первого министра.

Последний также не стесняясь упоминал о значимости своих действий во благо короны: к примеру, в письме к королеве Мазарини рассказывал о «бескорыстии» и «рвении», с которыми он служил Франции [2, с. 1]. Автор красноречиво утверждал, что все его частные интересы были направлены на благо Франции [3, с. 5]. Таким образом, Мазарини представил себя в качестве «жертвы государству», принесенной, чтобы «успокоить все бури» [3, с. 5]. Свою *жертвенность кардинал объяснял преданностью чужой для него стране*: «моя любовь к Франции давно и глубоко укоренилась, и никакое плохое

обращение не способно ее поколебать» [3, с. 5–6]. Мазарини строил аргументацию на том, что являлся законным министром и *зашитал интересы французской короны*. Он всячески подчеркивал, что якобы и фрондеры, и кондеанцы были бунтовщиками не только против него лично, но и против королевской власти. В письмах он многократно сравнивал Фронду с опасным недугом, который «сжигает внутренности организма» [2, с. 3].

Оба *обвиняли друг друга в действиях против Франции, которые привели к разжиганию гражданской войны*. Принц Конде открытым текстом называл Мазарини «явным врагом государства» и «нарушителем общественного спокойствия» [1, с. 5, 10]³. Принц обратил внимание на тот факт, что возвращение кардинала из изгнания наносит вред авторитету короля. Конде заметил, что министр был выслан по декларации⁴, которая навсегда закрыла ему въезд в страну. Если грубо нарушаются указ парламента, имеющий юридическую силу правового акта в государстве, это подрывает репутацию как парламента, так и монарха. С аргументом Людовика де Бурбона сложно поспорить [1, с. 7].

Мазарини с осуждением писал о партии кондеанцев, что они установили «тесные связи с испанцами», а подписание договоров с ними разожгло «огонь гражданской войны» [3, с. 7]. Все это *очень походило на государственную измену*, потому что Франция в то время все еще находилась в состоянии войны с Испанией. Конде не отрицал связей с иностранным государством: более того, он открытым текстом написал королю, что Испания, «знакомая с его проектами», а также другие европейские государства сами предложили ему помочь по выдворению «этого человека вне закона (кардинала Мазарини – С.М.)» [1, с. 7]. Важно отметить, что первый министр также прибегал к помощи иностранных войск во время гражданской войны, что имело плачевые последствия для мирного населения [4, с. 5].

Итак, в интерпретации принца и других «мятежников» кардинал был злейшим врагом государства, а Мазарини обращал внимание на сотрудничество Конде с Испанией и на организацию войск против воли французской короны. При этом оба вождя гражданской войны активно пользовались военной поддержкой других государств для реализации собственных целей, «прикрытых» интересами страны и короны. И Конде, и Мазарини писали друг про друга как про врагов короны, действовавших в корыстных интересах.

II. Быть итальянцем – грех, если ты министр во Франции

Тексты из Национальной Библиотеки Франции и Государственной

публичной исторической библиотеки в Москве дают материал для анализа «грехов», в которых авторы мазаринад анонимно обвиняли первого министра. Полный список красочных эпитетов, которыми памфлетисты именовали объект критики, едва ли возможно составить. Среди них много выражений, связанных с животными, мифическими существами и неодушевленными предметами, такими как: адская фурия, морское чудовище, волк-оборотень, выводок змей, страус, способный переваривать железо и сталь, флюгер, поддающийся любому ветру.

Акцентирование внимания на *иностранным происхождении* первого министра является отличительной чертой открытых писем и памфлетов. К примеру, принц Конде свысока упоминал о нем как об «этом иностранце» [3, с. 7]. Другие памфлеты также отличаются не самым приветливым отношением к политику родом из Италии. В мазаринаде «Преследуемая нищета»⁵ прямым текстом говорится, что королева предпочитает «чужую кровь отечественной крови французов»; «французы – ваши (*королевы – С.М.*) законные подданные, Мазарини – иностранец. Достаточно сказать, что он с Сицилии» [5, с. 5, 6–7]. Можно представить себе, какие чувства испытывала королева-испанка, если она читала это письмо. Тот же мотив звучит в мазаринаде «Франция у ног короля», где кардинала называли «сицилийским тираном» [6, с. 2]. Примечательно, что она начинается с эпиграфа на латыни: «Несправедливо, что какой-то итальянец завоевал великую страну» [6, с. 1].

Мазаринада «Государство в беде из-за правления иностранцев» целиком построена на мысли о том, что «общая болезнь всех государств» – неспособность терпеть его [7]. Памфлетист утверждал, что участие иностранцев в управлении государством является одним из способов его разрушения. Текст полон отсылок к истории Библии, Афин, Спарты, Древнего Рима и др., из которых следует однозначный вывод о негативном влиянии иностранцев. Отдельное место в мазаринаде занимает тезис о превосходстве французов над другими нациями: «Французы, которые всегда хотели жить в соответствии со своей древней свободой, никогда не могли терпеть министерство иностранцев. <...> им было почти невозможно привыкнуть к легко-мыслию англичан, тяжеловесности немцев, помпезности испанцев, медлительности итальянцев» [7, с. 4]. Автор последовательно подводит читателей к мысли о том, что образ действий кардинала Мазарини никак не сочетается с традициями французской нации, и поэтому «не может быть терпим» [7, с. 10].

Гиперфиксация мазаринад на иностранном происхождении первого министра вполне объяснима. С одной стороны, господство мини-

стра-итальянца заставляло французов чувствовать себя «игрушкой и посмешищем в руках других наций» [8, с. 3–4], то есть, по мнению памфлетистов, дискредитировало их родину в глазах соседних стран. В эпоху, когда в Европе практически не прекращались войны, было не просто невыгодно, но очень опасно показывать слабость государства. С другой стороны, если один из наиболее значимых людей, представляющих власть во Франции, происходил из другой страны, зачем ему было заботиться о чужой родине? Авторы анонимных памфлетов утверждали, что кардинал вывез из Франции все ее богатства и заставил простых людей голодать. «Мазарини хочет довести нас (французских бедняков – С.М.) до нищенства… он мог свободно истощать сокровища нашей казны и все кошельки королевства» [5, с. 8], – писала «Преследуемая нищета». «Франция у ног короля» также считала целью кардинала Мазарини с помощью «несчастных» сторонников завладеть сокровищами и перевести их в Италию, «а затем посмеяться над нашей (французов – С.М.) глупостью» [6, с. 3].

Проанализированные памфлеты примечательны тем, что в них соединились как личные амбиции участников Фронды, так и политические заявления. Анализ этих источников позволяет понять, как политическая борьба выходила за рамки дворцовых интриг, переносясь в публичное пространство. Авторы памфлетов транслировали злободневные идеи непосредственно во время гражданской войны и стремились вызвать ненависть к иностранному министру, эксплуатируя патриотизм французов. По этой причине мазаринады были серьезным информационным оружием во время Фронды, с помощью которого можно было пропагандировать идеи своего лагеря, очернить противника, анонимно устраивая провокации и писать откровенную ложь, чтобы уничтожить репутацию главы партии или добиться активных действий двора. Письма Мазарини к королеве и к королю, в которых он оправдывался за свои действия и убеждал, что его намерения и действия неправильно истолковали, свидетельствуют об эффективности такого метода борьбы.

Примечания

¹ С конца 1648 г. по начало 1653 г. появилось около 5500 брошюр, связанных с гражданской войной и деятельностью первого министра Джюлио Мазарини. Среди брошюр есть самые разные типы публикаций: злобные пасквили, песни, стихи, рассказы, манифесты, советы перед обсуждением в парламенте, открытые письма королеве, апологии и др.

² В письме к королю, посвященном возвращению кардинала во Францию, сказано следующее: «Сир, я никогда не искал в своих действиях ничего иного, кроме вашей безопасности, блага государства, славы Франции и сча-

стя народа; у меня не было других мыслей в дни Рокруа, Фрайбурга, Норлингена и Ланса, когда я заставил торжествовать герб Вашего Величества». Принц имеет в виду военные победы под его командованием во время Тридцатилетней войны, подчеркивая этим свою лояльность и готовность пролить кровь ради французской монархии.

³ С точки зрения принца, Конде кардинал решил «отправиться в поход» на Французское королевство и, воспользовавшись церемонией совершеннолетия Людовика XIV, зарегистрировать в парламенте декларацию против него, чтобы обвинить в оскорблении величества. Конде считал, что это дало бы министру больше свободы в дальнейших действиях.

⁴ Принц называет ее в письме «Сентябрьская декларация».

⁵ Названия мазаринад в тексте статьи приведены в сокращении. Полные версии названий см. в списке источников.

Список источников (мазаринады и письма):

1. Lettre de Monsieur le Prince de Condé escripte au Roy, Sur le sujet du retour du C.Mazarin. [S. l.], 1652.
2. Lettre de monsieur le cardinal Mazarini a la Reyne. [S. l.], 1652.
3. Lettre de monsieur le cardinal Mazarin, écrite au roi, sur son retour de France. [S. l.], 1652.
4. Suitte et seconde courrier françois, apportant toutes les nouvelles de ce qui s'est passé depuis sa première arrivée jusques à présent. A Paris chez Rolin de la Haye, rue d'Escosse, près le Puits Certain. 1649.
5. La verité sans masque de la misere persecutee, ou La plainte des pauvres a la Reine, contre le cardinal Mazarin. [S. l.], 1649.
6. La France désolée aux pieds du roy. Où le Gouvernement tyrannique de Mararin est succinctement descrit. [S. l.], 1649.
7. L'Estat en trouble Par le Gouvernement des Estrangers. Où l'on verra que c'est une maladie ordinaire à tous les Estats de ne pouvoir souffrir un Gouvernement Estranger, & que tant que nous serons gouvernez par eux; il est bien difficile que nous ayons une bonne Paix. Par M. N. R. F. I. A Paris. Chez Antoine Chrestien, Imprimeur, rue des Sept-Voyes, devant le College de Fortet. 1652.
8. La verite reconneue par Monseigneur le Prince de Condé, sur les entreprises de la Reyne contre la Ville de Paris. A Paris, Chez Pierre Lombard, au Mont sain [sic] Hilaire. 1652.

Патриотизм Федора Ростопчина

The Patriotism of Fyodor Rostopchin

Аннотация. Деятельность Федора Ростопчина на посту московского генерал-губернатора имела как положительные, так и отрицательные стороны. Тем не менее это было истовое сознательное служение на благо Отечества в сложный для него период без поиска каких-либо наград и бенефиций. Россия имела бы гораздо менее шансов устоять, если бы Александр I выбрал бы для этой должности другого человека.

Ключевые слова: Федор Ростопчин, *Отечественная война 1812 года*, Наталья Нарышкина, Михаил Верещагин.

Abstract. Fyodor Rostopchin's tenure as Moscow Governor-General had both positive and negative aspects. Nevertheless, it was a fervent and conscientious service to the good of the Fatherland during a difficult period, without seeking any rewards or benefits. Russia would have had far less chance of surviving if Alexander I had chosen someone else for this position.

Keywords: Fyodor Rostopchin, *Patriotic War of 1812*, Natalia Naryshkina, Mikhail Vereshchagin.

Федор Васильевич Растопчин в романе Льва Николаевича Толстого «Война и мир» представлен человеком крайне непорядочным, истеричным, спонтанно принимающим решения, безответственным, крайне эгоистичным, бестолковым и чрезвычайно жестоким. Основным источником Толстого была брошюра некоего Ивана Жукова [1], написанная по материалам дела сына московского купца Михаила Верещагина, который был за политическое преступление приговорен Сенатом к смерти, но погиб не от руки палача, а был предан Ростопчиным в руки московского люда 2 сентября 1812 г., т. е. в тот день, когда французы входили в Москву, и настроение среди немногочисленного оставшегося в Москве населения было самое мрачное. Верещагин писал прокламации от лица Наполеона и собирался их распространять среди населения Москвы и Московской губернии. Скорее всего, за организацией выпуска и распространения прокламаций стояли более влиятельные, чем сын купца люди; Ростопчин именовал их мартинистами. Примечательно, что малоизвестная и малотиражная небольшая книжка Жукова есть в Интернете в Оксфордской библиотеке, т. е. изложенная в ней концепция, несмотря на всю ее тенденциозность, имеет определенный вес и в настоящее время.

Здесь надо заметить, что работы, в которых фигура Федора Васильевича Ростопчина, в годы Отечественной войны генерал-губернатора

тора Москвы, и событий в Москве в июне-сентябре 1812 г. представлена гораздо более объективно, были большей частью опубликованы позднее выхода в свет романа Толстого. Хотя, думается, они были ему доступны при желании и ранее. Толстые – родственники Ростопчина, Наталия Федоровна, дочь Федора Ростопчина, в замужестве Нарышкина, прожила до 1863 г. и параллельно с созданием Толстым знаменитого романа писала свои мемуары. Вряд ли для кого-то было тайной, что она располагала значительными материалами по этому вопросу. По счастью, ей не привелось прочесть роман и увидеть уничтожительную оценку своего родителя, которого она так глубоко почитала и так стремилась защитить от неблагодарных потомков. Возможно, что такая ее позиция Толстого не устраивала, и выбор писателя обусловлен тем, что Жуков представляет гибель Верещагина как результат случайного стечения многих обстоятельств, стихийное событие, обусловленное преимущественно бездушной жестокостью властей предержащих, стремящихся большей частью лишь снять с себя ответственность. Может быть, в трактовке образа Ростопчина сыграла значительную роль точка зрения Николая Тургенева, негативно оценивавшего деятельность московского генерал-губернатора.

Мемуары Наталии Федоровны Нарышкиной на французском языке вышли в свет в 1912 г. и для историографии рассматриваемого периода большого значения не имели, видимо, опять же в силу апологетического настроя автора, несмотря на представленный обильный фактический материал и стремление мемуаристки к объективности рассмотрения. Перевод этого труда был осуществлён только сто лет спустя после его издания, он был сделан известным петербургским переводчиком Д.В. Соловьевым и под редакцией С.Н. Искюля вышел в 2016 г. в издательском доме «Петрополис». В издание включён также новый перевод Соловьевым записок Ростопчина «1812»; приблизительный переложение которых издавалось в 1877 г. Обширные комментарии Искюля к обоим мемуарам и подробный указатель имен придает изданию «Петрополиса» энциклопедический характер.

Итак, что же было на самом деле, если судить по всему тому материалу, который представлен в издании?

Федор Васильевич Ростопчин был птенцом гнезда Екатерины II. Как государственный деятель прогрессивного толка он сформировался в екатерининскую эпоху. Он входил в число доверенных лиц императрицы, присутствовал при ее кончине, причем оставался единственным, кто был с ней до самого ее конца, т. е. метаморфозы, которые претерпевает лицо умирающего при покидании его жизни, наблюдал один только Ростопчин. Все остальные ушли раньше, когда стало по-

нятно, что надежды никакой нет, и императрица умирает. Даже пораженный горем Платон Зубов тоже отсутствовал. После кончины Екатерины Ростопчин несколько часов разбирал и переписывал интересовавшие его бумаги. В частности, это также подтверждает его очень высокий статус при дворе; он лишился этого статуса лишь в 1815 г. в результате разлада с Александром I.

Что же он переписывал, и при чем здесь Верещагин?

Ростопчин копировал бумаги, относившиеся к делу так называемых мартинистов [3]. Верещагин же был мартинист, один из тех, кто, естественно, был на самом низком иерархическом уровне этой организации.

Т. е. интерес Ростопчина к мартинистам и размышления о том, как можно им противостоять, относятся, как минимум, к 1796 г.

В 1811 г. Ростопчин представил записку о мартинистах Екатерине Павловне, влиятельной сестре Александра I, где описал и историю вопроса, и состав организации, и могущие от ее деятельности произойти последствия. Реакция царя на этот документ, и то, принял ли он сей труд к сведению, в книге не приводится, хотя не исключено, что где-то об этом можно узнать. Работа Ростопчина была опубликована в «Русском архиве» в 1878 г.

Деятельность Ростопчина в качестве генерал-губернатора

Ростопчин не хотел занимать этот пост. Александр I настаивал на том, чтобы Ростопчин его занял. Возможно, что настойчивость царя определялась влиянием сестры. К тому времени Ростопчин был уже утомлен своей карьерой при взбалмошном Павле I и не имел желания продолжать заниматься государственной деятельностью. Будучи вынужден уступить настойчивости царя, Ростопчин оговорил для себя условие, что он ни в коем случае не будет получать никаких наград, поощрений, титулов, регалий, но за генерал-губернатором должно быть оставлено право выдвигать для награждения своих сотрудников.

Чем занимался Ростопчин на должности генерал-губернатора и главнокомандующего в московском регионе? Надо здесь заметить, что при заступлении в должность Ростопчин сменил гражданский статус на военный. Александр I передал Ростопчину экстраординарные полномочия, сравнимые с тем, как то было во времена восстания Емельяна Пугачева.

Вначале, как истый последователь Екатерины II, он сознательно провел ряд мероприятий по привлечению расположения московских жителей. Затем стал настойчиво и последовательно проводить свою политику. Она состояла, прежде всего, в поддержании порядка и пре-

сечении бунтов в зародыше. В том ему помогали полицейские чины разной степени компетентности. Ростопчин знал, что такое русский бунт и считал, что волнения в Москве могут быстро перекинуться на регионы и погубить Россию.

Важно было спасти иностранцев, против которых москвичи выступали не только стихийно, но и составляли заговоры с целью уничтожения. Итогом его деятельности в этом направлении была практически полная высылка иностранцев с целью их безопасности. Остались только те, кто ждал французов.

С момента начала боевых действий, а особенно с оставления Смоленска, Ростопчин организовывал прием и лечение раненых, затем, по мере возрастания вероятности оставления российскими войсками Москвы, организацией их вывоза. В частности, он организовал вывоз больших партий через Калугу в Рязань. Не все здесь прошло у него безупречно. Часть раненых осталась в Москве, часть погибла при пожаре. Цифры по погибшим значительно разнятся, на порядок [3]. Своей вины в произошедшем Ростопчин не отрицал, при этом он даже не ссылался в свое оправдание на стремительность изменения обстановки и определенные проблемы с транспортом, поскольку однократно из Москвы уезжало также и большинство ее населения; несмотря на реквизицию транспорта в пользу государства, его не хватало.

Ростопчин также обеспечивал все запросы действующей армии, коих было достаточно много.

Когда перспектива сдачи Москвы стала реальностью, одной из основных забот московского генерал-губернатора стало удаление из Москвы всех тех, кто так или иначе мог дать возможность Наполеону опереться в создании легитимного правительства. В результате никого из правительственный элиты в Москве не осталось.

Весьма известны воззвания к народу, афишки Ростопчина, которые составлялись им для информирования населения и компенсации высокопарности официальных обращений.

Не следует забывать и о подготовке Ростопчина Москвы к сожжению в том случае, если она будет оставлена неприятелю.

Верещагин

Здесь сразу бросается в глаза то, что жестокость, тем более истерическая жестокость, сопряженная с безответственностью и страхом за свою жизнь никак не были свойственны Ростопчину. Нарышкина и ряд других авторов считают произошедшее результатом сложного психологического состояния Ростопчина 2 сентября 1812 г. Однако собственноручное описание Ростопчиным этого эпизода [2] не содержит

такого объяснения, там нет и попыток самооправдания. Принимая во внимание, что Верещагин был не один, были попытки распространять прокламации в иных местах, его казнь представляется сознательным актом устрашения для других исполнителей поручений мартинистов. Видимо, Ростопчин счел возможным принять столь экстраординарные меры в силу отчаянного положения. По его мнению, оставление Москвы ставило Россию на край гибели, он никогда не одобрял стратегии М.И. Кутузова. Вспомним, что любезная и добрая Екатерина II умела быть в крайних случаях совершенно безжалостной.

Да, не все гладко выглядит, особенно с позиции сегодняшнего дня, поскольку, скорее всего, Ростопчиным было учтено то, что Верещагин был простолюдин, и за него некому было вступиться. И для мартинистов, и для Ростопчина этот человек стал расходным материалом.

Роль Александра I в этом деле непонятна, как непонятна она и в деле организации московского пожара. Вопрос, был ли царь как-то связан со всеми происшествиями, являлся ли их инициатором, или они действительно являются результатом принятых самостоятельно московским генерал-губернатором решений, остался открытым. Ростопчин в конце своих записок описывает охлаждение к нему царя и даже предъявление претензии с его стороны по поводу способа казни Верещагина. Можно вспомнить, что будучи приговоренным к смертной казни Сенатом, Верещагин находился в ожидании царского помилования, которого ждал первоначально и Ростопчин, но которого так и не случилось. В ответ Ростопчин осмеливается напомнить Александру I о том, что сожалея об этом военном эпизоде, в то же время он привечает известных убийц собственного отца. Было ли таковой разговор в действительности или нет, действительно ли Ростопчин впал в немилость из-за казни Верещагина, сказать нельзя. В некоторых своих сочинениях Ростопчин под настроение мог менять реальный ход событий на тот, который казался ему в тот момент более уместным.

Деятельность Федора Васильевича Ростопчина на посту московского генерал-губернатора, со всеми её положительными и отрицательными сторонами, в сложный для России период представляется сознательным служением на благо Отечества, а последнее, очень вероятно, имело бы гораздо менее шансов устоять, если бы Александр I выбрал бы для этой должности другого человека. Как и заявлял Ростопчин, соглашаясь на эту должность, он действительно не искал ни наград, ни иных бенефиций, считая, что достаточно получил их в прежние годы, единственной его целью было сохранение России, почему он всемерно способствовал в меру своих сил, разумения и имевшихся у него полномочий.

Литература и источники

1. Дело о Верещагине и Мешкове, с разбором известий и дополнениями о казни первого из них 2-го сентября 1812 года. Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1867. 28 с.
2. Нарышкина Н. Ф. 1812 год, граф Ростопчин и его время / Наталия Нарышкина; пер. с франц. Д.В. Соловьева под ред. С.Н Искюля, отв. ред.: Г.В. Вилинбахов, Санкт-Петербургский институт истории РАН. Санкт-Петербург :Петрополис, 2016. 591 с.
3. Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75 – 81.

T. B. Филатов
T. V. Filatov

О месте патриотизма в российской и советской системе ценностей

On the place of patriotism in the Russian and Soviet value system

Аннотация. Рассматривается место патриотизма в официальных системах ценностей дореволюционной России, СССР и современной Российской Федерации. Идея патриотизма утверждается в Европе в эпоху перехода от религии к идеологии. При этом обосновывается, что идея патриотизма в Европе изначально была тесно связана с идеей национализма. Напротив, в дореволюционной России патриотизм в форме «народности» занимал третью позицию посла православия и самодержавия. В СССР патриотизм становится высшей ценностью общества, будучи увязанным с интернационализмом. Наконец, в современной постсоветской России высшее место в официальной иерархии ценностей занимает человек, что представляет собой разумный компромисс с либеральной идеологией.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, уваровская триада, коммунизм, интернационализм, пентабазис.

Abstract. The article examines the place of patriotism in the official value systems of pre-revolutionary Russia, the USSR, and the modern Russian Federation. The idea of patriotism was established in Europe during the transition from religion to ideology. It is argued that the idea of patriotism in Europe was initially closely linked to the idea of nationalism. In contrast, in pre-revolutionary Russia, patriotism in the form of “nationality” occupied a third position as an ambassador of Orthodoxy and autocracy. In the USSR, patriotism became the highest value of

society, being linked to internationalism. Finally, in modern post-Soviet Russia, the highest place in the official hierarchy of values is occupied by the individual, which represents a reasonable compromise with liberal ideology.

Keywords: patriotism, nationalism, Uvarov's triad, communism, internationalism, pentabasis.

Понятие патриотизма занимает важное место в исторически сложившейся системе ценностей не только российской, но и многих других мировых цивилизаций. Вместе с тем, как справедливо указывают некоторые авторы, наряду с апологией патриотизма в современном мире существует и противоположная тенденция, когда патриотизм вообще исключается из системы ценностей, прежде всего, в рамках современной либеральной идеологии, где ему противопоставляется космополитизм, мультикультурализм, «единая мировая культура» [1, с. 78] и т.п. Иногда современные отечественные исследователи демонстрируют прямо противоположную космополитизму тенденцию, гиперболизируя патриотизм до уровня национальной идеи [2]. В некоторых достаточно полных монографических исследованиях предпринимаются попытки объективного анализа феномена патриотизма [3]. Наконец, ряд авторов предпринимает компромиссную попытку отделить «правильный» патриотизм, обозначаемый ими как научный [4], от «неправильного», чересчур напоминающего ценностно непримлемый для означенных авторов национализм.

На фоне обрисованного выше концептуального многообразия подходов к анализу феномена патриотизма мы не будем втягиваться в многолетние дискуссии, сосредоточившись на другом аспекте рассматриваемой проблемы: какое место занимал патриотизм в официальной системе ценностей дореволюционной России, СССР и какое место занимает он в системе ценностей современной Российской Федерации?

Применительно к дореволюционной России мы обратимся, прежде всего, к широко известной уваровской триаде: «Православие. Самодержавие. Народность» [5]. Дело в том, что XVIII век, завершившийся Великой французской революцией, обозначил начало перехода Европы от века религии, понимаемой как вера в антропоморфное сверхъестественное существо – Бога, к веку идеологии, понимаемой как вера в абстрактные идеи, продуцируемые человеческим разумом. Данный процесс не обошёл стороной и Россию, которая к этому времени, с одной стороны, в основной своей массе оставалась религиозной страной, но, с другой стороны, часть её населения, прежде всего, высшие слои общества, были уже основательно «отравлены» идеалами Просвещения.

Патриотизм как ценностная конструкция становится особенно актуальным для Европы только тогда, когда на смену традиционному механизму легитимации власти через религию («от Бога») приходит легитимация власти от народа [3. С. 48], точнее, от нации. Так, параллельно с патриотизмом в Европе начинает утверждаться его близнец – национализм. Отсюда мнение, что уваровская триада представляла собой разумный компромисс в плане соотношения традиционных религиозных ценностей и духа Просвещения [6. С. 53]. С одной стороны, Православие, т.е. религия, остаётся высшей ценностью; на втором месте оказывается Самодержавие, т.е. государство, и только на третьем Народность, т.е. некий российский аналог европейской нации.

Обратимся теперь к месту патриотизма в системе ценностей советского периода. Изначально марксистская идеология противопоставляла патриотизму интернационализм. Достаточно вспомнить известный тезис из «Манифеста коммунистической партии»: «Коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет». Действительно, коммунизм было весьма трудно совместить с национализмом, тем более для России, которая, подобно европейской Австро-Венгрии исторически складывалась как многонациональная страна. Однако, в конечном итоге, это осуществилось на практике, когда интернационализм и патриотизм стали использоваться в советской идеологии практически как синонимы. Дело в том, что мировая революция, которую ожидали большевики, так и не осуществилась, и СССР оказался единственным социалистическим государством на земле, так же как ранее, в период становления русской государственности, Россия после падения Византии становится Третьим Римом – последним православным государством на планете.

Именно в советский период патриотизм в форме любви к «нашей советской Родине» поднимается на недосягаемую высоту, поскольку Православия фактически нет, а Самодержавия нет ни фактически, ни идеологически. Показательно, что именно измена Родине рассматривается в СССР как величайшее из всех преступлений и карается расстрелом (конечно, на практике не всегда было так).

После распада Советского Союза коммунистическая идеология утратила статус государственной, подобно тому, как ранее, после соответствующего декрета Ленина, православие утратило статус государственной религии. В результате в Российской Федерации утвердился идеологический плюрализм, на практике вылившийся в агрессивное распространение в нашей стране либеральной идеологии и соответствующей системы ценностей, поскольку, как заметил ещё Аристо-

тель, природа не терпит пустоты. С другой стороны, как постулировал в своё время Ньютон, всякое действие порождает противодействие, вследствие чего в России сегодня утверждается новая иерархия ценностей, представленная т.н. пентабазисом [7.], включающим в себя такие элементы как Человек, Семья, Общество, Страна, Государство.

По сравнению с уваровской триадой здесь отсутствует религия, сравнительно с СССР в пентабазисе на первое место выходит не страна и даже не государство, а человек. И это весьма показательно. Подобную ценностную иерархию можно рассматривать как вынужденную уступку либеральной идеологии с её индивидуализмом, противостоящем коллективизму традиционных цивилизаций.

В целом, иерархия ценностей, обозначенная в пентабазисе, представляется нам достаточно работоспособной, поскольку она отражает реальный диалектический процесс исторической эволюции ценностной составляющей российского общества, в процессе которой аккумулируются и переосмыливаются, а не отбрасываются весьма разнообразные, порой кардинально друг другу противоречавшие ценностные установки.

Литература и источники

1. Чоговадзе К. К вопросу о происхождении понятия «патриотизм» и формах его проявления. // Вестник ПГУ. Гуманитарная серия. 2019. № 4. С. 77-87.
2. Патриотизм – национальная идея России: гражданское, военное, духовное служение // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. - 180 с.
3. Кром М. М. Патриотизм, или Дым отечества. – СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. - 159 с.
4. Клёсов А. А. Патриотизм и научный патриотизм // Эко-потенциал. 2018. № 4 (24). С. 225-228.
5. Зорин А. Л. Идеология «Православия. Самодержавия. Народности» : опыт реконструкции (Неизвестный автограф меморандума С. С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104.
6. Бадалян Д. А. «Официальная народность» или народность? С. С. Уваров и А. С. Хомяков // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 51-66.
7. Чуксина В. В., Нарутто С. В. «Пентабазис» как основа национальной идеологии России: нормативно-правовое измерение // Юридическое образование и наука. 2024. № 5. С. 16-20.

*Г.-Ж. Муллек
G.-G. Moulléc*

Членство в ФКП (1920-1945) : патриотизм отверженных обществом

Membership in the FCP (1920-1945) : the patriotism of the social outcasts

Аннотация. Членство в ФКП в довоенные годы позволяло быть патриотом и одновременно верить в интернациональные идеалы. Личный опыт отверженных обществом, благодаря партии, превращался в борьбу за справедливость для всех.

Ключевые слова: *ФКП, патриотизм, интернационализм, социальное происхождение, партийное просвещение, социальный рост.*

Abstract. *The article examines membership in the FCP, which in the pre-war years allowed one to be a patriot and at the same time believe in international ideals. Thanks to the party, the personal experience of those excluded from society was transformed into a struggle for justice for all.*

Keywords: *FCP, patriotism, internationalism, social background, party education, social growth.*

История Французской коммунистической партии (ФКП) не сводится лишь к череде политических событий или эволюции идей. Это прежде всего, история тех, кто посвятил свою жизнь борьбе, кто жертвовал собой ради убеждений, кто сохранял веру и надежду в будущее. Принадлежность к ФКП в довоенные и военные годы объяснялась не только идеологической приверженностью идеям коммунизма, она представляет собой особый социальный опыт, который заслуживает тщательного изучения. Речь идет о том, чтобы понять, почему во Франции XX века люди из малообеспеченных семей, столкнувшись с социальной несправедливостью, со страданиями, отвергнутые обществом, нашли в ФКП нечто большее, чем партию. Для них членство в партии стало единственным шансом бороться за свои права и одновременно стало возможностью доказать, что они тоже являются полезной частью французской нации [1, С. 536]. В этой связи принадлежность к партии может быть интерпретирована как форма социального патриотизма: патриотизма отверженных обществом, бедных, слабых и обездоленных, которые стремятся заявить о себе и доказать свою пользу обществу. Этот патриотизм не противоречит провозглашенному ФКП интернационализму; он прямо соотносится с ним, придавая смысл борьбе за светлое будущее.

Партийная деятельность как ответ на отторжение обществом

Членство в ФКП можно полностью понять только в контексте социальных условий, которые делают его возможным. Для существенной доли активистов приверженность коммунистической идеологии выступает не просто как осознанный идеологический выбор, но и как ответная реакция на их собственный пережитый опыт отторжения обществом, в котором трудно добиться признания, опыт экономического или культурного отчуждения, когда тебя просто не замечают в классовом обществе. В этом случае членство в ФКП давало возможность исправить ситуацию и превратить свое подчиненное положение в признанное обществом.

Эту динамику иллюстрируют биографии трех французских коммунистов, приведенные в Дневнике Георгия Димитрова [2, С. 42, 95, 96]. К примеру, Раймон Гюйо (1903-1986) родился в семье извозчика. После смерти отца мать с двумя маленькими детьми была вынуждена вернуться в деревню. В шестнадцать лет Гюйо начал трудиться на железной дороге. В 1925 году он вступил в ФКП, а через три года был направлен в Москву на съезд КИМ, где его избрали членом исполкома. В период, предшествовавший Второй мировой войне, Раймон Гюйо неоднократно арестовывался и вынужден был скрываться, находясь на нелегальном положении. Видный деятель ФКП Р. Гюйо принимал участие в движении Сопротивления и стал после войны депутатом Национального собрания в 1946-1958 гг., а затем сенатором (1959-1977).

Другой пример: Франсина Фромон (1917-1944). Она родилась в Париже в семье механика. Уже в тринадцать лет она вынуждена была зарабатывать на жизнь, став продавщицей. Трагедия настигла семью в 1932 г.: отец погиб во время демонстрации безработных, оставил мать-портниху с тремя детьми. Однако эти трудности не сломили ее: в 1937 г. она вступила в ФКП. Активная участница движения Сопротивления была расстреляна в тюрьме «Фрэн» 5 августа 1944 г. в возрасте 26 лет.

Третий французский коммунист Даниэль Жорж (1911-1994) родился в семье булочника - сторонника коммунистических идей. В много-детной семье вырос и его брат Пьер Жорж, прославившийся как полковник Фабьен, погиб в 1944 г. в бою, защищая Францию. Сам Даниэль начал работать уже в 14 лет — сначала в качестве фотографа, затем освоил типографское дело. После участия движения Сопротивления он руководил мэрией города дэ Лила в пригороде Парижа (1945-1947).

Приведенные примеры показывают, каким образом ФКП обеспечивала социальный путь тем, у кого не было возможности получить образование в довоенной Франции. Партия давала возможность и помогала овладеть организационными навыками и знаниями, что позво-

ляло преодолеть барьеры в обществе, которое изначально отторгало этих людей.

Провозглашенный ФКП интернационализм не вступал в противоречие с социальным патриотизмом ее активистов, но, напротив, в рамках партийной и общественной деятельности личный опыт пережитой несправедливости и преодоленных трудностей трансформировался в осознанную коллективную борьбу за освобождение человечества.

Генезис патриотизма отверженных обществом

Членство в ФКП невозможно понять без учета исторического и социального контекста, который сформировал ее привлекательность для народных масс. С момента своего основания в 1920 г. ФКП, по выражению М. Тореза, партия «сынов народа» [3], видела свою миссию в освобождении трудящихся и построении общества равенства. Чтобы доказать свою близость к народу, партия постоянно подчеркивала рабочее происхождение своих членов, представляя его как доказательство подлинной революционности и связи с народными массами.

Рабочее происхождение членов ФКП, в отличие от членства в ВКП(б) [4], имело не символическое, а практическое значение. Социальное происхождение напрямую влияло на то, как осуществлялся набор кадров, по каким критериям признавались заслуги активистов, обеспечивало карьерный пост внутри партийной структуры. Социальный статус коммунистов становился единственным механизмом, определявшим ключевые процессы жизнедеятельности партии.

Характерной чертой патриотизма членов ФКП является соотношение между пролетарским интернационализмом, выводящим борьбу за права трудящихся на мировой уровень, и восприятием собственной страны как места воплощения идеалов социальной справедливости и построения справедливого общества.

ФКП последовательно увязывала защиту интересов рабочего класса с концепцией демократической нации, где нация может и должна стать «демократической» — то есть служить не элитам, а народу. Таким образом, защита интересов рабочих оказалась напрямую связана с новым пониманием нации.

Эта патриотическая концепция коммунистического движения приобретает особую остроту в периоды национальных кризисов, в частности, в годы Второй мировой войны, отмеченные антифашистским движением Сопротивления, так и на этапе послевоенного восстановления. Назвав себя «партией 75 000 расстрелянных» [5], ФКП использовала этот трагический символ, чтобы подчеркнуть, что именно она продолжает традиции народного героизма, и именно коммунисты по праву считаются носителями истинного патриотизма.

В повседневной жизни коммунистов патриотическая идея обретала новое измерение. Многие партийные активисты, не имевшие образования, через патриотическую идентичность пытались добиться признания, доказать свою ценность обществу, чтобы стать полноправными участниками общественного процесса.

Партийная принадлежность как механизм формирования идентичности

Партийная принадлежность не ограничивается моментом вступления в партию. Она является частью процесса политической социализации, который навсегда меняет представления и поведение людей. Партия предлагает четкую систему координат для интерпретации мира; ощущение исторической миссии социального преобразования будущего; сообщество единомышленников, разделяющее общие ценности. Это позволяет человеку выйти за пределы частной жизни и ощутить себя субъектом истории, что придает его существованию дополнительную глубину.

В обязательной для члена партии системе партийного просвещения формировалось целостное мировоззрение, базирующееся на принципах борьбы, солидарности и дисциплины. Обучение в партийных школах и на партийных курсах активистов из простых семей открывало дорогу к социальному признанию в обществе. В партшколах они освещали культурные навыки, которые позволяли им преодолеть невидимые барьеры, отделяющие их от других социальных групп.

Участие в партийной жизни давало партийному активисту новые возможности самореализации, когда при отсутствии специального образования он мог занять ответственную должность и заслужить уважение окружающих. Партийный активист учился «говорить на языке партии», овладевал политическим словарным запасом, который придавал ему авторитет и легитимность.

Партийная принадлежность проявлялась даже в том, как активисты строили свою биографическую нарративную линию. Автобиографии коммунистов подчиняются особым схемам, где личный путь переосмысливается в свете коллективной борьбы. Это переосмысление себя позволяет превратить обычные переживания – бедность, эксплуатацию, несправедливость – в доказательства своей революционной подлинности. Коммунист определяется не только своим социальным происхождением, но и принадлежностью к определенному единому для всех обществу, отвергнутому буржуазным обществом.

Внутренняя жизнь партии также основана на повседневных практиках — собраниях, митингах, демонстрациях, которые поддерживают чувство принадлежности к обществу и пролетарской солидарности,

что служит почвой для формирования идентичности. Таким образом, партийная принадлежность – это не просто формальное членство, а глубокий жизненный опыт, который меняет отношение человека к себе, к другим и к окружающему миру.

Таким образом, исследование французского коммунистического движения демонстрирует сложную динамику взаимодействия личных устремлений, коллективной логики и идеологических установок. Вписав свою жизнь в траекторию борьбы ФКП, партийные активисты из простых семей нашли способ сделать свой голос услышанным в обществе.

В целом, эта динамика выражается во взаимодополняющих изменениях. Прежде всего, ФКП связывала защиту интересов рабочих с требованием создания демократической нации. Кроме того, принадлежность к партии позволили людям сформировать политическую идентичность, превратив обычный жизненный опыт в доказательство революционной подлинности. В результате, для многих коммунистов членство в партии формировало не только ощущение причастности к общему делу, но и устойчивое чувство принадлежности к сообществу, у них появилась реальная возможность что-то поменять в обществе.

В этом ракурсе коммунистические убеждения можно интерпретировать как социальный патриотизм, патриотизм обездоленных и отверженных обществом, который не сводится к идеологической позиции, а воплощается на практике. Этот подход побуждает переосмыслить понятие патриотизма, освободив его от националистических коннотаций и рассматривая его как стремление к признанию и справедливости.

Литература и источники

1. От Атлантики до Урала. Советско-французские отношения, 1956-1973 / отв. сост. Г.-Ж. Муллек [и др.]. – М.: МДФ, 2015. - 619 с.
2. «Они сражались за нашу Родину...» *Дневник Георгия Димитрова (1941-1945) / отв. ред. Т.Г. Зазерская; сост. З.К. Водопьянова, Г.-Ж. Муллек, А.А. Полещук, Р.Н. Рахимов, В.Л. Хейфец, Л.С. Хейфец.* – М.: «Издательство «Кучково поле», 2020. – 640 с.
3. Thorez M. *Fils du peuple*. Paris: Éditions sociales internationales. 1937. - 221 p.
4. Статистический анализ анкет делегатов конференций МК и МГК ВКП(б) в 1921-1939 гг. как первый шаг к просопографии партийной элиты (1921-1939 гг.) / Биография в истории: к 100-летию Института им. В.И. Ленина. Девятые Рязановские чтения, М., Публ. ист. библ-ка России, Ист. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023, с. 20-29.
5. Quéré G. Le PCF et ses 75000 fusillés! // URL: <http://www.gaullisme.fr/2020/12/02/le-pcf-et-ses-75-000-fusilles/> (дата обращения: 20.11.2025).

Т. Г. Зазерская
T. G. Zazezrskaya

Эволюция понятия патриотизма в международном коммунистическом движении (1919–1949): по материалам Дневника Г. Димитрова

The Evolution of the Concept of Patriotism in the International Communist Movement (1919-1949): On the Diary of G. Dimitrov

Аннотация. В статье рассматривается соотношение понятий патриотизм и интернационализм в Дневнике Г. Димитрова. Автор приходит к выводу о том, что коммунистическое движение прошло путь от отрицания патриотизма как буржуазного пережитка до создания концепции социалистического патриотизма, подчиненного целям мировой революции. Социалистический патриотизм постепенно утрачивал идеальное содержание, что свидетельствовало о разрыве между провозглашаемыми идеалами и практикой их реализации в рамках Коминформа.

Ключевые слова: Коминтерн, пролетарский интернационализм, социалистический патриотизм, национализм, Дневник Г. Димитрова.

Abstract. The article deals with the balance between the concepts of patriotism and internationalism in the Diary of G. Dimitrov. The author concludes that the communist movement evolved from rejecting patriotism as a bourgeois relic to developing the concept of socialist patriotism, subordinated to the goals of world revolution. Socialist patriotism gradually lost its ideological content, demonstrating a gap between its proclaimed ideals and the practical implementation of them within the Cominform.

Keywords: Comintern, proletarian internationalism, socialist patriotism, nationalism, Diary of G. Dimitrov.

Исторически идея патриотизма получила мощное развитие в эпоху Французской революции, когда верность монарху была заменена долгом перед народом и государством. С этого момента патриотизм стал рассматриваться как гражданская добродетель, способная выстраивать прочные эмоциональные связи между человеком и обществом. Кроме морально-нравственного аспекта патриотизм также являлся мощным инструментом политики, позволяющим сплотить народ, оправдать войну или укрепить власть правителя.

Теоретики марксизма подчеркивали, что «рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет» [1, С. 444]. Ленин развел эту мысль, указав, что несмотря на то, что большевикам пришлось в эпоху Брестского мира «идти против патриотизма» [2, С. 213], пролетариат не может игнорировать конкретные политические условия, включая судьбу собственной страны.

Классовый подход при решении вопроса о соотношении патриотизма с интернационализмом с учетом национальных особенностей страны, был выработан в XX веке. Эволюцию решения этого вопроса Коминтерном можно разделить на три этапа: первоначальное отрижение и тактическое признание патриотизма, патриотическая мобилизация в годы войны и послевоенная интерпретация в рамках социалистического блока.

При рассмотрении различных проявлений патриотизма было выделено несколько ключевых вариаций, классифицированных либо как реакционный (буржуазный), либо как стратегически прогрессивный (антиимпериалистический, антифашистский, советский, социалистический) патриотизм.

В начальный период с 1919 по 1934 гг. на конгрессах Коминтерна осуждался буржуазный патриотизм Второго Интернационала, социалистические партии которого поддержали участие своих правительств в Первой мировой войне.

Однако, в колониальных и полуколониальных странах ИККИ поощрял антиимпериалистический патриотизм, служивший революционным целям в борьбе за национальное самоопределение и независимость от империалистической метрополии. В этом ракурсе союз КПК с Гоминьданом в 1920-е годы рассматривался как необходимый тактический шаг.

Патриотизм стал предметом дискуссий в ИККИ в довоенные годы (1935-1941). Если целью пролетарского интернационализма было единство интересов трудящихся классов разных стран в борьбе против капитализма, то патриотизм уже рассматривался не как препятствие, а как инструмент борьбы за социальную справедливость.

Подъем фашизма в Германии и Италии в середине 1930-х гг. воспринимался как непосредственная угроза Советскому Союзу и международному коммунистическому движению. В связи с этим в рамках принятой на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. тактики «народных фронтов» – коалиций коммунистов, социалистов и демократов против фашизма – приоритетной задачей коммунистов стала победа над фашизмом, а не свержение капиталистического строя. Именно поэтому призыв защитить родину в годы Гражданской войны в Испании и в Чехословакии рассматривался уже как антифашистский патриотизм.

В СССР концепция построения социализма в отдельно взятой стране, принятая в 1925 г., культивировала образ Родины как оплота социализма.

Сталин отмечал в 1938 г., что «серьезная помощь международного пролетариата является той силой, без которой не может быть реше-

на задача окончательной победы социализма в одной стране... нужно организовать политическую помощь рабочего класса буржуазных стран рабочему классу нашей страны на случай военного нападения на нашу страну, равно как организовать всяческую помощь рабочего класса нашей страны рабочему классу буржуазных стран» [4]. Таким образом, интернационализм и поддержка социалистического государства стали обязательным условием поддержки революционных движений за рубежом.

Исходя из этой концепции, как указывал Димитров 16 ноября 1940 г., основным условием принадлежности партии к Коминтерну является верность партии марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму.

Однако, теоретические аспекты соотношения понятия интернационализма с «правильно понятым» национализмом еще не были разработаны. 27 февраля 1941 г. при обсуждении с Димитровым вопросов подготовки слушателей в школах ИККИ Жданов отмечал, что «мы сбились на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты».

12 мая 1941 г. Жданов вновь вернулся к теме национализма: «Нужно развить идеи сочетания здорового правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом. Пролетарский интернационализм должен опираться на этот национализм в отдельных странах. Товарищ Сталин разъяснял, что между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом. Этот космополитизм подготавливает почву для вербовки разведчиков, агентов врага».

В первый день Великой Отечественной войны Димитров отмечает: «Партии на местах развертывают движение в защиту СССР. Не ставить вопрос о социалистической революции. Советский народ ведет Отечественную войну против фашистской Германии. Вопрос идет о разгроме фашизма, поработившего ряд народов и стремящегося поработить и другие народы».

Задача Советского Союза означала для иностранных коммунистов защиту своей родины, поэтому преданность Советскому Союзу приняла форму антифашистского интернационализма при неуклонном росте патриотизма, поскольку единство в рамках одной нации или одного народа давало надежду на победу над врагом.

9 мая 1942 г. на заседании редакции журнала «Коммунистический Интернационал» при обсуждении плана майского и июньского номе-

ров журнала Димитров предложил редакции разработать новые темы, в частности, «Интернационализм и патриотизм».

Тем не менее, в послевоенный период с образованием стран народной демократии термин «патриотизм» постепенно уходит из политических дискуссий и трансформируется в «социалистический патриотизм».

Созданный в 1947 г. Коминформ сделал попытку консолидации режима в странах народной демократии с помощью социалистического патриотизма. Однако, изначально задуманная как площадка для координации коммунистических движений, деятельность Коминформа постепенно свелась к воспроизведению идеологических клише, догматизму и абстрактному теоретизированию, оторванному от реалий политической жизни. Об этом свидетельствует выступление Маленкова на первом совещании, где он процитировал слова Сталина: «Сила советского патриотизма... состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза» [5, С. 78].

В рамках Коминформа пропаганда советского и социалистического патриотизма была неразрывно связана с борьбой против проявлений «буржуазного национализма», который рассматривался как угроза единству социалистического блока. Стремление Тито к независимому пути развития бросало вызов советскому руководству. После исключения Югославии из Коминформа в письме к Сталину от 2 ноября 1948 г. Димитров выступил с осуждением национализма Тито: «Национализм, какой бы маской он ни прикрывался, есть враг коммунизма. Это наглядно показывает антисоветская практика националистической группы Тито в Югославии. Поэтому борьба с национализмом является первой обязанностью коммунистов.

Борясь против всяких проявлений национализма, мы должны воспитывать трудящихся нашей страны в духе пролетарского интернационализма и преданности своей Родине, т.е. патриотизма». Интересно отметить, что термин «интернационализм» появляется в дневниковых записях Димитрова с 1945 по 1949 гг. появляется лишь один раз.

Идеологический конфликт с Тито привел к чисткам и казни реальных и мнимых единомышленников югославского лидера. Самой известной жертвой стал Трайко Костов, высокопоставленный руководитель БКП, обвиненный в «болгарском национализме».

Таким образом, коммунистическое движение прошло путь от отрица-

ния патриотизма как буржуазного пережитка до создания концепции социалистического патриотизма, подчиненного целям мировой революции. Однако призывы «культивировать социалистический патриотизм на идейной основе братства между народами»¹, звучавшие на заседаниях Коминформа, оставались преимущественно декларативными. Социалистический патриотизм постепенно утрачивал идейное содержание, что свидетельствовало о разрыве между провозглашаемыми идеалами и практикой их реализации в рамках Коминформа.

Примечание

¹ Заседание 3-е от 17 ноября 1949 г. Продолжение выступлений по докладу т. Суслова. Выступление т. И. Кишиневского (член ПБ Румынской рабочей партии) Там же, С. 599.

Литература и источники

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Соч.: в 50 т. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419-459.
2. Ленин В.И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 207-224.
3. Димитров Г. Дневник / отв. ред. Т.Г. Зазерская, сост. Д.М. Абдрахманов, З.К. Водопьянова, А.В. Зотова, В.В. Латынова, М.Х. Марданов, Р. Михнева (Болгария), Г.-Ж. Муллек, (Франция), А.А. Полещук, Д. Руис-Сергеева (Испания), Е.Н. Струкова, Д. Ступарь (Республика Сербия) // в 3 т. СПб.: Полторак, 2026 (готовится к публикации).
4. Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина. // Правда. 1938. №44. С. 3.
5. Маленков Г.М. Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП(б). / Информационное совещание представителей некоторых компартий. Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949: Док. и материалы. - М.: Россспэн, 1998. – 753 с.
6. Заседание 3-е от 17 ноября 1949 г. Продолжение выступлений по докладу т. Суслова. Выступление [члена ПБ Румынской рабочей партии] т. И. Кишиневского. М.: Россспэн, 1998. – 753 с.

Список участников LVIII Международной научной конференции

1. Алексеев Виктор Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент Исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва), E-mail: morehod800@mail.ru
2. Баканов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Махачкала, Республика Дагестан), E-mail: mtr.bakanov85@mail.ru
3. Баканов Дмитрий Константинович — младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) (Москва), E-mail: b79190524539@yandex.ru
4. Бахтиридзе Зейнаб Зелимхановна — доктор политических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург), E-mail: zeinabb1000@list.ru
5. Бенда Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Заведующий кафедрой естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Бокситогорского филиала (института) ЛГУ им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: bvn.1962@mail.ru
6. Балашов Дмитрий Евгеньевич — руководитель службы психологической поддержки РАНХиГС (Санкт-Петербург), E-mail: balashov-de@ranepa.ru
1. Войнов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: vojnov.a@mail.ru
2. Головин Евгений Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск), E-mail: golovin007@mail.ru
7. Гуркин Андрей Борисович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург), E-mail: abgur313@mail.ru
8. Гуркина Нина Константиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления (РАНХиГС) (Санкт-Петербург), E-mail: nina-gurkina@yandex.ru
9. Дианова Елена Васильевна — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ) (Петрозаводск, Республика Карелия), E-mail: elena-dianowa@yandex.ru
10. Дианова Ксения Андреевна — кандидат исторических наук, историк и семиотик моды, психолог (Петрозаводск, Республика Карелия), E-mail: pheiruz@mail.ru
11. Ерошкина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, СПбГУ, факультет Международных отношений, доцент кафедры Международных гуманитарных связей (Санкт-Петербург), E-mail: o.eroshkina@mail.ru
12. Жукова Наталья Александровна — преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: natalja.naj2@yandex.ru
13. Зазерская Татьяна Георгиевна — докторант, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) (Москва),

E-mail: zazerskaya.tatiana@gmail.com

14. Злобин Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО Воронежский государственный университет инженерных технологий (Воронеж), E-mail: dronns@yandex.ru

15. Зотова Анастасия Валерьевна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений на постсоветском пространстве, Санкт-Петербургский государственный университет, академик РАН (Санкт-Петербург), E-mail: anastasiyazotova@mail.ru

16. Иванова Наталья Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский Юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Санкт-Петербург). E-mail: i-natalii@yandex.ru

17. Ильин Евгений Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), E-mail: civi@mail.ru

18. Ипполитов Георгий Михайлович — доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: Ippo1953@yandex.ru

19. Кандаурова Татьяна Николаевна — Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доцент, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва), E-mail: tanikand@mail.ru

20. Климов Владислав Дмитриевич — аспирант, Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Хабаровск), E-mail: vdklimovh@mail.ru

21. Козлов Александр Петрович — кандидат исторических наук, доцент, Военно-исторический институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: petrovich138@yandex.ru

22. Коровин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск), E-mail: vlavikor@yandex.ru

23. Кузенкова Марина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург), E-mail: marinahistory@yandex.ru

24. Леонов Евгений Александрович — аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: e.leonoff@mail.ru

25. Максимов Виктор Валерьевич — соискатель Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: vixtor.maximov@gmail.com

26. Максимов Михаил Александрович — соискатель Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (г. Пушкин, Санкт-Петербург), E-mail: maximov.mgimo@gmail.com

27. Малахова Серафима Игоревна — МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, преподаватель (Москва), E-mail: serafimasoma@mail.ru

28. Мамедова Наиля Вагиф кызы — доктор философии по истории, доцент, преподаватель кафедры «Новая и новейшая история стран Европы и Америки» Бакинского Государственного Университета (Баку, Азербайджанская Республика), E-mail: elchin.mammadov@gmail.com

29. Мантет Джеймс — литератор, переводчик, редактор по переводу журнала «Апраксин блюз», редакционный советник Mundus Artium Press (Калифор-

- ния, США). E-mail: apraksinblues@gmail.com
30. Муллек Гаэль-Жорж — доктор исторических наук, ассоциированный исследователь в Реннской бизнес-школе (Франция), E-mail: gael.georges.moulliec@gmail.com
31. Овчарова Екатерина Эдуардовна — кандидат экономических наук, доцент; независимый исследователь, писатель, переводчик (Санкт-Петербург), E-mail: ekbs@yandex.ru
32. Оточкин Вячеслав Валентинович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: wjach-otoch@mail.ru
33. Павлова Ольга Константиновна — профессор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург), E-mail: pavlovaok55@mail.ru
34. Петров Николай Вячеславович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск), E-mail: petrovkolya97@mail.ru
35. Полторак Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Санкт-Петербург), E-mail: poltorak2006@yandex.ru
36. Потапенко Павел Сергеевич — аспирант, ФГБОУ ВО Юго-Западный государственный университет (Курск), E-mail: potapenko.paulus@yandex.ru
37. Рожин Иван Сергеевич — аспирант, ФГКОУ ВО ДВЮИ МВД России имени И.Ф. Шилова (Хабаровск), E-mail: ivangrozniiy640@gmail.com
38. Романенкова Олеся Валерьевна — ассистент кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (г. Самара), E-mail: romanenkovova.83@mail.ru
39. Руденко Владислав Эдуардович — инженер научно-исследовательского отдела научно-исследовательского центра, Михайловская военная артиллерийская академия (Санкт-Петербург), E-mail: v.rudenko@science-mvaa.ru
40. Савченко Дмитрий Евгеньевич — старший преподаватель факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург), E-mail: savchdm@mail.ru
41. Свенцицкая Юлия Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент, экскурсовод ГМЗ “Петергоф”, действующий член РПО, член Союза писателей России (Санкт-Петербург), E-mail: yuliasven@yahoo.com
42. Скурлов Валентин Васильевич — кандидат искусствоведения, эксперт Министерства культуры РФ, ученый секретарь Мемориального Фонда Фаберже (Санкт-Петербург), E-mail: valentinskurlov@mail.ru
43. Смертин Юрий Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежного регионоведения и востоковедения, Кубанский государственный университет (Краснодар), E-mail: my@jusmertin.ru
44. Сохор Татьяна Евгеньевна — магистр культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), E-mail: sohor@mail.ru
45. Степанюк Сергей Валерьевич — соискатель кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (г. Ульяновск), E-mail: amvrosiyam@icloud.com

46. Сычев Дмитрий Максимович — курсант 4 курса, Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), E-mail: dima876pt@mail.ru
47. Тихомиров Артем Валдекович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи (Санкт-Петербург), E-mail: at1782@mail.ru
48. Федулов Сергей Валентинович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург), E-mail: serg.val.fed.661000@yandex.ru
49. Филатов Тимур Валентинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Поволжской государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара), E-mail: tfilatoff1960@mail.ru
50. Фруменкова Татьяна Георгиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории XIX – XXI вв., почетный доцент РГПУ им. А.И. Герцена, РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург), E-mail: frumentat@yandex.ru
51. Шестопалов Павел Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), E-mail: picassopavel@mail.ru
52. Ширина Елизавета Сергеевна — адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова (Хабаровск), E-mail: shirina.e.s@mail.ru
53. Щемелева Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург), E-mail: shchemeleva.l@yandex.ru

Содержание

Алексеев В.В. «Квасной патриотизм» в Отечественной войне 1812 года как историко-психологический феномен.....	3
Бахтuriдзе З.З. Поколенческие различия в понимании патриотизма в современной России: историко-психологический анализ.....	7
Мамедова Н.В. кызы. Голландская живопись при шахском дворе, как часть дипломатических контактов между Сефевидами и Нидерландами.....	12
Романенкова О.В. Патриотическая идея в воспитании воинства Древней Руси	19
Фруменкова Т.Г. Российская патриотка императрица Марии Федоровна и сотрудники марииинских благотворительных заведений в 1812 – 1813 гг.....	23
Баканов А.В. Светские школы Дагестанской области: 1860-1917 гг. (Беглый взгляд на некоторые аспекты патриотического воспитания дагестанских мусульман).....	28
Шестопалов П.И. Значение «Морского сборника» в развитии маринистической публицистики в России во второй половине XIX века	33
Свенцицкая Ю.А. Воспоминания о детстве и доме как ресурс (по материалам автобиографий Николая Александровича Бенуа и Марка Шагала).....	36
Смертин Ю.Г. Мулань: воительница и патриотка в китайских нарративах.....	39
Павлова О.К. Значение образования в традициях патриотического воспитания купеческого сословия (К истории коммерческого образования в России)	44
Потапенко П.С. Патриотизм как феномен общественного сознания в представлении российских мыслителей XVIII – нач. XX вв. и полководцев Великой Отечественной войны.....	49
Ипполитов Г.М. Патриотическая доминанта в повышении уровня морально-психологического состояния корпуса армейского офицерства Вооруженных сил Российской империи в условиях мирного времени (конец XIX – XX вв.)	53
Леонов Е.А. Изменение массового сознания солдат на примере морального состояния русской армии в период Русско-японской войны и Первой мировой войны.....	58
Иванова Н.М. Патриотическая деятельность Алексеевского главного комитета и Александровского комитета о раненых в годы Первой мировой войны.....	64

Рожин И.С. Полиция Амурской области в 1915 году: отражение в дальневосточной прессе	68
Козлов А.П. Значение аграрного фактора в восстании 1916 года в Казахстане.....	72
Максимов В.В. Патриотизм национальный, имперский и «классовый»: противоборство политических сил в Баку в 1918 г.	76
Максимов М.А. Российский патриотизм Л. Бичерахова: между англичанами, кавказскими националистами и большевиками	80
Баканов Д.К. Политика Народного комиссариата по делам национальностей по содействию оптации латышами гражданства РСФСР.....	85
Петров Н.В. О значении идей мировой революции как элемента патриотического воспитания населения провинциальной губернии в первые годы советской власти (на примере Курского региона).....	89
Степанюк С.В. Периодическая печать как инструмент коммунистического воспитания в реализации решений XX съезда КПСС	92
Савченко Д.Е. Проблематика патриотизма и интернационализма в период событий советско-польского противостояния в 1918-1921 гг.	98
Жукова Н.А., Тихомиров А. В. Проведение Патриотических вечеров М. И. Долиной в период с 1914 по 1917 год и участие в их организации П. В. Якобсона, ставшего в 1924 году начальником Ленинградского Дома Красной Армии и Флота...	102
Ильин Е.В., Сохор Т.Е. «Оборонная работа» в Ленинградском университете в период советско-финляндской войны (по материалам университетской газеты).....	108
Поярков А.А., Сычев Д.М. «Незнаменитая» война. Психологический аспект советско-финского конфликта (1939-1940).....	115
Бенда В.Н. Предатели и пособники немецко-фашистских оккупантов на белорусской земле.....	121
Зотова А.В., Полторак С.Н. Патриотизм банковских сотрудников в Ленинграде в 1941-1944 гг.	127
Федулов С.В., Руденко В.Э. Патриотическое воспитание военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).....	133
Войнов А. М., Оточкин В. В. Духовные факторы победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.): к историографии вопроса	137

Головин Е.А. «Сталинская забота» о работниках транспорта как фактор формирования патриотизма.....	142
Злобин А.Н. Отношение рабочих и колхозников Центрально-Чернозёмной области к официальной идеологии советского патриотизма	147
Климов В.Д. Периодическая печать как источник в изучении деятельности органов внутренних дел по противодействию преступности на юге Дальнего Востока России (1991-2011 гг.)	152
Ширина Е.С. Общественные организации как инструмент профилактики преступности несовершеннолетних.....	156
Дианова Е.В. От любви к краю – к любви к Отчизне: деятельный патриотизм северных кооператоров	159
Дианова К.А. Одежда как знаковая система патриотизма: культурный код национальной идентичности в моде.....	164
Коровин В.В. О современных подходах к патриотическому воспитанию студентов: региональный аспект.....	169
Ерошкина О.Н. Патриотизм как традиционная ценность русской интеллигенции	174
Гуркина Н.К., Гуркин А.Б. «Значит, нужные книги ты в детстве читал!» (книга и патриотизм).....	178
Балашов Д.Е. Трансформация патриотического отношения к труду в России (1955–2025 гг.): историко-психологический анализ....	185
Кузенкова М.В., Щемелева Е.Г. Роль личности современного преподавателя высшей школы в формировании патриотической позиции студентов.....	190
Маннэт Дж. В поисках этического патриотизма: «Король былого и грядущего» Т.Х. Уайта.....	194
Малахова С.И. Для французского министра грех быть итальянцем? Дебаты в памфлетах Фронды	199
Овчарова Е.Э. Патриотизм Федора Ростопчина.....	205
Филатов Т. В. О месте патриотизма в российской и советской системе ценностей.....	210
Муллек Г.-Ж. Членство в ФКП (1920-1945) : патриотизм отверженных обществом	214
Зазерская Т. Г. Эволюция понятия патриотизма в международном коммунистическом движении (1919–1949): по материалам Дневника Г. Димитрова.....	219

«Патриотизм как историко-психологическое явление»

Материалы

LVIII Международной научной конференции

Санкт-Петербург, 16 декабря 2025 г.

Издательство «Полторак».

195220, Санкт-Петербург, Гражданский пр., 11.

Телефон (факс): +7(950)0241405.

E-mail: poltorak2006@yandex.ru

<http://clioscience.com/>

Подписано в печать 24.11.2025

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Объем 12 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 52112

